

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

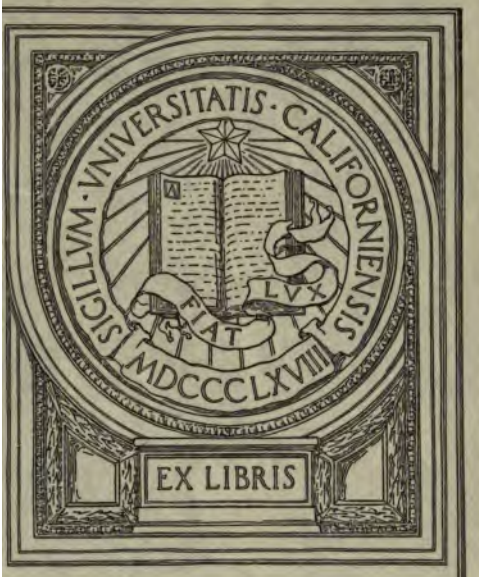
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

C. together 3-8-45 KRM

E. F. Shmurlo

Izviestiia

ИЗВѢСТІЯ

Dzhiovanni Tedal'di o Rossii

ДЖІОВАННИ ТЕДАЛЬДИ О РОССІИ

Vremen Ivana Groznago

ВРЕМЕНЪ ИВАНА ГРОЗНАГО.

Е. Шмурло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Екатеринин. кан., д. № 80.
1891.

До зволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Мая 1891 г.

MILUKOV LIBRARY

UNIV OF CALIFORNIA

Настоящая работа первоначально была помѣщена въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1891, № 5). Выпуская ее отдѣльно, мы сочли не лишнимъ рядомъ съ переводомъ донесенія Поссевина приложить и оригинальный его текстъ, перепечатывая его изъ изданія о. Пирлинга, который пользовался автографомъ знаменитаго іезуита-дипломата.

DK5
545

Русская историческая наука далеко еще не сказала своего послѣдняго слова объ эпохѣ Ивана Грознаго; тѣмъ менѣе устойчивости и опредѣленности въ пониманіи самой личности, стоявшей въ то время во главѣ Русскаго государства. Мы даже не можемъ похвалиться удовлетворительнымъ анализомъ источниковъ второй половины XVI вѣка, ибо оцѣнка ихъ нерѣдко стоитъ въ прямой зависимости отъ того или инаго взгляда на главныхъ дѣятелей эпохи. Вопросъ станетъ яснымъ и получитъ надлежащее разрѣшеніе, конечно, еще не скоро, не раньше того, какъ вскрытъ будетъ весь механизмъ соціально-экономической жизни Россіи XVI вѣка и изучено Русское государство въ общей системѣ европейскихъ государствъ того времени. Тогда матеріалы „литературнаго“ характера, которые преимущественно и кладутся нынѣ въ основу изученія эпохи Ивана Грознаго, неизбѣжно отойдутъ на болѣе задній планъ. Но такъ какъ это дѣло далекаго будущаго, то пока никакой лишній документъ, хотя бы и „литературный“, не долженъ отметаться и имѣетъ право на наше вниманіе.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду разсказъ итальянца Джіованни Тедальди, записанный съ его словъ извѣстнымъ А. Поссевиномъ. Нельзя сказать, чтобъ документъ этотъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Еще со времени выхода въ свѣтъ Supplementum ad historica Russiae monumenta (P. 1848), можно было знать о его существованіи [1]). Но найдти удалось его сравнительно только недавно,

[1]) Перечисляя источники, послужившіе ему для составленія Commentarius de rebus Moscoviticis, Поссевинъ, вслѣдъ за тремя бесѣдами съ королемъ Баторіемъ, называетъ: „ex trium dierum colloquio habito cum Joanne Thedalto, mercatore florentino, septuaginta octo annos nato, qui decies in Moscoviam ierat, ibique aliquando tres annos haeserat, et inde literis commeatus, seu fidei publicae a magno duce acceptis, in Persiam per mare Caspium et Circassos iverat. Quorum colloquiorum summam, sicut et aliorum cum Poloniae rege habitorum, pater Possevinus ad Summum Pontificem et illustrissimum cardinalem Comensem misit“ (стр. 21).

M303875

TO MIL
ANAPOLIAS

именно отцу Павлу Пирлингу, въ Ватиканскомъ архивѣ [1]). Ученый іезуитъ опубликовалъ отысканный документъ въ 1884 году въ приложеніяхъ къ своему труду: Un nonce du pape en Moscovie, стр. 169 — 179; и сверхъ того вкратцѣ пересказалъ его содержаніе на стр. 81—85 этого сочиненія. Въ своей же послѣдней работѣ, Papes et tsars (P. 1890), стр. 206 — 209, отецъ Пирлингъ снова воспроизводитъ этотъ пересказъ, хотя почти безъ измѣненій. Русскую публику съ разсказомъ Тедальди познакомилъ Ѳ. И. Успенскій въ разборѣ трудовъ о. Павла Пирлинга, посвятивъ этому повѣствованію печатную страницу [2]). Послѣ него мы встрѣтили всего только два, и то случайныхъ, указанія на Тедальди: въ книгѣ г. Лерпиньи [3]) и въ трудахъ Д. В. Цвѣтаева [4]). Разумѣется, количество ссылокъ не есть еще мѣрило извѣстности источника, но что въ данномъ случаѣ Тедальди не принадлежитъ пока къ числу извѣстныхъ, что онъ, такъ сказать, еще не вошелъ въ оборотъ русской исторической литературы, и если имъ пользуются, то большею частію мимоходомъ,—все это едва-ли нуждается въ особенныхъ доказательствахъ. Достаточно указать на того же профессора Цвѣтаева, который ссылается (и при томъ ошибочно) на Тедальди, но обходитъ его молчаніемъ тамъ, гдѣ могъ бы найдти у него любопытныя для себя сближенія [5]).

Вышесказанное, полагаемъ, достаточно оправдываетъ наше желаніе помѣстить на нижеслѣдующихъ страницахъ оригинальный текстъ разсказа Тедальди, воспроизведенный съ дословною точностію по изданію о. Пирлинга, дополнивъ его переводомъ и посильнымъ комментаріемъ. Но предварительно считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Тедальди.

Борьба между Иваномъ Грознымъ и Стефаномъ Баторіемъ заканчивалась виднымъ и авторитетнымъ посредничествомъ святѣйшаго отца. Въ глухіе литовскіе лѣса мирить враждующія стороны ѣхалъ Антоній Поссевинъ, опытный и энергичный слуга Римскаго престола. Онъ понималъ трудности возложенной на него задачи, еще усугуб-

---

[1]) Автографъ Поссевина, German., 93, стр. 187.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 8, стр. 306—307.

[3]) *M. Lerpigny*, Un arbitrage pontifical au XVI-e siècle, 100—101: царь Иванъ Васильевичъ показываетъ Тедальди письмо папы Климента VII къ Василію III.

[4]) Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ (М. 1886), стр. 13, перепечатано въ „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи“ (М. 1886), стр. 293.

[5]) См. ниже, примѣч. 42 и 49 нашего комментарія къ тексту Тедальди.

ляемыя неясными и противорѣчивыми свѣдѣніями о тѣхъ странахъ, куда онъ направлялся. Тѣмъ ревностнѣе старался онъ себя подготовить. „Еще въ Римѣ Поссевинъ началъ изучать дѣла Московскія, ему были открыты всѣ документы дипломатическіе. Какъ много онъ прочелъ о Россіи“ — замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ — „и какъ искусно умѣлъ добывать свѣдѣнія, свидѣтельствуетъ любопытный документъ, найденный въ его бумагахъ и изданный въ Suppl. ad hist. Russiae Mon. № 10“ [1]).

Вотъ почему, пріѣхавъ 3-го іюля 1581 года [2]) въ Дисну для свиданія и переговоровъ съ находившимся тамъ польскимъ королемъ, Антоній Поссевинъ долженъ былъ съ удовольствіемъ воспользоваться представившимся благопріятнымъ случаемъ пополнить свои свѣдѣнія новыми и при томъ изъ источниковъ не канцелярскихъ, а изъ устъ личныхъ свидѣтелей и дѣятелей. Три длинныхъ бесѣды Поссевина съ Стефаномъ Баторіемъ въ Вильнѣ, Днснѣ и Полоцкѣ [3]) освѣтили ему положеніе дѣлъ съ точки зрѣнія польскихъ интересовъ; трехдневный разговоръ съ Тедальди, наоборотъ, долженъ былъ нарисовать картину въ значительно иной окраскѣ.

Джіованни Тедальди былъ итальянскій купецъ изъ Флоренціи [4]), постоянно проживавшій въ Данцигѣ и какъ разъ въ это время пріѣхавшій зачѣмъ-то къ королю Баторію. Что привело 78-лѣтняго старика въ глухой и отдаленный городъ, такъ близко отъ театра военныхъ дѣйствій? Въ глубокую старость не всегда и торговые интересы позволяютъ предпринимать длинный и утомительный путь. Невольно хочется думать, что не соображенія коммерческія руководили Тедальди. Съ другой стороны есть и другія указанія, не позволяющія смотрѣть на него, какъ на заурядnаго купца: Тедальди знакомъ съ

---

[1]) Русск. Истор. Ц, вып. 1, стр. 303.

[2]) День пріѣзда опредѣляется первыми строками письма Поссевина къ кардиналу ди Комо отъ 6-го іюля. *Pierling*, Bathory et Possevino, стр. 97—98. Сравн. тамъ же, стр. 91—94, дату письма отъ 23-го іюня.

[3]) Supplementum ad hist. Russ. Monum., 21.

[4]) Фамилію Тедальди можно прослѣдить до начала XV вѣка: въ 1429 году упоминается Pietro Tedaldi, какъ хозяинъ морскаго судна; другой Тедальди, Jacopo, означаемый какъ флорентинскій купецъ, былъ свидѣтелемъ завоеванія Константинополя турками и посылаетъ въ Италію объ этомъ извѣстіе. Онъ же, въ 1466 году, въ числѣ другихъ жителей новой турецкой столицы, былъ позванъ къ султану для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ (*Muller*, Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll'Oriente cristiano e coi Turchi fino all'anno 1531, стр. 283, 485, 494).

Гваньини и полемизируетъ съ нимъ по поводу его сочиненія; имѣетъ доступъ къ королю Сигизмунду-Августу и ведетъ съ нимъ бесѣды; наконецъ, и Поссевинъ прямо свидѣтельствуетъ, что изъ Данцига Тедальди пріѣхалъ именно къ Стефану Баторію (venuto a questo re), а не къ кому либо иному и не за какимъ инымъ дѣломъ.

Было бы весьма смѣло утверждать, что появленіе Тедальди находилось въ связи съ пріѣздомъ Поссевина или вообще съ отношеніями двухъ враждующихъ государствъ; хотя—кто знаетъ!—подобное предположеніе и не такъ уже невѣроятно, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Въ XVI вѣкѣ, особенно для странъ малоизвѣстныхъ, торговецъ нерѣдко являлся піонеромъ международныхъ отношеній и, прокладывая путь своимъ товарамъ, могъ оказывать и дипломатамъ существенныя услуги. Не надо забывать, что Тедальди былъ свой человѣкъ въ Москвѣ: съ 1551 по 1565 годъ онъ посѣтилъ Московское государство десять или двѣнадцать разъ, проѣзжавъ его съ Нарвы до Астрахани,—однимъ словомъ, въ дѣлахъ „Московіи“ былъ человѣкъ опытный и бывалый. 10-го іюля пріѣхалъ онъ въ Дисну, а уже на другой день Поссевинъ ведетъ съ нимъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Какъ человѣкъ новый въ Диснѣ, папскій легатъ уже въ силу самаго своего положенія могъ такъ скоро познакомиться съ прибывшимъ итальянцемъ не иначе, какъ черезъ придворные круги.

Еще въ 1564 году папскій нунцій при варшавскомъ дворѣ, Коммендоне, зналъ въ Польшѣ и горячо рекомендовалъ его венеціанскому правительству. Разъясняя ту пользу, какую итальянская республика могла бы извлечь, обративъ вниманіе на востокъ Европы, русскій и польскій, и направивъ къ берегамъ Адріатики товары, обыкновенно идущіе на Данцигъ, Любекъ и Антверпенъ, — Коммендоне прямо указывалъ на Тедальди, какъ на человѣка наиболѣе пригоднаго для осуществленія такого плана [1]).

Имя Джіованни Тедальди встрѣчается еще разъ, именно въ 1519

[1]) Co do upatrzenia osoby gotowej uskutecznić to przedsięwzięcie, znalazłem kupca, który często bywał i na Podolu i w tamtych stronach. Zgadza się on to wykonać; żąda tylko listu od najjaśniejszej rzeczypospolitej do prześwietnego posła weneckiego w Konstantynopolu, aby go wspierał i dopomagał mu w ułatwieniu przewozu. Za otrzymaniem tego listu udałby się on zaraz przez morze Czarne do Konstantynopola, aby wszystko urządzić, i wnet powróciłby dla uskutecznienia ładunku. Jeżeli więc wypadnie ten list wysłać waszej wielmożności na moje ręce, imie kupca jest: Jan Thedaldi“ (Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta, obejmujące listy *J. F. Commendoni* do Karola Borromeusza. Zebrał *J. Albertrandi*. Wytłomaczył *J. Krzeczkowski*. Tom I, str. 102—103).

году. Въ пропускномъ листѣ, данномъ римскому посольству, которое отправилъ папа Левъ X къ великому князю Василію Ивановичу, читаемъ: „Mittimus Zachariam episcopum Sardicenzem... ac dilectum filium nobilem virum Johannem de Thedaldis equitem auratum, nobis consanguineum, nostros et apostolice sedis nuncios et orationes“ [1]). Нашему Тедальди въ ту пору было 16 лѣтъ; и еслибы не эти, слишкомъ молодые для посла, годы, да не полное молчаніе его самого о пребываніи въ Россіи въ 1519 году, можно было бы отождествить обѣ эти личности. Мы не должны смущаться купеческимъ званіемъ нашего Тедальди, если вспомнимъ, что Левъ X, родомъ Медичисъ, самъ принадлежалъ къ семьѣ банкировъ [2]).

Итакъ, вотъ что за личность былъ тотъ человѣкъ, трехдневную бесѣду съ которымъ Поссевинъ сохранилъ для потомства. Намъ предстоитъ теперь поближе ознакомиться съ тѣми свѣдѣніями, которыя итальянскій купецъ сообщилъ папскому легату.

Изучаемый нами документъ не есть какое либо цѣльное сочиненіе, систематическій трактатъ или изслѣдованіе. Онъ составился изъ отвѣтовъ на вопросы, которыми, повидимому, преимущественно интересовался Поссевинъ, да и самая форма изложенія сохранила слѣды діалоговъ. Тедальди даетъ практическія указанія, въ какихъ могъ нуждаться его собесѣдникъ. Рѣчь сводится на пути сообщенія, зимнюю стужу, ходячую монету, носильное платье и т. п. Какъ іезуитъ, Поссевинъ, разумѣется, не оставилъ въ сторонѣ сферы религіозной; но всего болѣе бесѣда сосредоточивалась на личности московскаго государя. Естественно было провѣрить ходячіе толки о его тиранствѣ и факты, успѣвшіе уже и тогда попасть въ печать.

Нельзя отрицать того, что факты, сообщенные Тедальди, мѣстами преувеличены и даже прямо ошибочны. Его объясненіе, почему запрещено русскимъ подданнымъ гнать вино и варить пиво, не можетъ быть принято: монополизируя эту отрасль народнаго хозяйства въ рукахъ казны, Грозный имѣлъ въ виду, конечно, интересы фискальные, а отнюдь не отрезвленіе народа. Трудно допустить, чтобы въ ту пору для царскаго двора покупалось заграничное вино такими большими партіями, какъ двѣ тысячи бочекъ. Говоря про отчужденіе

[1]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, tom. II, № CCCCXVIII, стр. 403.

[2]) Тедальди, папскій посолъ, встрѣчается еще разъ въ 1520 году при дворѣ польскаго короля Сигизмунда, который въ одномъ письмѣ заявлялъ свою надежду, что тотъ abunde referet (папъ) statum rerum nostrarum (ibid., стр. 408).

царя отъ вина, Тедальди, надо думать, имѣлъ въ виду первую половину Иванова царствованія, ему самому болѣе извѣстную. Прямо невѣрнымъ слѣдуетъ признать его заявленіе, будто бы тогда нѣкоторые священники брили себѣ бороду. Но если Тедальди ошибается въ опредѣленіи разстояній между населенными пунктами, о коихъ идетъ рѣчь въ его повѣствованіи, если его счетъ дней, необходимыхъ для плаванія по Волгѣ, сильно расходится съ показаніями другихъ свидѣтелей; то ясно, что ошибка здѣсь была весьма возможна, особенно, если принять во вниманіе, что и другіе иностранцы, посѣщавшіе Россію, впадали въ подобныя же разнорѣчія.

За то свѣдѣнія Тедальди о черкесахъ, о ихъ религіи и положеніи страны вполнѣ сходятся съ данными, извѣстными намъ изъ другихъ рукъ. О ходячей монетѣ и способахъ ея чеканки онъ говоритъ то же, что Герберштейнъ, Гваньини и Принцъ изъ Бухова. Эпизодъ съ еврейскими купцами, привезшими диковинную мумію, документально подтверждается русскими источниками. Изъ иностранцевъ Тедальди первый правильно назвалъ иностранную слободу въ Москвѣ Наливкою; едва ли не впервые же у него мы узнаемъ о подаркахъ, поднесенныхъ Рокитою царю, а также и объ условіяхъ, при какихъ русскіе, плѣненные турками, научались итальянскому языку.

Основной тонъ разсказа Тедальди весьма сочувственъ Россіи и особенно царю Грозному. Итальянецъ хвалитъ гостепріимство и правосудіе русскаго государя, воздержность отъ вина; замѣчаетъ, что всѣ толки о русскомъ морозѣ преувеличены. Онъ и черкесовъ называетъ „славными людьми“ (buona gente). Тедальди точно хочетъ успокоить Поссевина и разсѣять темныя представленія о Россіи и ея государѣ, какія могли у него сложиться; этимъ, можетъ быть, объясняется тотъ нѣсколько апологетическій тонъ, что проходитъ чрезъ весь его разсказъ.

Мы не беремся съ точностью опредѣлять, въ чемъ коренится причина сочувственнаго къ Ивану Грозному взгляда Тедальди: въ томъ ли, что итальянецъ зналъ его въ лучшую пору его царствованія, въ томъ ли что личное расположеніе русскаго государя помѣшало ему объективно оцѣнивать послѣдующія событія; надѣялся ли Тедальди, что скорѣйшее улаженіе московско-польской распри благопріятно отразится на торговыхъ операціяхъ, а потому существенно было расположить вліятельнаго посредника въ пользу не одной только заинтересованной стороны,—Польши; или же, по его мнѣнію, темныя стороны царствованія, о которыхъ такъ много кричали въ

ту пору за границей, были, дѣйствительно, слишкомъ преувеличены;— но нельзя не признать, что на наиболѣе важныхъ отдѣлахъ сообщенія Тедальди безусловно лежитъ печать правды, допустить которую приходится тѣмъ скорѣе, что нѣкоторые факты, имъ переданные, вполнѣ совпадаютъ по духу и смыслу съ тѣмъ, что намъ уже ранѣе было извѣстно изъ другихъ источниковъ.

Замѣтимъ, что Тедальди не отрицаетъ факта насильственной смерти евреевъ при взятіи Полоцка, но хотѣлъ бы только вдвинуть его въ болѣе скромныя рамки; эпизодъ съ лошадью, подаренною однимъ изъ членовъ польскаго посольства Грозному, который потомъ приказалъ убить ее, разсказанъ почти такъ же, какъ его передаетъ и Джеріо, хотя у послѣдняго онъ происходитъ при нѣсколько иной обстановкѣ. Въ разсматриваемомъ документѣ Грозный очень отчетливо рисуется въ своихъ стремленіяхъ продвинуться къ Балтійскому морю и къ непосредственному сближенію съ Западомъ: въ противоположность отцу, онъ не запретитъ иностраннымъ купцамъ посѣщать его страну и ѣздить черезъ Русь далѣе на востокъ; онъ показываетъ письмо папы Климента VII не съ тѣмъ, чтобы подтвердить запрещеніе своего предшественника. Онъ цѣнитъ иноземныхъ мастеровъ и дорожитъ ихъ присутствіемъ въ своей столицѣ; онъ даже насильно удерживаетъ ихъ у себя, не отпускаетъ на родину,—но что же ему дѣлать, когда польскій сосѣдъ не пропускаетъ ихъ черезъ свои владѣнія?.. Однажды Тедальди велъ съ царемъ разговоръ на тему о томъ, какъ за границей судятъ о немъ, и Грозный высказалъ при этомъ взглядъ на суверенное свое право карать злыхъ и миловать добрыхъ, — взглядъ, который онъ такъ часто имѣлъ случай высказывать и передъ другими.

Записка Поссевина оставляетъ такое впечатлѣніе: Тедальди умѣлъ наблюдать и многое довольно правильно; его показанія не разъ сходятся съ показаніями другихъ иностранцевъ; а все это въ общемъ вызываетъ довѣріе къ его разсказу. Вотъ почему извѣстія флорентинскаго купца имѣютъ право на вниманіе нашей исторической литературы. Въ данномъ случаѣ позволяю себѣ опереться и на мнѣніе Ѳ. И. Успенскаго, который, называя реляцію Тедальди „любопытною“, признаетъ, что свѣдѣнія ея „отличаются практическимъ смысломъ и знаніемъ дѣйствительныхъ отношеній“. Записка Поссевина, по его словамъ, „займетъ не послѣднее мѣсто между иностранными извѣстіями о Россіи XVI вѣка“ [1]).

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 8, стр. 306—307.

*) Сообщеніе флорентинскаго купца Тедальди, сдѣланное отцу Поссевину 11-го, 12-го и 13-го іюля [1]) въ русскомъ городѣ Диснѣ [2]) о дѣлахъ Московіи, гдѣ онъ пробылъ три года и откуда потомъ отправился въ Персію, въ Тавризъ, а теперь постоянное мѣстожительство имѣетъ въ Данцигѣ [3]), городѣ прусскомъ [4]).

М. Джіованни Тедальди, флорентинскій купецъ, 78 лѣтъ, изъ Данцига, прибывъ къ нынѣ царствующему королю 10-го іюля 1581 года, разсказалъ мнѣ въ теченіе послѣдующихъ дней нижеписанное:

Что 30 лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ Московіи, гдѣ цѣлыхъ три года [5]) содержался на счетъ великаго князя, нынѣшняго государя, тогда *еще* молодаго [6]), былъ имъ обласканъ, встрѣтилъ отъ него поддержку и видѣлъ постоянно справедливый судъ и расправу этого государя надъ преступниками.

Что въ силу его благосклоннаго вниманія онъ могъ, проплывъ 20 легъ [7]) по рѣкѣ Москвѣ и войдя въ рѣку Волгу [8]), доѣхать по ней въ 15 дней [9]) до Астрахани, порта у Каспійскаго моря; портъ этотъ принадлежитъ названному великому князю [10]); здѣсь бываетъ большое стеченіе народа и прославленная торговля [11]). Далѣе *Тедальди* вступилъ въ страну черкесовъ [12]); это славные люди, христіане — якобиты [13]). Въ семь дней они провели его верхомъ на

Rilatione del Tedaldi fiorentino mercatante fatta al P. Possevino il di XI, XII et XIII di luglio in Dzisna della Russia circa le cose di Moscovia, dove egli stette tre anni, et onde anco andò in Persia à Tauris, et hora dimora in Dantzic, città della Prussia quanto alla ferma stanza.

M. Giovanni Tedaldi mercante fiorentino di anni 78, sendo di Dantzic venuto à questo Rè il di X di luglio 1581 mi ragionò i giorni seguenti le cose sotto scritte:

Che già 30 anni fu in Moscovia dove per tre anni dal gran Duca ch'era giovine, ciò è dal presente Signor per tre anni fu spesato, favorito et aiutato, vedendo sempre grande giustizia di quel Principe contro delinquenti.

Che co'l mezo del suo favore navigando nel fiume di Moscovia per 20 leghe, et entrando nel fiume Volga andò per esso in 15 giorni a Astracano porto al mare Caspio, il quale porto è del detto Gran Duca, dove è gran concorso et celebre emporio. Dapoi entrò nel paëse de'Circassi, che sono buona gente, et christiani giacobiti, i quali per sette giorni lo condussero sopra cavalli da basti

---

*) Курсивомъ печатаемъ мы слова, которыхъ нѣтъ въ оригинальномъ текстѣ; мы вносимъ ихъ для бо́льшей ясности и гладкости рѣчи.

вьючныхъ лошадяхъ до границъ Персіи [14]). Отъ названныхъ границъ понадобилось 15 дней [15]), чтобы доѣхать до Тавриза по мѣстности вполнѣ безопасной; въ этомъ городѣ онъ бесѣдовалъ съ царемъ персидскимъ и нашелъ тамъ разныхъ *представителей* различныхъ европейскихъ національностей, какъ, напримѣръ, французовъ, итальянцевъ и др. Продавши здѣсь свой суконный товаръ, привезенный изъ Данцига, *Тедалди* вернулся обратно туда же.

Онъ говоритъ, что повсюду встрѣчалъ деревянныя строенія [16]), людей, достойныхъ уваженія, но всего болѣе черкесовъ и татаръ, живущихъ въ самой глубинѣ Азіи; съ ними, по его мнѣнію, не трудно было бы достигнуть кой-чего хорошаго во славу Божію.

И во второй разъ *Тедалди* вернулся въ Московію и уѣхалъ изъ нея вполнѣ свободно, имѣя при себѣ, какъ торговецъ, обычные паспорта [17]). Въ первый разъ онъ ѣхалъ въ Москву черезъ Полоцкъ, Великіе Луки [18]) и Торопецъ; вторично же Ливонскимъ моремъ на Нарву [19]). Онъ говоритъ, что пока рѣка Двина, протекающая по Московіи [20]), еще не замерзла, можно изъ Бѣльска [21]) (области Московской), что̀ лежитъ выше Смоленска и отстоитъ отъ него на 90 легъ [22]), доплыть на суднѣ вплоть до Риги Ливонской, — *разумѣется*, если есть паспорта отъ Московита и короля Польскаго. Что же касается до судовъ, то ихъ можно найдти въ изобиліи. Все же не одинаково удобно и легко подниматься отсюда — вверхъ, потому что приходится идти противъ теченія. Изъ Москвы можно ѣхать также на Псковъ — небольшой крюкъ въ сторону дастъ возмож-

---

a confini della Persia. Et da detti confini insino a Tauris spese 15 giornate per paëse sempre sicuro, et in quelle città parlò al Rè di Persia, trovò varii di varie nationi dell' Europa, come francesi, Italiani et altri. Et quivi havendo venduto le sue pannine, che di Dantzic haveva procurato, se ne ritornò.

Per tutto dice di havere trovato case di legno, buona gente, ma massime i Circassi, et Tartari più intimi dell' Asia, nei quali non sarebbe difficile a suo parere il fare qualche bene in gloria di Dio.

Ritornò altra volta in Moscovia, et n'uscì liberamente pero coi soliti salviconduttì come mercante, fece la prima volta la strada di Polozco, Vielchilucki, Turopesia per entrare in Moscovia, altra volta pe'l mar Livonico andando alla Nervia. Dice che quando la Dvina fiume di Moscovia non è gelato, può in Bielschi, terra di Moscovia sopra Smolensco et lontana di qui da 90 leghe, venirsi in nave insino a Riga di Livonia, se dal Moscovito et dal Re di Polonia si havessero salvocondutti. Quanto alle navi se ne trova in abondanza. Non è pero la medesima ragione, o facilita di andare da queste parti in la, percio che si va contra acqua. Si può anco di Moscovia venir a Plescovia, et con non grande giro vedere Novoguardia, et tirare verso Pernovo ch'è al mare Livonico, et indi a Riga

ность видѣть Новгородъ [23])—и направиться къ Пернову [24]), что у моря Ливонскаго; отсюда до Риги сорокъ легъ [25]) и сорокъ же отъ Риги до Вильны [26]), хотя для тѣхъ, кому надо ѣхать въ Пруссію, короче держать путь не на Вильну, если только позволитъ положеніе дѣлъ въ Ливоніи.

Названный Тедальди заявилъ, что многое изъ того, что въ Польшѣ и Ливоніи обыкновенно распространяютъ про Московита, онъ нашелъ несправедливымъ. Такъ онъ рѣшительно отвергаетъ, чтобы этотъ государь, по взятіи Полоцка [27]), утопилъ, какъ говорятъ, монаховъ ордена св. Франциска, такъ называемыхъ бернардиновъ [28]). Одинаково и про евреевъ, о которыхъ говорятъ, что ихъ тогда утопили [29]), *Тедальди* замѣчаетъ, что всего только двухъ или трехъ насильственно крестилъ великій князь и потомъ велѣлъ утопить, объясняя свое приказаніе нежеланіемъ, чтобы умирали христіане; другіе же были изгнаны *изъ Полоцка*. Тедальди сообщаетъ также, что одинъ крупный польскій торговецъ, по имени Адріанъ, былъ причиною того, что Московитъ запретилъ въ своемъ государствѣ торговать евреямъ, которые раньше свободно туда пріѣзжали. Причиною этому была успѣшная конкуренція евреевъ, и Адріанъ прибѣгъ къ выдумкѣ, благодаря которой москвитяне прогнали ихъ отъ себя. А именно, онъ велѣлъ снять *съ висѣлицы трупъ* одного повѣшеннаго, набальзамировалъ его на подобіе муміи и за мумію (?) же продалъ въ бочкѣ евреямъ, которые изъ Константинополя ѣхали въ Московію съ пряностями [30]), — а за нихъ обыкновенно не берутъ въ Московіи пошлинъ, — и черезъ одного изъ своихъ *подручныхъ* заявилъ таможеннымъ чиновникамъ,

---

sono 40 leghe, et da Riga 40 a Vilna, benche più breve camino à chi dee andare in Prussia sarebbe il non andare a Vilna, se le cose di Livonia saranno sicure.

Mostra il detto Tedaldi, che non ha trovato vere molte cose, le quali in Polonia et in Lituania si sogliono dire contra il Moscovito. Et quanto a Polozco, della quale città essendo presa da quel Principe si dice ch'egli annegò i frati di S. Francesco detti Bernardini, egli lo niega precisamente. Parimente quanto a Giudei che dicono essere stati all hora sommersi, dice che due o tre soli dal gran Duca furono per forza fatti battezzare, et annegati dicendo che non voleva che morissero christiani (*sic*), gli altri furono mandati. Dice anco il Tedaldi che un gran mercante nominato Adriano, Pollacco, fù causa ch'il Moscovito prohibisse ii commercio de Giudei in Moscovia, che prima liberamente vi andavano. Et la cagione fù, che i Giudei toglievano molto guadagno ad Adriano, si che egli si imaginò una inventione, per la quale i Moscoviti gli scaccierebbono. Così fatto spiccare un uomo appiccato, et conditolo in modo di mumia, et per mumia vendutolo in una botte a Giudei che di Constantinopoli venivano in Moscovia, et portavano specierie, le quali non sogliono pagare gabella in Mos-

что когда пріѣдутъ евреи, то пусть имъ не вѣрятъ, если они скажутъ, что у нихъ ничего кромѣ пряностей нѣтъ, но что по осмотрѣ найдется среди товаровъ контрабанда. Таможенные, поступивъ по указанному, дѣйствительно запустили руки въ ту бочку, гдѣ находился повѣшенный и набальзамированный *трупъ* человѣка, и были поражены видѣннымъ; евреи же, раньше не откупоривавшіе бочки, отвѣчали, что это мумія и проч. Происшествіе это дошло до слуха Московита, и когда нѣсколько времени спустя въ Московію вернулся Адріанъ, имѣвшій близкій доступъ къ государю, то, будучи спрошенъ, что̀ такое привезли съ собою евреи, отвѣчалъ, что они развозятъ такія вещи по всему свѣту для отравы христіанъ. Вслѣдствіе этого государь, вполнѣ ему повѣривъ, сказалъ: „я прикажу всѣхъ ихъ умертвить!“ Но тогда Адріанъ возразилъ: „нѣтъ, государь, достаточно, если ты прикажешь въ предѣлахъ своего царства сжечь всѣ товары евреевъ, а имъ самимъ запретишь въѣздъ въ свое государство“. Такъ и сдѣлали [31]). Вслѣдствіе этого Адріанъ по личному усмотрѣнію и *исключительно* въ свою пользу продавалъ, сколько хотѣлъ своихъ пряностей, такъ какъ онъ обыкновенно получалъ ихъ изъ Константинополя, откуда также приходили и евреи. *Все вышесказанное* Тедальди подкрѣпилъ заявленіемъ, что слышалъ изъ устъ самого Адріана.

Кромѣ этого онъ говоритъ, что золотые скуди [32]) тамъ не въ ходу, ходятъ же, сверхъ мелкой серебряной монеты, которую чека-

---

covia, avisò per un suo i gabellieri, che quando verrebbono i Giudei, non si fidassero i gabellieri di loro, quando dicessero che havessero sole specierie, ma che guardassero dentro et troverebbono contrabando. I gabellieri fatto havendo questo, et havendo apunto dato alle mani in quella botte dove era l'huomo spiccato et condito, et maravigliandosi di questo, i Giudei che aperta non havevano la botte dissero ch'era mumia, etc. Pero la causa pervenuta a gli orecchi del Moscovito, et ritornato di la à poco tempo Adriano in Moscovia che haveva familiarità con quel Principe, dimandato cosa era quel che i Giudei havevano portato, rispuose che i Giudei portavano tali cose pe'l mondo per attosticare i christiani: la onde il Principe assai credulo disse, io gli farò morir tutti, ma allhora Adriano rispuose: Non, Signore, basterà, che nei confini del tuo Imperio tu faccia abbrucciare tutte le mercantie de' Guidei, et loro tu prohibisca l'entrata nel tuo regno, si come fu fatto. Laonde Adriano a suo agio et guadagno vendeva quanto voleva le sue specierie, concio sia cosa che di Constantinopoli onde venivano anco i Giudei, soleva trarle. Et cosi conferma il Tedaldi di haverlo udito della bocca dell'istesso Adriano.

Oltre di cio dice che i scudi di oro non si usano la, ma solamente oltre le minute monete di argento che fa quel Principe, i talleri, et gli ungheri o du-

нитъ нынѣшній государь [33]), одни только талеры и венгерскіе золотые (*цехины*) [34]) или, какъ они называютъ ихъ, польскіе дукаты; и если у кого нѣтъ ничего другаго, кромѣ скуди, то приходится или промѣнивать ихъ у тѣхъ торговцевъ, у которыхъ они въ ходу, или же продавать золотыхъ дѣлъ мастерамъ на сплавъ и получить обратно въ видѣ *простаго* золота [35]).

Потомъ относительно поляковъ, которые при королѣ Сигизмундѣ бывали въ Московіи въ послахъ, онъ говоритъ, что Московитъ отнюдь не обращался съ ними такъ дурно, какъ объ этомъ ходятъ слухи [36]), но что сами поляки и по дорогѣ въ Москву, и при дворѣ нынѣшняго государя такъ себя вели, насмѣхаясь надъ москвитянами, что дали ему много основаній измѣниться въ обращеніи съ ними. Между прочимъ они привезли съ собою лютеранскаго проповѣдника и даже устроили такъ, что онъ могъ проповѣдывать свое ученіе передъ самимъ великимъ княземъ [37]). Послѣдній же, послушавъ его нѣсколько времени, отвѣтилъ: „въ настоящую минуту дѣла не позволяютъ мнѣ долѣе выслушивать тебя, тѣмъ не менѣе изложи письменно, что ты желалъ высказать и потомъ передай мнѣ“. Тотъ исполнилъ это *повелѣніе*, и государь, распорядившись немного времени спустя снова позвать его, запретилъ ему проповѣдь, какъ еретическую [38]), при чемъ приказалъ вернуть подарокъ отъ него полученный,—серебряную чашку съ сотнею золотыхъ червонцевъ и сказать ему, что, не принадлежи онъ къ составу польскаго посольства, то онъ наказалъ бы его еще тяжелѣе [39]). Оттого-то я [40]), обдумывая позже, откуда *это*

---

cati polonicali, come costoro chiamano, et se alcuno non havesse altro che scudi, converebbe o commutargli con quei mercanti che la praticano, overo vendergli agli orefici per fundergli et trarne l'oro.

Circa i Pollacchi poi, i quali al tempo del Re Sigismondo andarono in Moscovia per Ambasciatori, dice che il Moscovito non si portò cosi male con loro, come il rumore si sparse, ma che i Pollacchi per la strada in Moscovia, et alla corte di quel Principe usarono di tali modi, schernendo i Moscoviti, che diedero molta occasione di alterare quel Principe, et fra l'altre cose, condotto havendo con seco un predicatore luterano, il quale anco fu introdutto a predicare al gran Duca, egli havendolo alquanto udito rispuose: Per hora non posso piu udirti per haver qualche negocio, nondimeno poni in iscritto cio che volevi predicare, et portalo a me. Il che fatto, quel Principe facendolo non molto dapoi richiamare, gli prohibì la predica come heretica, gli fece restituire un dono, che da lui haveva ricevuto di una tazza di argento con cento ungari d'oro et gli disse, che se non era ch'egli dipendeva dall' Ambasciatore Pollacco l'havrebbe piu gravemente castigato: di modo ch'io pensando dapoi, onde era avenuto, ch'il Canobio, et altri non erano stati permessi di passare in Moscovia, sono entrato in assai

произошло, что Канобіо и другимъ [41]) не разрѣшили въѣздъ въ Московію, напалъ на весьма вѣроятную догадку, что причиною тому была ересь, въ такой степени распространившаяся въ Ливоніи, что изъ 30 сенаторовъ, составляющихъ тамошній сенатъ, только пятеро католиковъ [42]).

Тотъ же самый Тедальди разсказалъ мнѣ потомъ, что случай, о которомъ такъ много толковали поляки про лошадь, убитую по приказанію Московита у одного ихъ соотечественника, прибывшаго съ вышеназваннымъ посольствомъ, — *что случай этотъ* произошелъ не въ томъ видѣ какъ *обыкновенно* говорятъ. Полякъ этотъ подарилъ ту лошадь Московиту съ цѣлью получить отъ него соотвѣтствующее вознагражденіе, не какъ за подарокъ, а какъ за обыкновенную продажу; когда же государь послалъ ему въ подарокъ нѣсколько мѣховъ, то онъ въ негодованіи, считая ихъ по цѣнѣ ниже своего подарка, оттолкнулъ ихъ ногою. Таковой *поступокъ*, въ связи съ тѣмъ, какъ *вообще* держали себя поляки, вызвалъ то, что государь велѣлъ привести эту лошадь передъ свой дворецъ и тамъ убить ее и *потомъ* не медля приказалъ выплатить полякy сумму, въ какую тотъ оцѣнивалъ свою лошадь, при чемъ, *конечно*, дѣло не обошлось безъ проявленія чувства нѣкотораго озлобленія [43]).

Поименованный Тедальди добавилъ мнѣ, что послѣдній король Сигизмундъ такъ много наговорилъ ему худаго о Московитѣ, что, будучи въ Полоцкѣ, онъ уже подумывалъ вернуться обратно; но полоцкій воевода, предшественникъ нынѣшняго, видя его задумчивымъ

---

probabile congettura che questo sia per l'heresia che gia ha occupato in maniera la Lituania, che di trenta Senatori, dei quali consta questo senato, soli V sono catolici.

Mi disse poi il medesimo Tedaldi che un fatto, il quale va molto per le bocche di Pollacchi circa un cavallo che per ordine del Moscovito fu fatto uccidere ad un Pollacco, il quale colla sopradetta Ambascieria era andato, non fu del modo che si dice. Ma che havendo quel Pollacco fatto dono di quel cavallo al Moscovito per haverne non come di dono, ma come di vendito giusta ricompensa, quando da quel Principe gli fù mandato a donare alcune pelli, egli per isdegno non stimandole per equivalente prezzo del dono gli diede de' piedi dentro, il che congiunto coll' altre maniere tenute da Pollacchi, fece che quel Principe fatto condurre quel cavallo inanti al suo palagio, et quivi uccidere, subito fece sborsare quanto il Pollacco stimava quel cavallo, usandoglisi pero alcuno trattamento di risentimento contra.

Mi aggiunse ch'il Re Sigismondo ultimo havendo al detto Tedaldi detto tanto male del Moscovito, ch'esso essendo in Polozco stava in pensiero di ritornarsene adietro, il Palatino di Polozco predecessore di questo vedendolo me-

и узнавъ причину, сказалъ ему: „не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ“. А между тѣмъ Тедальди завѣряетъ меня, что воевода этотъ былъ католикъ и человѣкъ съ хорошей репутаціею [44])!

Кромѣ того Тедальди повѣдалъ, что этотъ самый великій князь разспрашивалъ его, что̀ говорятъ про него въ христіанскомъ мірѣ, и Тедальди отвѣчалъ, что его считаютъ однимъ изъ величайшихъ государей Европы, такъ какъ владѣнія его простираются отъ Ледовитаго океана вплоть до Каспійскаго моря. Но великій князь возразилъ: „я спрашивалъ не объ этомъ, но спрашиваю, что̀ говорятъ обо мнѣ самомъ“. Тогда Тедальди сказалъ: „извините меня, ваше величество, васъ считаютъ немного жестокимъ“. Онъ же тогда отвѣтилъ: „это правда, но я таковымъ бываю для злодѣевъ, а не для добрыхъ“ [45]).

О тѣхъ фактахъ, что̀ написалъ противъ Московита и по нынѣ еще живущій веронецъ Гваньини, онъ, Тедальди, во время пребыванія своего въ Московіи ничего не вѣдалъ *и не слышалъ*, что̀ *своевременно* и было имъ выставлено на видъ названному писателю [46]).

Однажды Тедальди спрашивалъ великаго князя, почему онъ не позволяетъ выѣзжать изъ Москвы *иностранцамъ* (всего больше у него итальянцевъ, которыхъ онъ зоветъ фрязями и держитъ за ихъ искусство; за это, по его словамъ, онъ ихъ и любитъ, такъ что однажды охотно простилъ какихъ-то братьевъ изъ Феррары, убившихъ товарища своего старшины), — онъ отвѣтилъ, что поступаетъ

---

lancolico et intesane la cagione, gli disse: Non è tanto brutto il Diavolo quanto si dipinge. Et pure mi conferma il Tedaldi, che quel Palatino era catolico et persona di conto.

Disse di più, che l'istesso gran Duca dimandando al Tedaldi che cosa si dicesse di lui fra Christiani, et egli rispondendo, che era stimato de'maggiori Principi dell' Europa, per istendersi il suo Dominio dal mare glaciale insino al mare Caspio, disse il gran Duca non dimando questo, ma dimando, che cosa si dice di me stesso. All'hora il Tedaldi disse, Vostra Maësta, mi perdoni, vi hanno per un poco crudele. Egli allhora rispuose: E vero, ma io lo sono a malfattori, non a buoni.

Soggiunse il Tedaldi che alle cose scritte dal Guagnino Veronese che anchor vive, contra il Moscovito non ha inteso tale cose in Moscovia, si come anco al detto scrittore l'istesso Tedaldi ha opposto.

Dimandando poi il Tedaldi una volta al gran Duca, per che non lasciava, quando massimamente haveva Italiani, ch'egli chiama Frasin, et tiene per ingegnosi, uscir di Moscovia (percio che egli dice che tanto gli ama, che una volta alcuni fratelli Ferraresi havendo ucciso il suo Vicecancelliere facilmente loro perdonò) rispuose che lo faceva perche poi non ritornerebbono piu, et che il Rè

такъ потому, что *иначе* они больше не возвратились бы и что король Сигизмундъ, братъ его (такъ онъ его называлъ), помѣшалъ бы ихъ возврату [47]). Дѣйствительно, *польскій* король, когда у него просили позволенія объ этомъ, въ особенности о позволеніи отправиться въ Московію лицамъ, *посланнымъ* отъ его святѣйшества, *обыкновенно* отвѣчалъ: „лично я согласенъ, но необходимо узнать, раздѣлятъ ли такой взглядъ сенаторы литовскіе". Вотъ почему съ тѣхъ поръ какъ Нарва принадлежитъ Московиту [48]), ему легче допускать отъѣздъ итальянцевъ и иностранцевъ *вообще*.

Тедальди говоритъ, что въ его время, то-есть, 16 лѣтъ тому назадъ (ибо въ теченіи другихъ 14-ти лѣтъ передъ этимъ онъ бывалъ 10 или 12 разъ въ Московіи) въ городѣ Москвѣ существовало нѣчто въ родѣ маленькаго городка, называемаго Наливка [49]), гдѣ жили католики, но безъ церкви [50]); они пріѣзжали въ этотъ кварталъ съ правомъ продажи вина, пива и проч., что̀ не дозволено самимъ москвитянамъ, въ виду того, что имъ, какъ слишкомъ склоннымъ къ пьянству,—отъ котораго самъ государь весьма далекъ [51]), — онъ вообще не разрѣшаетъ приготовленія и продажи пива, исключая восьми дней до и послѣ Рождества Христова, когда пить позволено ради праздника [52]). Обыкновеннымъ же питьемъ служитъ вода, заквашенная овсяной мукою и потомъ запаренная; овесъ предохраняетъ воду отъ гніенія и дѣлаетъ людей рыхлыми [53]). Однако, говоритъ *Тедальди*, тамъ всегда есть вино и въ большомъ изобиліи, особенно рейнское,

---

Sigismondo suo fratello (che cosi il chiamava) loro impedirebbe il ritorno. Il qual Rè pero, quando di questo, et massimamente del lasciare andare le persone di Sua Santita in Moscovia gli si dimandava licenza, rispondeva, per me son contento, ma conviene vedere, se i Senatori di Lituania acconsentano. Pero poiche la Nervia è del Moscovito, egli si rende piu facile a lasciare uscire gli Italiani, et forastieri.

Dice il Tedaldi che al suo tempo, cio è già sedici anni (percio che per quatordici altri anni inanti fu da dieci o dodici volte in Moscovia) nella città di Moscovia era una come piccola città chiamata Nalifca, dove stavano i catolici, ma senza chiesa, ch'in quelle contrade passavano, et quivi havevano facolta di vendere vino, cervosa, et altre cose, le quali non sono permesse a Moscoviti medesimi, conciosiacosa che a costoro che sono inclinati grandemente all'ebrietà, quel Principe che n'è molto alieno non permette che si faccia generalmente cervosa, ne da tutti si venda, eccetto otto giorni inanti et dapoi natale che per la festa è conceduto che si beva, essendo la bevanda in generale l'acqua sbattuta colla farina di avene, che poi si coce, la quale avena lieva la malitia dell'acqua, et rende gli huomini grassi; dice pero che sempe ci èr vino, et assai abondante-

и что въ настоящее время его прибыло въ Московію двѣ тысячи бочекъ [54]).

На вопросъ мой, бывали ли *тамъ* люди, знавшіе по-итальянски или по-латыни, онъ отвѣчалъ *утвердительно*, что разные *такіе* бывали *люди*, которые знали языкъ *итальянскій*, а всего больше поляковъ, состоящихъ на службѣ у этого государя и также нѣсколько уроженцевъ города Бергамо [55]). Кромѣ того нѣсколько русскихъ, будучи рабами, служили въ турецкой арміи, на галерахъ вмѣстѣ съ другими плѣнными итальянцами, и научились у нихъ очень хорошо итальянскому языку, а теперь, послѣ пораженія турокъ, съ побѣдою христіанъ, они освобождены.

На дальнѣйшій вопросъ мой, говорилъ ли ему этотъ государь что либо о римской церкви или его святѣйшествѣ, названный Тедальди отвѣтилъ, что, 20 лѣтъ тому назадъ, Московитъ показывалъ ему тѣ самыя письма, которыя папа Климентъ писалъ его отцу, прося для купцовъ позволенія провозить въ Персію черезъ Московію шелковыя матеріи; „но отецъ мой", прибавилъ *царь*, — „изъ-за подозрѣній, обыкновенно являющихся у государей, не хотѣлъ разрѣшить [56]). А вотъ я это сдѣлаю". Тедальди заявилъ потомъ, что этотъ государь относился съ уваженіемъ къ Апостолическому престолу: хотя, можетъ быть, одна уже эта просьба папы о торговыхъ сношеніяхъ могла вызвать нѣкоторое подозрѣніе въ корыстолюбивыхъ замыслахъ.

---

mente massimamente del Reno, et che hora ne sono arrivate due mila botte in Moscovia.

Dimandando io, se si trovavono persone, che sapessero la lingua italiana o latina, mi disse che si troverebbono diversi, massimamente Polacchi che stanno a servigi di quel Principe, et anco alcuni Bergamaschi vi erano gia che sapevano la lingua, oltre che su l'armata de'Turchi, quando fu rotta, essendo schiavi alquanti Moscoviti, furono all'hora colla christiana vittoria liberati, et questi su le galere da altri schiavi Italiani havevano imparata la lingua Italiana assai bene.

Di più dimandando io, se quel Principe haveva mai al detto Tedaldi detto alcuna cosa della chiesa Romana o di Sua Santita, mi rispuose ch'il Moscovito gli mostrò, gia 20 anni, l'istesse lettere, che Papa Clemente haveva scritto a suo Padre, per le quali dimandava che fosse lecito a mercanti per la Moscovia portare nella Persia drappi di seta: Ma mio Padre (soggiunse) pei suspetti che soglion nascere a Principi no'l volle permettere. Il che però io farei. Mostrò poi il Tedaldi che quel Principe haveva in istima la Sede Apostolica: se bene forse quell'essersi dimandato da un Papa commercio di mercantie solamente poteva porre qualche suspetto di avaritia.

На вопросъ мой, не полагаетъ ли онъ, чтобы священники греческаго обряда дѣлали непріятное намъ, *Тедальди* сказалъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ [57]), и что онъ однажды обѣдалъ съ ихъ патріархомъ [58]), который хотя и живетъ совершенно скромно, тѣмъ не менѣе, появляясь на улицѣ, ѣдетъ или верхомъ на лошади, или въ экипажѣ, а надъ нимъ несутъ зонтикъ, впереди же — посохъ ввидѣ креста [59]).

Тедальди сообщилъ, что нынѣ нѣтъ ни одного еретическаго проповѣдника ни въ Московіи, ни въ Нарвѣ [60]).

На вопросъ мой о бритьѣ бороды священниками, онъ не заявилъ, чтобы это могло создать большія затрудненія, *тѣмъ болѣе*, что есть нѣкоторые изъ этихъ священниковъ, которые брились [61]).

Относительно черныхъ матерій, которыхъ, мнѣ сказали, тамъ не найдти, онъ завѣрилъ меня, что найдутся, потому что московиты носятъ ихъ, когда надѣваютъ трауръ.

Относительно латинскаго языка, знаетъ ли его государь, какъ мнѣ сообщили другіе, онъ заявилъ, что нѣтъ, и высказалъ сомнѣніе, чтобы зналъ и сынъ государя [62]).

Относительно характера одѣяній, онъ сказалъ, что нынѣ поляки одѣваются сходно съ московитами, развѣ только что не носятъ длинныхъ рукавовъ, въ которые обыкновенно прячутся руки, и что можно ходить въ любомъ платьѣ; впрочемъ, въ противоположность испанцамъ

Dimandando se da que' Preti del rito Greco pensasse, che si farebbe dispiacere a noi altri, disse che credeva di non, et ch'egli haveva una volta mangiato co'l loro patriarca, il quale se bene vive assai privatamente nondimeno quando va per la strada, va hor a cavallo, hor in cocchio, et sopra lui portano un'ombrella, et un bastone in modo di croce inanti.

Mi disse, che all'hora non era alcuno predicante heretico in Moscovia, ne nella Nervia.

Circa la rasura della barba de Preti, di che io l'interrogai non mostrò, che si facesse molta difficoltà, essendo anchora alcuni di quei Preti che si radevano.

Circa il panno nigro, il quale m' era stato detto che non si trovava, mi affermò che si trovarà, percioche anco i Moscoviti, quando si vestono di duolo, l'usano.

Circa la lingua latina se il Principe, come da altri mi era stato detto, la sapeva, mi disse che non la sapeva, et mostrò dubbio ch'il figliuolo del Principe la sapesse.

Circa la sorte de vestimenti, mi disse che hora i Pollacchi vanno vestiti, come fanno i Moscoviti, se non che costoro portano alcune maniche lunghe per tenere le mani cuoperte, et che si poteva andare in ogni habito, pure che al

и итальянцамъ, они не открываютъ своего гульфика, считая это неприличнымъ.

Относительно того человѣка, котораго отецъ нынѣшняго государя вызвалъ изъ Константинополя отъ тамошняго патріарха, Тедальди не могъ ничего сообщить мнѣ. Но въ противность тому, что утверждаетъ баронъ Герберштейнъ въ своей книгѣ о дѣлахъ московскихъ, Ясинскій, литвинъ-католикъ и секретарь его величества нынѣ царствующаго короля польскаго, мнѣ говоритъ, что напротивъ, въ теченіи 30 лѣтъ, то-есть, до самой смерти, его держали плѣнникомъ, сколько потому что довѣряли въ вопросахъ религіи или въ обрядахъ греческой церкви, а онъ *между тѣмъ*, будучи вызванъ государемъ, пріѣхалъ туда безъ паспорта; столько же еще и потому (только эту *послѣднюю* причину указываетъ баронъ Герберштейнъ), что раскрылось много неправильностей въ дѣлахъ москвитянъ касательно ихъ церковныхъ обрядовъ, и ему не было дозволено вернуться къ своему патріарху [63]).

Относительно подарковъ, которые я везу Московиту, я желалъ знать мнѣніе Тедальди, *опасаясь*, какъ бы не впасть въ противорѣчіе со вкусами Московита, вмѣсто того чтобы угодить ему; и онъ отвѣтилъ, что во всякомъ случаѣ необходимо ко всѣмъ образамъ и распятіямъ приложить какія-нибудь записи на русскомъ языкѣ, потому что иконы безъ такихъ надписей, будутъ приняты за идоловъ. Въ виду этого теперь же будетъ приложено стараніе насколько возможно поступить соотвѣтственно сказанному [64]).

---

modo che i Spagnuoli et Italiani fanno non mostrassero la braghetta, il che essi stimano indecente.

Circa uno che dal padre di questo Signore fu chiamato da Constantinopoli dal Patriarca di quella cità, non mi sa il Tedaldi dire cosa alcuna. Pero oltre quel ch'il Barone di Herberstain afferma nel suo libro delle cose di Moscovia, il Jasinschi catolico lituano et segretario di questo Ser.mo Re di Polonia mi dice, che fu vero che per 30 anni cioè insino alla morte fu tenuto prigione, si perche egli confidato nella religione o rito greco, et per essere stato chiamato dal Principe era entrato la senza salvocondotto, si anco (la quale sola causa tocca il Barone di Herberstain) perche havendo scuoperti molti errori nelle cose de Moscoviti, le quali appartenevano al loro rito, non fu forse piu permesso che ritornasse al suo Patriarca.

Circa i doni ch'io porto al Moscovito, volendo io havere il giudicio del Tedaldi per non offendere in luogo di conciliare l'animo del Moscovito, mi rispuose che per ogni modo a tutte l'imagini, et crocifisso conveniva porre alcune lettere in Ruteno, percioche stimano per idoli l'imagini che non hanno qualche scrittura. Cosi hora si procurerà in quanto si potra di farlo.

О холодѣ въ *странѣ* Московіи *Тедальди* сказалъ, что безъ сомнѣнія онъ великъ, но что бани, мѣха, обиліе дровъ прекрасно предохраняли отъ него, и что самому ему никогда въ дорогѣ не бывало холодно, но скорѣе жарко, благодаря качеству и количеству мѣховъ, которые онъ носилъ.

Если потомъ ѣхать изъ Москвы въ Казань, Астрахань и Персію, говоритъ онъ, было бы удобно взять кого-нибудь изъ польскихъ татаръ [65]), которые хорошо владѣютъ тамошними языками, и что въ Московіи есть люди, умѣющіе говорить по-черкесски, а черкесскій языкъ—особенный и *своеобразный*.

Названный Тедальди, въ поѣздку свою въ Тавризъ, отправился оттуда въ Арменію и, пройдя съ купцами черезъ Анатолію, прибылъ спустя три недѣли къ Средиземному морю, *гдѣ* сѣлъ на корабль и моремъ этимъ доѣхалъ до Венеціи.

Del freddo di Moscovia disse che senza dubbio era grande, ma che le stuffe, le pelli, l'abondanza delle legna erano buoni ripari, et ch'esso non mai pe'l viaggio hebbe freddo, ma piu tosto caldo, per la qualità, et quantità delle pelli, li quali egli portava.

L'andare poi di Moscovia verso Cazan, Astracano et Persia dice che sarebbe facile pigliandosi alcuno Tartaro di quegli di Polonia, che sanno assai di quelle lingue. Et che in Moscovia si trovano chi sanno la lingua circassa, la quale e lingua particolare.

Il detto Tedaldi quando andò a Tauris, di la parti verso una parte dell' Armenia, et co'mercanti passando per la Natolia venne in tre settimane ad imbarcarsi al mare Mediterraneo pe'l quale venne a Venetia.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Іюля — 11, 12 и 13-го іюля 1581 года Поссевинъ провелъ въ Диснѣ; мы знаемъ это изъ того, что 6, 7 и 12-го іюля онъ шлетъ изъ этого города свои донесенія кардиналу ди Комо (Pierling, Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les slaves. pag. 97—103).

2) Въ русскомъ городѣ Диснѣ, Dzisna della Russia—Поссевинъ отличаетъ Россію, то-есть, Литву, отъ Московіи, государства Русскаго. Дисна была въ то время подъ властью Баторія. Сравн. бесѣду Поссевина съ польскимъ государемъ въ этомъ городѣ 5-го іюля 1581 года (Pierling, ibidem, 94). Гваньини такъ описываетъ этотъ городъ: Disna arx ampla, vallo forti et inexcusso circundata, rebusque; bellicis apprime munita, Disna, et Duna fluvio oportune circumluitur, civitas quoque; inter eosdem fluvios vallo stipitibusque; praeacutis et propugnaculis munita, a Poloczka sex, a Vilna quadraginta miliaribus distat (Sarmatiae Europeae descriptio. Spirae. MDLXXXI, лист. 60).

3) Въ Данцигѣ — еще Герберштейнъ говорилъ, что Литва ведетъ большую торговлю съ этимъ городомъ (перев. Анонимова, 161).

4) Городѣ прусскомъ — то-есть, въ прусской Польшѣ. Данцигъ былъ потерянъ поляками въ 1308 году при Владиславѣ Локеткѣ и возвращенъ отъ Тевтонскаго Ордена Казимиромъ Ягеллончикомъ въ 1454 году. (Baliński i Lipiński, Starożytna Polska, tom. I, str. 681, 695. Szujski, Historyi Polskiej ksiąg dwanaście, 59, 120).

5) Три года — значитъ, если принимать буквально цифровыя данныя Тедальди, онъ пробылъ въ Московскомъ государствѣ съ 1551 по 1554 годъ. Сравн. однако примѣчаніе 10-е.

6) Молодаго — Иванъ Грозный родился 25-го августа 1530 года. Карамз. VII, 157.

7) 20 легъ — величина леги (или льё) не одинакова. Въ почтовой легѣ около четырехъ верстъ (3⁹/₁₀).

8) Въ рѣку Волгу — Тедальди, вѣроятно, полагалъ, что р. Москва впадаетъ непосредственно въ Волгу. Въ 1558 году Дженкинсонъ тоже считаетъ разстояніе отъ Москвы до Коломны (гдѣ р. Москва вливается въ Оку) въ 20 лье (С. М. Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI-го вѣка. Чтенія Общ. Истор. Др. Росс. 1884, IV, 36), а Олеарій — въ 18 нѣмецкихъ миль зимняго и 36 миль или 180 верстъ воднаго пути; въ послѣднемъ случаѣ требуется два дня плаванія (Олеарій, перев. Барсова, 389—391. У В. О. Ключевскаго, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, 228: „Олеарій проѣхалъ по ней (по р. Москвѣ) къ Коломнѣ 120 верстъ въ 24 часа, плывя безостановочно“). Въ 1695 году Петръ В. ѣхалъ еще дольше: съ 30-го апрѣля по 6-е мая (Устрял., Исторія царств. Петра В., II, 228—229). Впрочемъ, здѣсь могли быть остановки. По Почтовому дорожнику Россійской Имперіи (Спб. 1863, стр. XII) разстояніе между Москвою и Коломною въ 109 верстъ. Другой оффиціальный источникъ — Поверстная книга 1622 года — опредѣляетъ это разстояніе въ 90 верстъ (А. С. Лаппо-Данилевскій, Поверстная и указная книги ямскаго приказа. Библіографъ 1890, № 9—10, стр. 102). Напомнимъ, что въ ту пору верста была не пятисотсаженная.

9) Въ 15 дней — неизвѣстно, какъ считалъ Тедальди плаваніе по Волгѣ: отъ Нижняго-Новгорода или съ Коломны, ибо текстъ допускаетъ предположеніе, что для автора р. Ока была тою же Волгою. Іосафатъ Барбаро, разумѣется, ошибся, опредѣляя разстояніе отъ русской столицы до Астрахани въ 3 дня плаванія (tre giornate), да еще вверхъ по теченію (Семеновъ, Библіотека иностр. писателей о Россіи, 95); правильнѣе—двадцатью днями—означаетъ путь Кампензе (ibid., 68). В. О. Ключевскій приводитъ указаніе, что отъ „Астрахани до Казани плыли по Волгѣ 10 дней“ (Сказанія, 222). Дженкинсонъ плылъ отъ Коломны до Нижняго 13 дней, отсюда до Казани 10 дней, и отъ этого города до Астрахани — цѣлый мѣсяцъ (Середонинъ, Извѣстія англичанъ, Чтенія 1884, IV, 36 — 39). Олеарій плылъ съ Коломны до Нижняго 9 дней, отсюда до Астрахани—полтора мѣсяца (пер. Барсова, 391, 397, 403, 449). Петръ Великій въ 1695 г., правда, при противныхъ вѣтрахъ, требовавшихъ остановки, плылъ отъ Переяславля Рязанскаго до Нижняго съ 6-го по 16-е мая и далѣе до Царицына съ 21-го мая по 7-е іюня (Устрял., II, 229—230). Различіе во времени легко объясняется неусовершенствованными способами передвиженія и условіями чисто внѣшними.

10) Великому князю — Астрахань завоевана въ сентябрѣ 1557 года (Никон. лѣт. VII, 271). По смыслу рѣчи можно думать, что въ поѣздку Тедальди Астрахань уже входила въ составъ владѣній Ивана Грознаго, — въ такомъ случаѣ пребываніе флорентинскаго купца въ предѣлахъ Россіи придется отодвинуть нѣсколько позже 1551—1554 гг. (см. выше прим. 5). Но, можетъ быть, путешествіе по Волгѣ Тедальди совершилъ именно въ 1554 году, когда въ Астрахани съ помощью русскихъ войскъ былъ только что (въ іюлѣ) посаженъ ханъ Дербышъ (Ник. лѣт. VII, 218—219), и на его владѣнія можно было смотрѣть какъ на русскія.

11) Прославленная торговля—еще Павелъ Іовій упоминаетъ о „славныхъ“ ярмаркахъ астраханскихъ, куда съѣзжаются купцы изъ Мидіи, Персіи и Арменіи (Семеновъ, 68). По словамъ Герберштейна (перев. Анонимова, 152), Астрахань — „большой татарскій рынокъ“. Поссевинъ называетъ ее non ignobile Orientis emporium (Starczewski, Historiae ruth. script. exteri, II, 287), хотя и указывалъ на упадокъ торговыхъ оборотовъ (Ключевскій, Сказанія иностранцевъ, 232). Въ 1567 году Хивинскій и Бухарскій ханы, жалуясь Турецкому султану на потерю для мусульманства Казани и Астрахани, въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ очерчивали торговое значеніе послѣдняго города: „а въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходитъ ему въ Астрахани тамги на день по тысячѣ золотыхъ“ (Соловьевъ, Истор. Россіи, VI, изд. 4-е, стр. 257). Однако, по мнѣнію Дженкинсона, астраханская торговля велась „въ такихъ малыхъ и ничтожныхъ размѣрахъ, что не стоитъ и упоминать“ (Середонинъ, Извѣстія англичанъ, 40). Дженкинсонъ, впрочемъ, видѣлъ городъ (въ 1558 г.) послѣ недавняго погрома и борьбы русскихъ съ татарами, и неудивительно, если торговля еще не успѣла придти въ нормальное состояніе.

12) Въ страну черкесовъ — Барбаро опредѣляетъ положеніе Черкесіи въ сѣверномъ Кавказѣ: fecero la via appresso Citrachan, et vennero per le campagne di Tumen (нын. Калмыцкая степь), et venendo intorno appresso la Circassia, aviossi alla via del fiume della Tana, et al colfo del mare delle

Zabache (Семеновъ, 73. Срав. 121). Согласно съ нимъ указываетъ и Контарини: la detta terra di Derbent.... chiamasi Porta di ferro: perche a entrar della Tartaria in Media et Persia, non si puo entrare salvo che per la detta terra, per haver una valle profonda, che tiene fino in Circassia (ibid. 164). По Герберштейну: „къ юговостоку около Меотійскихъ болотъ и Понта, по рѣкѣ Кубани, впадающей въ Болото. Съ этого мѣста до самой рѣки Мерулы, впадающей въ Понтъ, тянутся горы, въ которыхъ живутъ черкасы“ (153). Е. Е. Замысловскій подъ Мерулой видитъ Меркулу, впадающую въ Черное море въ 47 верстахъ къ юговостоку отъ Сухумъ-Кале (Герберштейнъ и его извѣстія, 513). Но это трудно примиряется съ дальнѣйшимъ указаніемъ Герберштейна, что „за рѣкою Кубанью находится Мингрелія (слѣдовательно, область не-черкесовъ), по которой течетъ рѣка Ераклея; за ней лежитъ Котатида, что нѣкоторые считали Колхидой. Далѣе течетъ Фазисъ“ (перев. Анонимова, 153). Такимъ образомъ, полагаемъ, Мерулу слѣдуетъ искать въ предѣлахъ сѣвернаго Кавказа. — Самъ Поссевинъ говоритъ слѣдующее о землѣ черкассовъ: „protulit (Астрахань) ditionis suae fines usque ad circassos, trecenta ultra Astrachanum millia passuum. Qui circassi editiora, prope Caspium mare, incolunt, et ad fines usque persici regni pertinebant, antequam hoc anno superiore Ferream portam, aliasque arces Selymus eo de rege cepisset (Starczewski, Histor. ruth. scriptores exteri, II, 287). Источникъ свѣдѣній Поссевина о захватѣ турками желѣзныхъ воротъ—русскій (сравн. Pierling, Bathory et Possevino, № XXXIV). Напомнимъ, что съ 1552 года Пятигорскіе, а съ 1557—Кабардинскіе черкесы записались „въ холопи“ царю Русскому (С. А. Бѣлокуровъ, Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Чтенія Общ. Истор. Др. Росс. 1888, кн. III, стр. XXXV и слѣд.)

13) Христіане-якобиты — о христіанской вѣрѣ черкесовъ свидѣтельствуютъ Рубруквисъ (Семеновъ, Библіотека, прим. 66 къ Барбаро), Интеріано (ibid., прим. 32 на стр. 122—123), Барбаро (ibid., 94), Матвѣй Меховскій (Замысловскій, Герберштейнъ, 351) и Герберштейнъ (перев. Аноним., 153). Якобиты—секта монофизитовъ, существующая съ половины V в., а свое настоящее прозваніе получившая съ половины VI в., по имени Эдесскаго епископа Якова. Монофизиты дѣлятся на четыре церкви: абиссинскую, коптскую, сирійскую и армянскую. (Real-Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, VI, 455). О якобитахъ армянскихъ, конечно, и идетъ рѣчь въ разсказѣ Тедальди. Якобитами Поссевинъ могъ интересоваться уже по одному тому, что не задолго передъ этимъ, именно въ 1562 году, папа Пій IV, подаривъ армянамъ въ Римѣ церковь, завелъ армянскую типографію, а папа Григорій XIV издалъ въ 1574 г. буллу объ основаніи въ Римѣ школы для обученія молодыхъ армянъ (ibid., I, 680).

14) До границъ Персіи — въ 1474 году Контарини проѣхалъ пространство отъ Гори (уѣздн. г. Тифлисской губ.) до пограничнаго (въ то время) пункта Loreo, въ Персіи, въ 3 дня; отсюда, мимо Арарата до Тавриза — около 10 дней. Но Тедальди, конечно, ѣхалъ на Дербентъ, отъ котораго до Тавриза 20 дней пути; промежуточный городъ Шемаха, лежащій внѣ владѣній Персидскаго шаха, отстоитъ отъ перваго, по счету Контарини, на 6 дней пути (Семеновъ, 145 — 147, 164 — 165). Въ 1561 году, при Дженкинсонѣ, Дербентъ былъ „подъ властью Персидскаго Софи“, жившаго въ Казбинѣ, за Тавризомъ, въ 10-ти дняхъ пути отъ него и въ 30-ти отъ Шемахи, города, хотя недавно

имъ и покореннаго, но сохранившаго своего отдѣльнаго царька (Середонинъ, Извѣстія англичанъ, 60, 62—64). Данныя эти не во всемъ согласуются съ показаніями Контарини и тѣмъ болѣе затрудняютъ опредѣленный выводъ.— Поссевинъ и по пріѣздѣ въ Россію интересуется путями въ Персію (Pierling, Bathory et Possevino, № XXXIV).

15) 15 дней — расчетъ этотъ, принимая показанія Контарини (см. выше примѣч. 14), можетъ быть признанъ правильнымъ.

16) Деревянныя строенія — не даромъ сложилось представленіе о „деревянной Россіи" и „каменной Европѣ": иноземецъ, пріѣзжая съ Запада, неизбѣжно долженъ былъ поражаться обиліемъ лѣснаго матеріала и отсутствіемъ каменныхъ построекъ.

17) Обычные паспорта — на необходимость паспортовъ указываетъ и Принцъ изъ Бухова (Начало и возвышеніе Московіи, 73).

18) Великіе Луки — „черезъ это мѣсто лежитъ путь изъ Москвы въ Литву" (Герберштейнъ, перев. Анонимова, стр. 111).

19) На Нарву — такимъ образомъ вторичная поѣздка Тедальди въ Москву совершена была не раньше 1558 года, ибо только въ этомъ году, 11-го мая, Нарва сдалась русскимъ войскамъ (Никон. лѣтоп. VII, 307).

20) Двина, протекающая по Московіи, Dvina fiume di Moscovia— собственно небольшая часть верхняго теченія. Изъ двухъ крупныхъ пунктовъ на верхней Двинѣ—Велижа и Витебска—первый вошелъ въ составъ Московскихъ владѣній по перемирію 1503 года (Карповъ, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, ч. II, стр. 110), второй—еще съ 1320 года сталъ наслѣдственнымъ владѣніемъ Гедиминова сына Ольгерда (Антоновичъ, Очеркъ исторіи в. кн. Литовскаго, 86).

21) Изъ Бѣльска — Бѣльскъ, уѣздн. гор. Смоленской губ., стоитъ на р. Общѣ, притокѣ р. Межи, впадающей въ З. Двину.

22) 90 легъ — по Почтовому дорожнику Россійской имперіи (Спб. 1863), стр. 18, г. Бѣльскъ отстоитъ отъ Смоленска на 145³/₄ верстъ.

23) Новгородъ—разстояніе его отъ Пскова въ 140¹/₂ верстъ (Почтовый дорожникъ, 338).

24) Къ Пернову—на Перновъ ѣздили, между прочимъ, отправляясь за границу, къ цесарю Римскому (въ 1576—1578 гг.). Памятники дипломатическихъ сношеній, I, 572, 706—708, 710, 718. На Перновъ же ѣхалъ въ 1580 г. и посолъ Шевригинъ, спутникъ Поссевина (Ibid., X, 30).

25) Сорокъ легъ — разстояніе Пернова отъ Риги по Почтовому дорожнику (94, 214)—233³/₄ версты.

26) До Вильны—разстояніе отъ Риги до Вильны по Почтовому дорожнику (X—XI)—369 верстъ.

27) По взятіи Полоцка— 15-го февраля 1563 года. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 315.

28) Бернардиновъ — объ этомъ упоминаетъ Стрыйковскій и косвенно подтверждаетъ Степенная книга. О послѣдней см. слѣдующее примѣчаніе, а вотъ слова польскаго историка: „15 dnia lutego Moskiewski Polocko opanował, gdzie tatarowie mnichow Bernardynow posiekli, zydow też wszystkich w Dźwinie potopiono" (Zbior dzieiopisow polskich, tom drugi. Warszawa. 1766, str. 759). Гваньини, говоря о завоеваніи Полоцка, молчитъ о насильственной смерти и новѣрцевъ (изд. 1581 г., лист. 60).

29) Утопили—Псковская лѣтопись говоритъ: „а которыя были въ городѣ жили люди жидове, и князь великій велѣлъ ихъ и съ семьями въ воду въ рѣчную вметати, и утопили ихъ“ (П. С. Р. Л. IV, 314). Степенная книга: „в. князь... шедъ взять... градъ Полтескъ, и тамо живущихъ богоубійственныхъ жидовъ конечной пагубѣ предаде, и богомерскихъ же латинъ и злѣйшихъ иконоборецъ расплѣни и расточи“ (II, 283). Царь Грозный, посылая кн. Черкасскаго въ Москву къ митрополиту Макарію съ извѣщеніемъ о взятіи Полоцка, молчитъ объ избіеніи евреевъ, можетъ быть, и потому, что въ концѣ наказа проставилъ: „А какѣ то наше дѣло дѣлалося, и послалъ есми къ тебѣ списокъ подлинной“. Только уже по возвращеніи государя въ столицу, на многолѣтіи высказана была радость, что царь „своимъ великимъ подвигомъ церкви святыя отъ иконоборецъ люторей очистилъ и досталныхъ сущихъ христіянъ въ православіе собралъ“ (Александро-Невская лѣтопись въ Русск. Истор. Библ. III, 164, 174; сравн. Акты Историч., I, № 168). Сверхъ того, Андрей Венгерскій сообщаетъ: при взятіи Полоцка утопленъ былъ нѣкій Ѳома, православный монахъ, перешедшій въ протестанство. Is (Иванъ Грозный) igitur eductum in glaciem Dunae fluvii, fuste prius capiti ejus illiso, in aquam, glacie perfracta, qua flumen erat vorticosius, praecipitandum curavit (Slavonia reformata, II, p. 262, edit. MDCLII, заимствовано изъ Витебской Старины IV, вып. I, стр. 651—652).

30) Съ пряностями—„...aromata ab ipsis Moschovitis, qui tantam eorum vim omnibus ferculis absumerent.....“ (Павелъ Іовій въ изданіи Семенова, 59). Костомаровъ говоритъ, что „русскіе чрезвычайно любили всякія пряности, особенно перецъ, шафранъ и корицу; вообще пряности составляли необходимую принадлежность хорошаго стола“ — и при этомъ ссылается на Герберштейна (Очеркъ торговли Московскаго государства, 237); но мы болѣе прямыя указанія на этотъ предметъ нашли у Гваньини, да и то не въ латинскомъ изданіи (Spirae. MDLXXXI), гдѣ въ числѣ привозныхъ товаровъ въ Московію перечисляется insuper piper, crocus, zingiber et caetera (лист. 79);— а въ польскомъ дополненномъ переводѣ: „nadto pieprze, szafrany, zinbiery, gozdziki, cynamony, muszkaty y inszego korzenia obfitość wielka“ (Kronika W. X. Moskiewskiego (we Lwowie 1611 r.), str. 3).

31) Такъ и сдѣлали—въ дѣлахъ польскихъ сохранилось такое извѣстіе: „въ 1550 году пріѣзжалъ въ Москву посолъ Станиславъ Едровскій, черезъ котораго король велѣлъ сказать Іоанну: „докучаютъ намъ подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предкахъ твоихъ вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ, христіанамъ и жидамъ, въ Москву и по всей землѣ твоей съ товарами ходить и торговать; а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ государство свое въѣзжать“. Іоаннъ отвѣчалъ: „мы къ тебѣ не разъ писали о лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ намъ привозили и накости многія нашимъ людямъ дѣлали: такъ тебѣ бы, брату нашему, не годилось и писать объ нихъ много, слыша ихъ такія злыя дѣла“. Еще при жизни Сигизмунда Стараго жиды брестскіе были выгнаны изъ Москвы и товары ихъ сожжены за то, что они привозили продавать мумею“ (Соловьевъ, VI, изд. 4-е, стр. 145; сравн. Карамзинъ, VIII, 116). Такимъ образомъ, основа разсказа Тедальди вѣрна, спутана только хронологія и, можетъ быть, придано слиш-

комъ большое значеніе Адріану. Замѣтимъ, что Сигизмундъ I Старый умеръ 1-го апрѣля 1548 года (Szujski, Historyi Polskiej ksiąg dwanaście, 175).

32) Скуди — монета въ пять франковъ.

33) Чеканитъ нынѣшній государь—Герберштейнъ свидѣтельствуетъ, что въ его время было четыре рода монетъ: московскія, новгородскія, тверскія и псковскія (переводъ Анонимова, 87). То же подтверждаетъ и Гваньини (Sarmatiae Europeae descriptio. Spirae. MDLXXXI, лист. 79). Московская монета называлась деньгою. Двѣсти денегъ составляли одинъ рубль (Герберштейнъ, 87—88). Позже цѣнность деньги повысилась и ея было сто въ одномъ рублѣ, столько же, какъ и польскихъ грошей (Guagnini, л. 80).

34) Цехины — „золотой монеты они не имѣютъ и не чеканятъ сами, но употребляютъ почти все венгерскіе червонцы, иногда также рейнскіе“ (Герберштейнъ, 88). Сто денегъ составляли одинъ золотой (ibid). Цѣнность рейхсталера (ефимка) не была постоянною. При Иванѣ IV она колебалась между 13 алтынъ $1^5/_9$ деньги и 14 алтынами 5 деньгами (Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства, 187). Позже, какъ разъ во времена Тедальди и Поссевина, цѣнность рубля понизилась и цехинъ обходился уже въ 60 новыхъ денегъ: horum (денегъ) autem sexaginta unum ducatum sive aureum ungaricalem valet (Guagnini, лист. 80). Польское изданіе 1611 года такой дукатъ замѣняетъ двумя злотами польскими (стр. 4). Сравн. Ключевскій, Сказанія иностранцевъ, 260. Однако по свидѣтельству Принца изъ Бухова въ 1576 году золотой венгерскій стоилъ 100—108 русскихъ денегъ (Начало и возвышеніе Московіи, Чтенія Общ. Ист. Др. Р., 1876, кн. III, стр. 70).

35) Золота—очевидно,—не досказываетъ Тедальди—для того чтобы изъ него въ свою очередь начеканить новыхъ монетъ. „Въ Московіи почти всѣ золотыхъ дѣлъ мастера чеканятъ монету, и если кто-нибудь приноситъ слитки чистаго серебра и желаетъ обмѣнить на монету, тогда они кладутъ на одну чашку вѣсовъ серебро, на другую монету и уравниваютъ ихъ вѣсовую тяжесть. Установлена небольшая плата, которую, сверхъ равной тяжести, должно давать золотыхъ дѣлъ мастерамъ, дешево продающимъ свою работу“ (Герберштейнъ, 88). „Новгородская монета.... выдѣлывается изъ нашего серебра очень многими золотыхъ дѣлъ мастерами въ нѣсколькихъ главныхъ городахъ“ (Принцъ изъ Бухова, 70). Можно предположить, что Гваньини перефразировалъ Герберштейна, сказавъ въ своей книгѣ: omnes fere aurifabri in Moschovia, Novogradia, Tweria et Pskovia nummos cudunt, et quicunque affert massas argenteas, puras, nummos ab aurifabro transmutare volens, tum nummi et argentum appenduntur, atque aequa lance librantur, mercedem autem laboris exiguam aurifabri reportant (л. 80).

36) Ходятъ слухи — источниками такихъ слуховъ могли быть между прочимъ оскорбленія, какимъ подверглись въ 1570 г. члены польскаго посольства, когда, по словамъ Джеріо, имъ угрожали съ оружіемъ и палками въ рукахъ, срывали съ нихъ шубы, насмѣхались и т. п. (Historica Russiae monumenta, I, 215); или же эпизодъ съ гонцомъ Быковскимъ, когда его имущество „и товары пришедшихъ съ нимъ купцовъ были описаны въ казну“ (Соловьевъ, VI, изд. 4-е, 235), а по словамъ Карамзина посолъ даже поплатился тюрьмою (IX, 118). Это было въ 1567 году. Кромѣ того Гваньини приводитъ нѣсколько случаевъ жестокаго обращенія Ивана Грознаго съ поляками и литовцами, но

послѣдніе были большею частью простые плѣнные, не члены посольствъ (Sarmatiae Europeae descriptio, лист. 99—101). Въ одну категорію съ Гваньини, разумѣется, необходимо отнести и сочиненіе Таубе и Крузе. Въ іюлѣ 1581 г. Стефанъ Баторій собирался послать Грозному два сочиненія, трактующія о его злодѣяніяхъ: Гваньини и Крауція (Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, стр. 36). Крауцій, по всей вѣроятности, тотъ же Крузе, хотя, въ противоположность г. Браудо (Посланіе Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру. Журн. Мин. Нар. Пр. 1890, № 10, стр. 391), мы остереглись бы, при наличности пока извѣстныхъ намъ данныхъ, безусловно признавать тожество этихъ двухъ именъ. Кстати замѣтимъ, что о. Пирлингъ, по словамъ г. Браудо, разрѣшившій сомнѣніе о личности Крауція (les deux livres récents de Guagnini et de Krause accompagnent la lettre. Papes et tsars, 220), беретъ свои свѣдѣнія изъ общаго для всѣхъ источника — „Дневникъ похода Баторія на Россію“, и, слѣдовательно, предложенное имъ чтеніе не столько „разрѣшеніе“, сколько остроумная и весьма вѣроятная догадка.

37) Великимъ княземъ — здѣсь можетъ идти рѣчь только о пасторѣ Иванѣ Рокитѣ, прибывшемъ въ 1570 году въ составѣ польскаго посольства. Рокита былъ въ Москвѣ въ маѣ и іюнѣ этого года (Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты, стр. 547, 552, прим.).

38) Какъ еретическую — дѣйствительно, 18-го іюня 1570 года (Цвѣтаевъ, loco cit.) царь передалъ Рокитѣ письменное изложеніе своего спора (Отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго Яну Рокитѣ по-русски и въ современномъ переводѣ (изъ Сборника Ласицкаго: De Rossorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, 1582) напечатанъ въ Чтеніяхъ Общества Истор. Древн. Росс. 1878, кн. II); въ концѣ „Отвѣта“ читаемъ: „А что писалъ еси что по нашему велѣнію волно и смѣло говорилъ, и намъ бы на тобя не опалятися, и нынѣ мы свое слово помнимъ, а на тобя опалы никоторыя не кладемъ. А что мнѣ тобя не еретикомъ держати нелзѣ, потому что ученія твоя вся развратна Христову ученію и Христовѣ церкви вся сопротиво мудрствуеши. И не токмо еретикъ еси, но и слуга антихристовъ діявольскаго совѣта. А не пуще Лютоpь еще тобя пущи есть. А впредъ бы еси сего своего ученія въ нашеи странѣ не объявлялъ“ (стр. 60—61).

39) Еще тяжелѣе — указанія на возвратъ подарка, если не ошибаемся, не встрѣчается въ литературѣ; что же касается до угрозъ, то скорѣе надо полагать, что прощаніе носило мирный характеръ (см. выше, предыдущее примѣчаніе). „Отвѣтъ“ былъ переданъ Рокитѣ „въ дорогомъ парчевомъ переплетѣ, съ украшеніями изъ жемчуга“ (Цвѣтаевъ, Протестантство, 552).

40) Я — то-есть, Поссевинъ.

41) Канобіо и другимъ—въ 1561 году папскій посолъ къ Московскому двору, Джіованни Канобіо, не получилъ у польскаго правительства разрѣшенія проѣхать въ Россію. Та же участь постигла и другихъ пословъ: Джиральди (1561 г.), Портико (1571 г.) и Кленке; послѣднему, впрочемъ, помѣхою былъ германскій императоръ (Pierling, Papes et tsars, 79, 80, 85, 86, 99, 121).

42) Пятеро католиковъ—весь вышеприведенный разсказъ о польскомъ посольствѣ и его проповѣдникѣ, полагаемъ, ошибочно понять Д. В. Цвѣтаевымъ: „встрѣтившійся съ Поссевиномъ итальянецъ Тедальди сообщилъ ему, что открытая проповѣдь запрещена лютеранскимъ пасторамъ за то, что они

слишкомъ стали навязывать другимъ свои религіозныя убѣжденія" (Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ. Русскій Вѣстникъ 1885, № 9, стр. 355 и отдѣльно (М. 1886), стр. 13. Перепечатано въ „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ" (М. 1886, стр. 293).

43) Озлобленія—Джеріо, одинъ изъ членовъ этого посольства, передаетъ разказанный случай нѣсколько иначе. Сумма лошадей, принесенныхъ въ даръ царю Ивану Грозному, доходила до 67, въ томъ числѣ по лошади отъ литовскаго посла и отъ майордома посла польскаго. Всѣ лица презентовавшія были одарены государемъ; но двое изъ упомянутыхъ членовъ посольства выразили свое неудовольствіе, находя, что царскіе подарки по цѣнности ниже ихъ лошадей. Грозный, узнавъ объ этомъ, вернулъ полякамъ не только этихъ двухъ лошадей, но и всѣхъ остальныхъ; а на слѣдующій день послалъ литовскому послу 200, а майордому 120 скуди, приказавъ взять ихъ лошадей и въ присутствіи всего посольства немедля искрошить ихъ въ куски. Секретарь литовскій, по той же причинѣ, что и тѣ двое, также отказался отъ подаренныхъ соболей; но пристава (sopraстanti) вернули ихъ ему, онъ же въ отвѣтъ на это выбросилъ ихъ вонъ толкая ногами (li getto fuori con li piedi). Но пристава заставили секретаря взять мѣха, при чемъ схватили его за бороду, говоря: „какъ смѣешь ты отвергать дары нашего государя"? Впрочемъ ничего иного ему не причинили (Pero non gli fu fatto altro). (Historica Russ. Monum., I, 215).

44) Репутаціею—К. Несѣцкій (Herbarz polski, wydany przez J. Bobrowicza, tom. I, str. 188.; то же и первое изданіе (Львовъ, 1728) подъ заглавіемъ: Korona Polska przy złotey wolności, стр. 164) сообщаетъ, что съ 1542 года полоцкимъ воеводою былъ Maciej Kłodzko; слѣдующій за нимъ изъ названныхъ—Stanisław Dowoyna—умеръ въ 1573 г. и Mikołay Dorohostayski—умеръ 1597 г. Этотъ же Довойна упоминается въ званіи мѣстнаго воеводы при взятіи Полоцка русскими войсками въ 1563 году, когда онъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ былъ отправленъ въ Москву (Александро-Невская лѣтопись, Русск. Истор. библ., III, 163, 167). Такимъ образомъ, упоминаемая въ текстѣ фраза, весьма вѣроятно, принадлежитъ Довойнѣ, тѣмъ болѣе что годъ смерти его и Сигизмунда II почти совпадаютъ. Такъ какъ Полоцкъ былъ вновь завоеванъ поляками въ 1579 году (Карамз., IX, 299), всего за два года до разговора Поссевина съ Тедальди, то тѣмъ естественнѣе было послѣднему назвать Довойну предшественникомъ Дорогостайскаго: цѣлыхъ 16 лѣтъ (1563 — 1579 гг.) въ Полоцкѣ совсѣмъ не было польскихъ воеводъ.

45) Для добрыхъ — верховное право свое карать зло царь Иванъ Васильевичъ имѣлъ случай высказывать не разъ. Вотъ соотвѣтствующія мѣста изъ его перваго посланія Андрею Курбскому: „И повсегда убо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь: царь бо нѣсть болзнь дѣломъ благимъ, но злымъ ..... А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя .... Иже обрящется въ супротивныхъ, еже выше рѣхомъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ .... Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными браньми и самовольствомъ? ..... доселѣ

русскіе владѣтели не изтязуеми были ни отъ кого же, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ ..... Не хотѣніемъ убо сія творя, ни желая, но по нуждѣ: злаго ради ихъ преступленія и наказаніе имъ бываетъ" (Сказанія кн. Курбскаго, изд. третье, стр. 147, 156, 169, 170, 189). Точно такъ же и польскимъ посламъ говоритъ Иванъ въ 1572 году: „въ вашей землѣ многіе говорятъ, что я золъ: правда, я золъ и гнѣвливъ, не хвалюся; однако, пусть спросятъ меня, на кого я золъ? Я отвѣчу, что кто противъ меня золъ, на того и я золъ, а кто добръ, тому не пожалѣю отдать и эту цѣпь съ себя и это платье" (Соловьевъ, VI, изд. 4-е, стр. 279). Только-что приведенныя слова такъ сродны фразѣ, сказанной Тедальди, что ихъ можно было бы — если бы только въ этомъ видѣлась надобность—счесть распространенною ея версіею.

46) Названному писателю — Тедальди, конечно, имѣетъ въ виду тѣ страницы Sarmatiae Europeae descriptionis, гдѣ Гваньини приводитъ рядъ фактовъ о тиранствѣ Ивана: о погромѣ Новгорода, убіеніи брата Владиміра, митр. Филиппа, Висковатова, Басмановыхъ, боярина Овчины, Ивана Петровича, кн. Ростовскаго и другихъ (Guagnini, листы 93—105 Шпейерскаго изданія).

47) Ихъ возврату—убѣжденіе царя Ивана находитъ подтвержденіе въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ писемъ Сигизмунда къ англійской королевѣ Елизаветѣ въ 1566—1569 гг., въ коихъ польскій государь энергически настаивалъ на необходимости отрѣзать Россію отъ сношеній съ культурнымъ міромъ и преградить доступъ въ нее мастеровъ, художниковъ, предметовъ военнаго дѣла и т. п. (Ю. В. Толстой, Россія и Англія, 29—33). О томъ же проситъ онъ и датскаго короля Фридриха II въ 1569 году (Г. В. Форстенъ, Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 124).

48) Московиту — Нарва завоевана была Иваномъ Грознымъ 11-го мая 1558 года (см. выше, прим. 19), а потеряна имъ 6-го сентября 1581 г. (Карамзинъ, IX, прим. 592). Такимъ образомъ, Тедальди имѣлъ право назвать Нарву „принадлежащею Московиту".

49) Наливка — о существованіи загородной слободы, выстроенной Василіемъ III для своихъ тѣлохранителей (иноземцевъ), впервые упоминаетъ Герберштейнъ называя эту слободу Nali (перев. Аноним., 96); Гваньини называетъ ее Nelewki (Sarmatiae descriptio, лист. 78), Олеарій — Naleiki (пер. Барсова, 112). Д. В. Цвѣтаевъ справедливо замѣчаетъ, что топографія этой слободы опредѣляется нынѣ существующей въ Москвѣ церковью „Спаса Преображенія, что въ Наливкахъ" (Протестантство и протестанты, 19, прим.); но ему осталось неизвѣстнымъ, что уже въ извѣстіи Тедальди — изо всѣхъ иностранцевъ всего ближе передавшаго сочетаніе русскихъ звуковъ — находится весьма убѣдительное доказательство этому домыслу.

50) Безъ церкви—католическихъ церквей въ ту пору въ Москвѣ, дѣйствительно, не было. Римскій дворъ поручалъ Поссевину хлопотать о постройкѣ одной или нѣсколькихъ церквей, но старанія знаменитаго іезуита успѣхомъ не увѣнчались (Толстой, Римскій католицизмъ, I, 35, 59).

51) Весьма далекъ — говоритъ это Тедальди могъ, имѣя въ виду развѣ только 1550-е годы, совпавшіе съ его пребываніемъ въ Москвѣ.

52) Ради праздника—извѣстіе сходное съ показаніями Герберштейна

и Боха. Герберштейнъ, упоминая о существованіи загородной слободы Nali, объясняетъ ея названіе тѣмъ, что только ея жителямъ „дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнялись, живя вмѣстѣ съ ними“ (перев. Аноним., 96). „Простонародью и черни запрещено употребленіе пива и меда; однако имъ позволено пить въ нѣкоторые торжественные дни, какъ-то: въ Рождество Христово, въ праздникъ Пасхи, въ Пятидесятницу и нѣкоторые другіе“ (ibid., 64). Бохъ, бывшій въ Москвѣ въ 1578 году, сообщаетъ: „livonis germanisque vendere cerevisiam, hydromeli aut medonem, eamque potionem quam aquam vitae vocant, a principe permittitur; Moschis, nisi indulto ejus speciali prorsus interdicitur“ (G. Schmid, Iohannes Boch in Moskau im Iahre 1578. Russische Revue 1887, 3 Heft, Seit. 336). Костомаровъ говоритъ, что „до того времени какъ Борисъ введеніемъ кабаковъ сдѣлалъ пьянство статьею государственнаго дохода ..... простой народъ пилъ рѣдко: ему дозволяли сварить пива, браги и меда и погулять только въ праздники“ (Очеркъ домашней жизни и нравовъ великор. народа, 136). Однако еще Дженкинсонъ въ первое путешествіе свое въ Москву (1557 г.) свидѣтельствуетъ о существованіи царскихъ кабаковъ, въ которыхъ и мужчины и женщины пропивали не только имущество, но и дѣтей своихъ (Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. Чтенія Общ. Ист. Др. Р. 1884, кн. IV, стр. 34—35). О пьянствѣ русскихъ говоритъ и Флетчеръ (La Russie au XVI-e siècle (P. 1864), 167 — 168). Въ одной изъ книгъ сошнаго письма 1579 года также встрѣчается извѣстіе о царскомъ кабакѣ (Карамз., IX, прим. 816).

53) Рыхлыми — Принцъ изъ Бухова (Чтенія 1876, кн. III, стр. 69) и Флетчеръ (La Russie au XVI-e siècle, 168) просто говорятъ о квасѣ; но, судя по овсяной мукѣ, позволительно думать, что Тедальди говоритъ о толокнѣ, хотя неизвѣстно, чтобы когда-нибудь изъ него приготовляли напитокъ. Сравн. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни, 89—90.

54) Двѣ тысячи бочекъ — цифра, конечно, преувеличенная: даже въ половинѣ XVII вѣка, когда привозъ иностраннаго вина сталъ гораздо значительнѣе, запасы не дѣлались въ такихъ размѣрахъ; напримѣръ, въ 1649 году приказано было закупить въ Архангельскѣ для царскаго двора на слѣдующій годъ винъ разныхъ сортовъ 55 бочекъ беремянныхъ и уксусу $2^1/_2$ бочки полуберемянныхъ (Доп. Акт. Истор., III, № 55, стр. 206). Принцъ изъ Бухова говоритъ, что употребленіе вина у русскихъ очень рѣдко; „за самымъ столомъ великаго князя намъ предложенъ былъ только единственный стаканъ вина“. За недостаткомъ вина иногда бываютъ вынуждены совершать евхаристію, выжимая сокъ изъ древесныхъ плодовъ (стр. 69, 37). И у Костомарова мы находимъ, что „иностранныя вина въ XVI вѣкѣ употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ“ (Очеркъ домашней жизни, 92).

55) Бергамо — городъ Сѣверной Италіи, въ предгорьяхъ Альпъ, между озерами Изео и Комо.

56) Не хотѣлъ разрѣшить — письма папъ Льва X, 1519 года, и Климента VII, 1524 года, къ великому князю Василію III Ивановичу, а также два отвѣтныхъ Клименту, 1525 и 1526 гг., см. въ Перепискѣ папъ съ россій-

скими государями въ XVI вѣкѣ, стр. 1 — 26. Кромѣ того, письмо Льва X по другой редакціи напечатано въ Тургеневскихъ Historica Russiae Monumenta, I, 128. Содержаніе этихъ документовъ на тему о добрыхъ взаимныхъ отношеніяхъ между государями. Но Павелъ Іовій свидѣтельствуетъ, что грамота Льва X вызвана была широкимъ предпріятіемъ одного генуэзца, Павла Чентуріоне, задумавшаго открыть черезъ Россію провозъ цѣнныхъ товаровъ изъ далекой Индіи: пряностей и благовоній (aromata); но Василій III не раздѣлялъ взглядовъ предпріимчиваго итальянца (Basilius homini externo ac ignoto eas regiones .... minime aperiendas esse existimabat). Чентуріоне однако не сразу отказался отъ своего плана. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ снова ѣдетъ въ Москву и на этотъ разъ уже въ званіи посла съ вышеуказаннымъ письмомъ отъ папы Климента. Великій князь принялъ его очень благосклонно. Но — довольно неожиданно прибавляетъ Іовій — трудности пути, старость и слабость здоровья принудили его отказаться отъ Индіи (Семеновъ, Библіот. иностр. писателей, 58 — 68), хотя, можетъ быть, вѣрнѣе предположить, что почетный пріемъ, оказанный Чентуріоне, какъ послу, не помѣшалъ русскому государю остаться при прежнемъ взглядѣ на дѣло. Павелъ проектировалъ путь отъ Риги на Москву, водою по рр. Москвѣ, Окѣ и Волгѣ до Астрахани, далѣе Каспійскимъ моремъ до Стравы (Астрабада), лежавшей по тогдашнимъ понятіямъ, у устья Оксуса (Аму-Дарьи); отсюда вверхъ по Оксусу и волокомъ черезъ хребетъ Паропамизъ въ рѣку Индъ (Семеновъ, 58 — 59). Карамзинъ (VII, 141), говоря, что вторично Чентуріоне являлся въ Москву „уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ посла“, конечно, слишкомъ буквально понялъ его роль; иначе пришлось бы отказаться отъ яснаго свидѣтельства Іовія. Впрочемъ, и Соловьевъ (V, изд. 4-е, 349 — 350) упоминаетъ только о переговорахъ по вопросу о единеніи церквей и образованіи антитурецкой лиги.

57) По его мнѣнію, нѣтъ — хотя до-Петровская Русь и не признавала за иновѣрцами юридическихъ правъ на свободу религіозную, но и не преслѣдовала, терпимо относясь къ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

58) Патріархомъ — высшимъ духовнымъ лицемъ въ Московскомъ государствѣ въ ту пору былъ не патріархъ, а митрополитъ; вѣроятно, Тедальди имѣлъ въ виду словомъ „патріархъ“ обозначить аналогично высокое и самостоятельное положеніе главы Русской церкви, подобно патріархамъ восточнымъ.

59) Ввидѣ креста — о посохѣ ввидѣ креста упоминаетъ еще Герберштейнъ (перев. Анонимова, 48). Обрядъ шествія на осляти становится извѣстнымъ только со временъ Ивана Грознаго (Макарій, Исторія русской церкви, VIII, 66—67). Самое раннее свидѣтельство о немъ находимъ за 1548 годъ (К. Никольскій, О службахъ русской церкви, 48). Митрополитъ обыкновенно ѣхалъ, сидя по женски на лошади, покрытой до копытъ бѣлымъ холстомъ, съ удлиненными, на подобіе ослиныхъ, ушами (Неизвѣстный англичанинъ, бывшій въ Россіи въ 1557 — 1558 гг. Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи. Чтенія 1884, кн. IV, стр. 19). Флетчеръ упоминаетъ просто о лошади (La Russie au XVI-e siècle, 144. Срав. другія указанія у Никольскаго, 55). Но митрополиту приходилось ѣздить верхомъ также и въ день своего посвященія на митрополію, когда онъ отправлялся во дворецъ

преподать государю благословеніе, а отъ него возвращался къ себѣ. Такія свѣдѣнія становятся извѣстными еще ранѣе 1548 года. Въ этихъ случаяхъ, повидимому, лошади не употреблялись. (Никольскій, 18. Сравн. Макарій, Исторія русск. церкви, VIII, 65).

60) Въ Нарвѣ — сравн. выше прим. 48-е.

61) Брились — извѣстіе совершенно не вѣрное. Въ ту пору православные священники, самое бо́льшее, пробривали на головѣ гуменце; но трогать бороду считалось тяжкимъ грѣхомъ (Середонинъ, 25. Рущинскій, Религіозный бытъ русскихъ, 100 — 101 и др.). Не былъ ли Тедальди введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь единичнымъ фактомъ, который онъ, какъ иностранецъ, неправильно понялъ и обобщилъ? Въ Литвѣ въ ту пору не рѣдки бывали случаи, когда такъ называемые нареченные епископы и архимандриты (иногда по нѣсколько лѣтъ дожидавшіеся посвященія въ санъ) поставлялись изъ шляхты, среди которой обычай брить бороду могъ успѣть уже значительно распространиться изъ Польши (послѣднимъ указаніемъ мы обязаны С. А. Бершадскому). Впрочемъ, не надо забывать, что Тедальди говоритъ о Московіи, а не Литвѣ, а потому вопросъ объ источникѣ, откуда онъ почерпнулъ свое свѣдѣніе, по прежнему остается открытымъ.

62) Сынъ государя—Изъ иностранныхъ языковъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный понималъ, кажется, одну только устную польскую рѣчь: онъ говоритъ послу Гарабурдѣ, въ отвѣтъ на его извиненія, что русскій языкъ онъ забылъ: „говори передъ нами безъ всякаго сомнѣнія; если что и по польски скажешь, мы поймемъ“ (Соловьевъ, VI, изд. 4-е, стр. 228—229).

63) Къ своему патріарху — рѣчь идетъ о Максимѣ Грекѣ. Осужденный въ 1525 году на заточеніе, онъ скончался въ 1556 году. Причины его опалы и до сихъ поръ не могутъ считаться вполнѣ выясненными; но почти всѣ русскіе историки склоняются къ тому, что критика русскихъ церковныхъ и общественныхъ непорядковъ послужила главнымъ основаніемъ опалы знаменитаго богослова. По словамъ Герберштейна, Максимъ (или, какъ называетъ его цесарскій посолъ, Максиміліанъ) указывалъ великому князю на отступленія его отъ православія, послѣ чего пропалъ неизвѣстно куда „и, по мнѣнію многихъ, былъ утопленъ, хотя князь и оказывалъ ему величайшее благоволеніе“ (перев. Аноним., 67). Сравн. указанія Поссевина, повидимому, въ значительной части заимствовавшаго свои свѣдѣнія у Герберштейна (Supplementum ad historica Russiae monumenta, 22).

64) Соотвѣтственно сказанному — вотъ слова Поссевина въ его комментаріи о дѣлахъ Московскихъ: Cum vero imaginem aliquam piam ex iis, quibus catholici utuntur, a suis simplicioribus coli animadvertunt, „ne colas, ajunt, quia nostrae fidei non sunt“ (Supplem. ad histor. Russiae monumenta, 23).

65) Изъ польскихъ татаръ — правильнѣе было бы сказать: литовскихъ, ибо собственно въ Литвѣ находились большія поселенія татаръ. Сравн. А. Мухлинскій, Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ въ „Годичномъ торжеств. актѣ въ Имп. Спб. университетѣ, бывшемъ 8-го февр. 1857 г., Спб. 1857 г.“.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Замѣтка объ отношеніяхъ Кіевскаго митрополита Евгенія къ Державину до личнаго знакомства съ поэтомъ. Спб. 1887.

Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Спб. 1888.

Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Выпускъ I. Спб. 1888.

О запискахъ Сильвестра Медвѣдева. Спб. 1889.

Петръ Великій въ русской литературѣ. (Опытъ историко-библіографическаго обзора). Спб. 1889.

Восьмой археологическій съѣздъ (9-го—24-го Января 1890 года). Спб. 1890.

XVII-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. Спб. 1891

E. F. Shmurlo

MILIUKOV LIBRARY

Павлу Николаевичу
Милюкову,
Доброму пріятелю
и строгому цѣнителю
географическихъ трудовъ,
отъ автора.

Russkaia Istoriia na Moskovskoi Geograficheskoi

Русская Исторія на Московской Географической Выставкѣ 1892 года.

Vystavkie 1892 goda.

Е. Ф. Шмурло.

Въ августѣ 1892 года въ Москвѣ ученый міръ Европы собрался на два международныхъ конгресса, одинъ по доисторической археологіи и антропологіи, другой—по зоологіи. Готовясь къ встрѣчѣ заграничныхъ гостей, мѣстные представители науки напали на счастливую мысль устроить одновременно и Географическую выставку. Главнымъ организаторомъ задуманнаго дѣла былъ профессоръ Московскаго университета Д. Н. Анучинъ. Результатомъ стараній особо выбранной подъ его предсѣдательствомъ коммиссіи явилась громадная масса матеріала, размѣщеннаго въ девяти залахъ Историческаго Музея. Здѣсь нашли себѣ мѣсто самые разнообразные предметы, имѣющіе связь съ географіей: карты, планы и атласы, изданія по гидрографіи, геологіи, метеорологіи, статистикѣ, коллекціи этнографическія, матеріалы по общей географіи, по метеорологіи, по исторіи землевѣдѣнія, по географіи учебной и промышленной, фотографическіе снимки мѣстностей, типовъ и т. д. и т. д. Правительственныя и общественныя учрежденія, частныя лица, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, прислали свои изданія или ввѣренныя имъ коллекціи. Можетъ быть, Географическая выставка оказалась и не въ полнѣ удовлетворяющей требованіямъ полноты, можетъ быть, необходимость размѣщать вещи не по однородности содержанія, а по принадлежности тому или иному владѣльцу, дѣлала ее не во всѣхъ ея отдѣлахъ систематичною, но будемъ помнить, что это еще первый опытъ; онъ укажетъ пробѣлы, въ однихъ возбудитъ интересъ къ дѣлу, въ другихъ усилитъ энергію и, будучи повторенъ, конечно, дастъ намъ болѣе удовлетворительные результаты, представивъ географическое

знакомство съ Русскимъ Государствомъ и сопредѣльными ему странами въ гораздо болѣе законченномъ видѣ.

Географическая выставка, по самому свойству, должна была дать матеріалъ и для историка; таковой, дѣйствительно, оказывается на лицо, хотя разбросанный по всѣмъ заламъ и разбитый частями по тѣмъ отдѣленіямъ, на какіе въ свою очередь раздѣлена сама выставка. Матеріалъ этотъ касается преимущественно исторіи русской, въ виду того, что выставка, хотя и возникла по поводу *международнаго* съѣзда, но въ значительной степени посвящена территоріи Россіи. Сверхъ того участіе иностранныхъ фирмъ и лицъ проявилось собственно въ области *современной* картографіи и географической литературы, тогда какъ, „старину“ выставили русскія силы. Думаю, что это къ выгодѣ самаго дѣла: если уже нельзя было устроить международную географическую выставку на самыхъ широкихъ началахъ полноты, то всякое раздвоеніе силъ лишь ослабило бы обѣ половины, лишивъ и ту, и другую необходимой яркости и законченности. Вотъ почему въ своей замѣткѣ я намѣренъ остановиться только на томъ, что касается прошлаго одной нашей родины [1]).

I.

Начало географическихъ представленій о Русской землѣ, какъ извѣстно, можно относить къ очень отдаленнымъ эпохамъ, когда еще и названіе нашей родины не существовало, когда восточная европейская равнина населена была племенами, можетъ быть, совсѣмъ не славянскими. Восемь рукописныхъ раскрашенныхъ картъ [2]), выставленныхъ Географическимъ кабинетомъ Московскаго университета, знакомятъ насъ съ этими отдаленными представленіями. Передъ нами возстаетъ Гомеръ (XII в. до Р. Х.) съ его Океаномъ, омывающимъ весь земной кругъ, еще безъ малѣйшаго намека на сѣверные берега Чернаго моря [3]); Гекатей (V в.), начертившій, правда, Меотиду

---

[1]) Недавно вышелъ каталогъ Выставки. Онъ содержитъ перечень, а часто краткое описаніе 743 предметовъ или коллекцій. Въ своемъ обзорѣ, упоминая тотъ или иной предметъ, я дѣлаю въ скобкахъ указаніе на № его по каталогу и на его собственника. №№ картъ и плановъ, выставленныхъ городомъ Петербургомъ, обозначены по особому каталогу, изданія Петербургской городской думы, такъ какъ въ общемъ каталогѣ Выставки отдѣлъ этотъ не перенумерованъ.

[2]) Увеличенныя копіи съ картъ въ сочиненіе Bunbury, History of ancient Geography.

[3]) Хотя Беръ и утверждаетъ, въ противность установившемуся мнѣнію,

(Азовское море), но за то до нельзя сплющившій равнину Восточной Европы; Геродотъ (V в.), уже отказавшійся отъ окружнаго морскаго рукава, признавшій цѣлый рядъ рѣкъ Черноморскаго бассейна и внутренное Каспійское море; Эратосѳенъ (III в.), открывшій Волгу и повернувшій на должное мѣсто Каспійское море сравнительно съ Геродотомъ, у котораго оно тянется съ Запада на Востокъ; Страбонъ (I в. по Р. Х.), проливомъ соединившій Каспій съ азіятскою частью Ледовитаго океана на основаніи ошибочныхъ представленій, введенныхъ въ обращеніе еще со времени Александра Македонскаго [1]), Помпоній Мела (I в по Р. Х.), хотя держащійся того же взгляда, но уже замѣнившій проливъ узкимъ и длиннымъ рукавомъ, „на подобіе рѣки"—longo freto, quasi fluvius [2])—и, наконецъ, Птолемей (II в.), съ именемъ котораго связаны дальнѣйшіе успѣхи географіи: онъ перестаетъ сближать Каспійскія воды съ Ледовитымъ океаномъ, признаетъ широкую равнину и въ нынѣшней Европейской Россіи, и въ среднеазіятскихъ степяхъ, и въ тундрахъ холодной Сибири, хотя подобно Геродоту, снова поворачиваетъ бокомъ ложе Каспійскаго моря.

Для полноты развитія географическихъ представленій древности, эту коллекцію лицъ можно было бы пополнить Дикеархомъ (III в. до Р. Х.), Гиппархомъ (II в. до Р. Х.), Поливіемъ (II в. до Р. Х.), Мариномъ Тирскимъ, которому много обязанъ Птолемей. Подходящій для этого матеріалъ даетъ частью атласъ Вивьенъ-де-Сен-Мартена, частью хотя бы такія старыя изданія какъ Gosselin [3]) или Брутъ [4]). Отсутствіе послѣдняго на Выставкѣ было тѣмъ замѣтнѣе, что до извѣстной степени, онъ служитъ показаніемъ развитія и отечественной картографіи.

Послѣднее слово въ области картографической Древній міръ сказалъ такъ-называемою Пеутингеровою картою. Длинная лента ея была выставлена въ экземплярѣ, принадлежащемъ Д. Н. Анучину (№ 413). Хотя въ такомъ видѣ и облегчалось знакомство съ ней, но было бы, можетъ быть, еще пріятнѣе имѣть на выставкѣ подъ рукою прекрас-

---

что Черное море Гомеръ не только зналъ, но зналъ даже лучше Средиземнаго моря. Смотри его Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenchaften beantwortet Stpg. 1872.,—именно статью: „Wo ist der Schauplatz der Fahrten des Odysseus zu finden". Срав. Запис. Одесск. Общ. Истор. Древн., X, 512.

[1]) Vivien de Saint Martin, Histoire de la géographie (P. 1873.), стр. 174.

[2]) Ibidem.

[3]) Recherches sur la géographie systematique et positive des anciens. A Paris, an VI (de la république).

[4]) Атласъ древняго свѣта, состоящій изъ 23 картъ съ объяснительными таблицами. Спб. 1831.

ное изданіе Конрада Маннерта [1]). Пеутингерова карта, какъ и всѣ ей предшествовавшія, разумѣется, ничего еще не знаетъ о Россіи; узкой дорожкой тянется на ней Понтъ Эвксинскій; въ прилегающихъ къ нему Roxolani Sarmatae, Taurica, Nervani, Caucasi она предоставляетъ читателю лишь угадывать мѣстность будущей Россіи.

Съ VI в. стала распространяться система Козьмы Индикоплова, изображавшая землю четыреугольною плоскостью, ограниченною кристальными стѣнами, вверху сходящимися въ небесный сводъ. Хотя міровѣдѣніе Козьмы сложилось и не на русской почвѣ, о Россіи ничего не говоритъ, но оно нашло широкое примѣненіе въ древней Руси и пользовалось большимъ авторитетомъ. На Выставкѣ было дано изображеніе земли по представленію Индикоплова (№ 412, g. Геогр. Каб.) и его „Христіанская Топографія" въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности (№ 425 a. Ануч.). Долгое господство воззрѣній Индикоплова показываетъ, какъ медленно распространялись географическія знанія въ народной массѣ. Проходили вѣка, а движенія впередъ почти не замѣтно. Возьмемъ для примѣра хоть бы эту безобразную лубочную картину земнаго круга, какъ онъ представлялся еще до послѣдняго времени темной толпѣ: „Книга глаголемая космографія переведена бысть сримскаго языка внеи описаны государства и земли и знатные острова и вкоторои части живутъ какія люди и веры ихъ и нравы и что вкоторои земле родится и о томъ значетъ въ сочиненномъ окруже семъ:" [2]) царитъ еще система Гомера въ формѣ „море окіяна", опоясывающаго сушу; внутри его тянутся руковобразныя полосы, кой гдѣ переходящія въ болѣ широкія и еще болѣе безформенныя,—онѣ должны изображать различныя моря. На „берегахъ" и внутри полосъ помѣщены изображенія зданій, все остальное пространство сплошь усѣяно печатнымъ текстомъ,—названіями территорій съ ихъ характеристикой. Центръ карты занимаютъ моря Азовское, Черное и Константинополь. Изображеніе Москвы отняло всего больше мѣста; далѣе тянется Новгородъ, а еще далѣе—показанъ Петербургъ. Этотъ послѣдній, конечно, отнюдь не противорѣчитъ тому, что настоящая карта, хотя и получила свою окончательную форму въ позднѣйшую пору, но сама по себѣ сложилась на почвѣ представленій еще до-Петровскаго времени. Нечего и говорить,

---

[1]) Tabula itineraria Peutingeriana, primum aeri incisa et edita a Franc-Christoph. dé Scheyb MDCCLHI Denuo cum codice Vindoboni collata, emendata et nova Conradi Mannerti introductione instructa studio et opera Academiae literarum regiae Monacensis Lipsiae. MDCCCXXIV.

[2]) № 416 И. Е. Забѣлина. Другой экземпляръ выставленъ Рязанской Архивною Коммисіею, изд. 1831 г.—отличается лишь меньшимъ количествомъ красокъ да ничтожными варіантами текста.

что съ распространеніемъ за послѣднія 30 лѣтъ народныхъ школъ, подобнымъ произведеніямъ скоро будетъ окончательно подписанъ смертельный приговоръ.

Средніе вѣка вообще мало подвинули картографію, и нынѣшняя выставка знакомила насъ съ этимъ временемъ по изданіямъ путешественника Даніила Паломника, Марко Поло, Плано Карпини, Асцелина, Аѳанасія Никитина, по картамъ Эдризи XII в. (№ 412, 12. Г. К.), Эбсторфовой XIII в. (№ 435. Г. К.), такъ называемой Каталанской 1375 г. (№ 414), Фра Мауро 1459 г. (№ 415, чертк. б—ка Ист. Муз.) и океанической стороной глобуса Мартина Бехайма 1492 г. (№ 417. Г. К.). Эдризи черпалъ свой матеріалъ въ сферѣ торговыхъ сношеній образованнаго Востока съ далекими полуварварскими странами Сѣвера. Не только онъ, но даже Аль-Истахри и Ибн-Хаукаль отмѣчаютъ на своихъ картахъ „Рус", „Русія", „Булгаръ" и, разумѣется, Волгу. Они цѣлой головой выше какой-нибудь Англосаксонской карты X в., на которой кабалистическія имена Гога и Магога находятъ себѣ мѣсто одновременно у Каспійскаго моря и у Сѣвернаго океана.

Для насъ Каталанская карта любопытна обозначеніемъ торговаго караваннаго пути изъ Таны, на устьяхъ Дона, черезъ южную Россію и Среднюю Азію въ Китай, виньетками съ объяснительными надписями и вмѣстѣ съ тѣмъ очень смутнымъ представленіемъ о самой странѣ. Фра Мауро, оригиналъ котораго украшаетъ одну изъ залъ венеціанскаго дворца дожей, ориентированъ гораздо полнѣе. Это едва ли не первая карта, гдѣ, хотя и безъ малѣйшаго соблюденія масштаба, намѣчено взаимное расположеніе главнѣйшихъ областей: Rossia kossa, R. Nigra, R. Biancha, Eituania, Permia, Sibir. Еще С. А. Соболевскій, замѣтившій, что португальскіе короли имѣли современный дубликатъ этой карты и помогали работамъ Фра-Мауро, обратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на отсутствіе у него усвоеннаго тогда въ з. Европѣ для Россіи названія *Moscovia*. „Но откуда, спрашиваетъ онъ, португальцамъ второй половины XV вѣка. знать такъ подробно, такъ вѣрно и такъ много о Россіи и нигдѣ не называть ее тогдашнимъ европейскимъ именемъ Moscovia" [1])! Мартынъ Бегаймъ стоитъ непосредственно передъ открытіемъ Колумба, и его глобусъ интересенъ не столько съ точки зрѣнія развитія географіи русской, сколько всеобщей.

Говоря о предметахъ, представленныхъ на выставкѣ, быть можетъ, умѣстно будетъ вспомнить о каталогѣ разныхъ актовъ, выве-

[1]) Древнѣйшая карта Россіи. Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи IV, протоколы, 59—60.

зенныхъ въ сороковыхъ годахъ покойнымъ архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ съ Аѳонской горы. Каталогъ этотъ былъ имъ напечатанъ въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ картъ Россіи, снятыхъ имъ съ картъ одной рукописи Ватопедскаго монастыря [1]). По почерку начертаній архимандритъ Порфирій относилъ ихъ къ XIII вѣку. Одна изъ картъ изображаетъ западную Россію до Дона, другая—ея восточные предѣлы до устьевъ Волги и истоковъ Камы. Оріентированныя на манеръ современныхъ, эти греческія карты, хотя и измѣряютъ разстоянія градусами, но чрезвычайно сбивчиво. Пространство между Чернымъ и Балтійскимъ морями—сплющено; истинное направленіе Волги надо угадывать; всѣ рѣки обязательно вытекаютъ изъ горъ. Въ именахъ и названіяхъ племенъ, ясны еще классическіе отзвуки: будины, амодоки, роксоланы, танаиты, гипербореи, сарматы, Борисѳенъ и т. п. Составитель лучше всего знаетъ побережье Чернаго моря, куда онъ направляетъ десятка полтора рѣкъ; довольно правильно указываетъ восточный изгибъ Дона, на форму Азовскаго моря; Каму обозначаетъ однимъ названіемъ съ Волгою—*Ра*, а Кавказскія горы тянетъ на Востокъ, съ нѣкоторымъ даже заворотомъ къ Сѣверо-Востоку, и тѣмъ болѣе слабъ въ очертаніяхъ Балтійскаго побережья и впадающихъ въ него рѣкъ.

Не знаю, было ли отмѣчено въ печатной литературѣ почти полное тождество этихъ двухъ картъ съ двумя подобными же въ рѣдчайшемъ изданіи Берлингьери (около 1478—1480 гг.) [2]). Стоитъ бросить взглядъ на оба изданія, чтобъ признать ихъ сходство. Если Берлингьери нѣсколько отступаетъ въ изгибахъ Волги, давая ей болѣе правильное очертаніе, снабжая Крымскій полуостровъ, въ греческой картѣ совершенно пустой, сѣтью городовъ, за то во всемъ остальномъ онъ слѣдуетъ своему прототипу. Разумѣется, греческія имена замѣнены латинскими, но и у Берлингьери мы встрѣчаемъ тѣхъ же голиндовъ омброновъ, гиѳоновъ, языговъ и т. п.

Вполнѣ достойна вниманія карта земного круга, найденная въ Эбсторфскомъ монастырѣ (въ Ганноверѣ) и изданная facsimile въ прошломъ году Зоммербродтомъ [3]). Состоитъ она изъ тридцати пергаментныхъ

---

[1]) 1877, №№ 7 и 8.

[2]) Geografia di Francesco Berlinghieri Fiorentino, in terza rima et lingua toscana distincta con le sue tavole in varii siti et provincie, secondo la geografia et distinctione delle tavole di Ptolomeo. Cum gratia et privilegio. Impesso in Firenze per Nicolo Todescho et emendato con somma diligentia dello auctore.

[3]) Die Ebstorfer Weltkarte im Auftrage des historisch. Vereins für Niedersachsen... herausgegeben von Ernst Sommerbrodt. Hierbei ein Altas von 25 Tafeln in Lichtdruck. Hannover. Hahn'sche Buchhandlung. 1891.

листовъ, оріентированныхъ съ Востока (т.-е. Востокъ вверху карты, Югъ справа и т. д.); въ центрѣ помѣщенъ Іерусалимъ; вся площадь испещрена рисунками людей, животныхъ, зданій и многочисленными надписями на латинскомъ языкѣ. Издатель отказывается точно опредѣлить время составленія названной карты; но, основываясь на обозначеніи города Риги, не признаетъ ее древнѣе половины XIII столѣтія. Вотъ наиболѣе интересныя части карты, касающіяся Россіи.

По прямой линіи отъ центра — Іерусалима — почти у самаго Сѣвера помѣченъ Tanais fluvius, съ обозначеніемъ, что Tanais fuit rex Scytharum a quo Tanais vocatur, qui dirimit Europam ab Asia inter duas mundi partes medius. Нѣсколько правѣе: Hic olim Avares id est Huni habitaverunt. За жертвенниками Александра Македонскаго идетъ Scytia inferior. Далѣе видимъ: Olchis fluvius qui (Волховъ?) Wolkans (Волга?), Novgard civitas, Riga Livoniae civitas hic, Duna fluvius, Kiwen civitas, Rucia regio и между ними изображеніе двухъ животныхъ: *elles* и *urus*; наконецъ, Smalentike и Plosceke civitas (Tafel 5).

Торговля итальянцевъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ оставили также свои слѣды въ исторіи землевѣдѣнія. Очень цѣнна генуэзская карта земного круга, воспроизведеніе коей можно найти у Вутке или Лелевеля (Geographie du moyen âge [1]). Уступая Фра-Моуро въ величинѣ, она сходна съ нимъ по содержанію. Предѣлы Россіи лучше всего, разумѣется, извѣстны составителю въ южной ея половинѣ. Въ Черное море вливаются двѣ рѣки: Днѣстръ и Днѣпръ, послѣдній, кромѣ того, другимъ рукавомъ въ море Азовское; туда же направляетъ свой бѣгъ и Донъ, очерченный вообще довольно правильно. Къ Дону подходитъ Волга, прежде чѣмъ окончательно разойтись съ нимъ въ разныя стороны. Интересно изображеніе хана Золотой орды, съ чистымъ монгольскимъ типомъ (его зовутъ Lordo rex) и кибитокъ, въ которыхъ живетъ самъ онъ и его подданные [2]).

---

[1]) Ее и картъ арх. Порфирія я не нашелъ на Географической выставкѣ.

[2]) Описаніе карты 1447 г. у Fischer, Sammlung Mittelalterlicher Welt- und Seekarten italienischen Ursprungs. Venedig. MDCCCLXXXVI, стр. 155, 174 слѣд. Укажемъ еще на статью Ф. Бруна: Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV стол., въ Запискахъ Новор. ун-та (т. IX, 1873), гдѣ приложена „часть большой карты Франциска и Доминика Пицигани 1367 года, снятая съ ея facsimile у Jomard, „Les monuments de la Géographie № X, 3“. Не мало интереснаго историко-географическаго матеріала о Россіи, правда, за время, выходящее за предѣлы среднихъ вѣковъ, въ книгѣ G. Berchet „La repubblica di Venezia e la Persia“. Torino. 1865.

II.

Открытіе Америки служитъ рѣзкимъ рубежемъ въ исторіи картографіи. Выступаютъ имена Себастіана Мюнстера, Ортеліуса, Герарда Меркатора, вокругъ которыхъ группируется цѣлый рядъ другихъ, второстепенныхъ; издаются атласы подъ именемъ „Птолемеевъ", великолѣпный экземпляръ котораго, въ изданіи 1513 г., раскрашенный и прекрасно сохранившійся, выставила Императорская Публичная Библіотека (№ 408a). Въ отдѣлѣ, занятомъ Географическимъ Кабинетомъ Московскаго университета, интересующіеся могутъ перелистовать не только Космографію Себастіана Мюнстера, изд. 1598 года (№ 426 Ануч.), но и „Книгу, глаголемую Космографія, сирѣчь описаніе сего свѣта земель и государствъ великихъ", 1670, въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1878—1881 (№ 427 Ануч.), книгу, которая, по изслѣдованію г. Чарыкова, въ значительной степени заимствована изъ Меркатора [1]). Тутъ же и карта Россіи съ прилегающими странами Меркатора (№ 431 Г. К.) [2]) и другія его же (№ 436 б-ка М. Ун.). Въ томъ же отдѣлѣ посѣтителю дана возможность любоваться прекрасною геліогравюрою изъ атласа Вивьенъ де сенъ Мартена,—картой земли Ортеліуса, 1587 г. (№ 421). Въ изображеніи русской территоріи Ортеліусъ опирается, главнымъ образомъ, на тѣ новыя свѣдѣнія, которыя принесли съ собой торговыя сношенія голландцевъ и англичанъ съ Московіею: его Typus orbis terrarum обозначаетъ Пинегу, Соловки, монастырь св. Николая (на устьѣ С. Двины), Устюгъ, Новгородъ, Москву, Азовъ—и только. Правда, есть еще Вышгородъ-на-Днѣпрѣ, долженствовавшій обозначать Кіевъ; но уже само это смѣшеніе на ряду сравнительно съ ничтожной Пинегою ярко указываетъ, откуда черпалъ составитель свой матеріалъ.

Но еще раньше Ортеліуса въ Западную Европу проникаютъ свѣдѣнія о Россіи черезъ Герберштейна, Павла Іовія и Вида. Общеизвѣстность Герберштейновской Moscovia позволяетъ мнѣ не останавливаться на ней; но о картѣ Іовія или, если угодно, Баттисты Аньезе, 1525 года, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Она прежде всего интересна своимъ происхожденіемъ. Баттиста Аньезе, родомъ генуэзецъ, извѣстенъ своимъ собраніемъ географическихъ картъ [3]),

---

[1]) Сравн. также Попова, Обзоръ хронографовъ, 189—193.

[2]) Другой экземпляръ въ витринѣ Имп. Публ. Библ. (№ 408h).

[3]) Изд. 1550 г. Экземпляръ на выставкѣ за № 445 отъ Главнаго Гидрогр. Упр. Морск. Минист.

недавно переизданныхъ facsimile венеціанскимъ книгопродавцемъ Онганья [1]). Въ ихъ числѣ находится карта Россіи съ такимъ заголовкомъ: „Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descrypta sicut ipse a pluribus accepit, cum totam provinciam minime peragrasse fateatur anno MDXXV octobris“ [2]). Миховъ въ своемъ изслѣдованіи: Die ältesten Karten von Russland [3]) очень убѣдительно доказываетъ, что въ названномъ Димитріи надо признать Димитрія Герасимова, посла великаго князя Василія III. Онъ былъ въ Римѣ въ іюнѣ—іюлѣ 1525 г. и передалъ Павлу Іовію тѣ свѣдѣнія, что вошли въ его книгу о Россіи; нынѣ оказывается, что Герасимовъ снабдилъ Павла Іовія не только литературнымъ, но и картографическимъ матеріаломъ. Правда, никакой карты при сочиненіи Іовія не отыскано, но еще Аделунгъ высказалъ мнѣніе, что она, *безъ сомнѣнія*, находилась при первомъ изданіи Legatio Basilii Magni ad Clementem VII (Basileae 1557), ибо Іовій въ самомъ началѣ своего сочиненія говоритъ: Regionis situs pressa brevitate describetur et in tabula typis excusa figurabitur“ [4]). Миховъ замѣчаетъ по этому поводу: нѣтъ ничего удивительнаго, что карта осталась не напечатанною, ибо въ ту пору гравированіе на деревѣ было еще мало распространено, такъ что даже опытный художникъ не могъ быстро оканчивать своихъ работъ [5]). Русское происхожденіе карты, дѣйствительно, выдаетъ себя нѣкоторыми деталями, на которыя иностранецъ, можетъ быть, самъ и не обратилъ бы въ ту пору вниманія. Такъ онъ обозначаетъ рѣки Пселъ, Орелъ, Ворсклу, гор. Одоевъ; если направленіе рѣкъ и оставляетъ желать лучшаго, то общій характеръ ихъ вполнѣ вѣренъ, равно какъ обозначены и всѣ крупныя поселенія: Москва, Рязань, Клязьма, Ярославль, Угличъ, Новгородъ, Бѣлоозеро и т. д. Цѣнность карты Баттиста Аньезе увеличивается въ нашихъ глазахъ еще болѣе, когда мы вспомнимъ, это года за три до нея, возможно было появленіе въ Страсбургѣ карты, на которой Москва была показана почти подъ 80° сѣверной широты, немного восточнѣе того пункта, гдѣ Гренландія сходится съ Скандинавіей, а для избѣжанія сомнѣнія на мѣстѣ соединенія проставлено: Hic dominatur magnus princeps et imperator Russiae, Moscoviae, Podoliae ac Plescoviae rex [6]).

---

[1]) Facsimile delle carte nautiche di Battista Agnese, illustrate da Tebaldi Fischer. Venezia. Ferd. Ongania. 1881.

[2]) Оригиналъ этой карты въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи.

[3]) Hamburg. 1884.

[4]) Аделунгъ, О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи. Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 4, стр. 22.

[5]) Michow, Die ältesten Karten von Russland, 20—35.

[6]) Baer, Peter's des Grossen Verdienste, 246. Впрочемъ на той же самой картѣ Аделунгъ нашелъ эту Moscoviam пятью градусами южнѣе (О древн.

Карта Россіи Антона Вида 1555 г.—хотя о ней и упоминаютъ уже Герберштейнъ, Ортеліусъ, Витзенъ—считалась потерянною и ускользала отъ вниманія географовъ, пока Миховъ совершенно случайно не нашелъ ее въ одномъ изъ экземпляровъ Theatrum orbis terrarum, Ортеліуса. Сравненіе ея съ картою Себастьяна Мюнстера 1544 г. [1]) доказываетъ, что послѣдняя есть не болѣе, какъ уменьшенная, плохая и не полная копія Вида; а между тѣмъ она была „первая намъ извѣстная настоящая карта Россіи“ [2])... Кажущееся противорѣчіе между годами ихъ появленія Миховъ устраняетъ, относя карту Вида къ 1537—1544 годамъ. Отсылаемъ интересующихся за доказательствами къ самому автору [3]). Сравнительно съ Баттиста Аньезе, Видъ ушелъ значительно впередъ; что же касается до Герберштейна, то хотя Видъ собиралъ свои свѣдѣнія и позже его, но—представляю, впрочемъ, рѣшить этотъ вопросъ спеціалистамъ—лично мнѣ кажется, что знаменитый авторъ „Записокъ о Московіи“ имѣетъ полное право на преимущество: очертанія морскихъ береговъ, теченіе рѣкъ и т. п. на его картѣ соразмѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ у Вида.

Неудобство, представляемое разбросанностью всѣхъ этихъ старыхъ картъ и плановъ въ послѣднее время значительно уменьшено изданіемъ Норденшельда, которое несомнѣнно окажетъ существенную услугу наукѣ: его Facsimile-Atlas [4]) состоитъ изъ текста, обильно иллюстрированнаго (84 карточками) и 51 листомъ снимковъ съ древнихъ картъ и атласовъ. Текстъ знакомитъ съ ходомъ развитія географическихъ знаній въ XV и XVI вв., а самый атласъ воспроизводитъ отрывки изъ „Птолемеевъ“ разныхъ годовъ и чуть ли не всѣхъ картографовъ указаннаго періода. Для Россіи мы находимъ карты Солина (1588), С. Мюнстера (1544), Герберштейна (1549), Гастальди (1568) и Герарда Меркатора (1595).

Но для насъ, русскихъ, быть можетъ, еще важнѣе другой трудъ знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ, только что выпущенный имъ въ свѣтъ. Я говорю о его „Samling af Gamla

---

иност. картахъ Россіи· Жур. Мин. Н. Пр. 1840, № 4, стр. 19). См. названную карту у Nordenskiöld Facsimile-Aatlas to the early history of cartography.

[1]) Карты Аньезе 1525, Вида 1555 и Мюнстера 1544 изъ сочиненій Михова см. на выставкѣ за № 429 (Апуч.).

[2]) Аделунгъ, О древнихъ картахъ Россіи. Жур. Мин. Нар. Пр., 1840, № 4, стр. 19.

[3]) Michow, S. 12 слѣд.

[4]) A. F. Nordenskiöld, Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. Translated from the swedish original by I. A. Ekelöf and C. R. Markham. Stockholm. MDCCCLXXXXIX in folio.

Kartor öfver Ruska Riket. 1892." Это собственно одинъ атласъ безъ объяснительнаго текста (хотя и съ оглавленіемъ) изъ 126 (преимущественно) фотолитографій и цинкотипій. Нѣкоторыя изъ нихъ—снимки съ рѣдчайшихъ оригиналовъ. Все собраніе раздѣлено на шесть отдѣловъ. Въ первомъ 14 картъ съ изображеніемъ „земного шара" до открытія Америки. Во второмъ подобныя же 32 карты—за время послѣ Колумба. Третій отдѣлъ посвященъ глобусамъ (числомъ 13). Четвертый отдѣлъ—изъ 33 картъ—міръ Скандинавскій по преимущество. Для Россіи здѣсь очень важны фотографіи Olaus Magnus'a 1539 года. По изяществу и отчетливости эта репродукція много выше соотвѣтственныхъ картъ, помѣщенныхъ въ „Facsimile-Atlas" того же Норденшельда. Пятый отдѣлъ изъ 26 картъ—Россія до 1600 г." („Russland före 1600"). Собственно къ Россіи здѣсь относится нѣсколько листовъ изъ атласа „Птолемея" римскаго изданія 1490 г., Солинусъ Мюнстеръ, Гельберштейнъ, Гастальди и Пограбій. Особенно хороши фотолитографіи Гастальди. Въ шестомъ отдѣлѣ—„Россія послѣ 1600 г. („Ryssland efter 1600") всего 8 картъ, изъ коихъ отмѣтимъ Исаака Массу (1612), Петра Годунова (1668) и Витусъ Беринга. Послѣдняя есть результатъ его путешествія отъ Тобольска до Восточнаго берега Сибири,—фотолитографія съ оригинала королевской стокгольской библіотеки [1]) на трехъ листахъ, составляющихъ одно цѣлое. Содержаніе ихъ охватываетъ всю Сибирь отъ Тобольска до Великаго Океана; надписи на картѣ русскія. Приводимъ дословный текстъ заголовка: „Сиѧ карта сочїнїся всїбїрской Э҂педїцїї прї камандѣ от ѳлота капїтана Берїнга от Табольска до Чукоцкаго угла". Сверхъ того помѣщена жанровая картинка съ изображеніемъ быта остяковъ и нѣсколько типическихъ фигуръ.

III.

Начало самостоятельныхъ русскихъ работъ по картографіи исчезло безслѣдно; но несомнѣнно, что въ XVI вѣкѣ таковыя уже существовали. Если не карты, то путевой дорожникъ видѣлъ (или покрайней мѣрѣ пользовался имъ изъ вторыхъ рукъ) Герберштейнъ, описывая путь въ Печору, Югру и къ р. Оби. Въ царствованіе послѣдняго Рюриковича была составлена маршрутная карта, такъ называемый „Большой Чертежъ" съ объяснительнымъ текстомъ,—„книгою". Время отъ времени его исправляли и пополняли; въ 1626 г. за ветхостью экзем-

[1]) Vitus Bering Karta öfver hans första expeditiou från Tobolsk till Asiens ostspets. 1730. Orig. i K. Bibliotek i Stockholm (№ 442 T. K.)

пляра ведѣно было сдѣлать новый Чертежъ „примѣряся къ тому старому". Новая копія, опять сообразно старому оригиналу, была снята въ 1671 г.; есть указанія на то, что чертежъ передѣлывали и въ 1680 г.; но куда дѣвались всѣ эти экземпляры—до сихъ поръ опредѣлить не удалось. На память о картѣ до насъ дошелъ лишь объяснительный къ ней текстъ въ нѣсколькихъ спискахъ съ помѣтами разныхъ годовъ (самая послѣдняя 1682). Приходилось такимъ образомъ довольствоваться однимъ имъ. Текстъ издавался четыре раза: въ 1872 г. Новиковымъ подъ названіемъ „Древней Россійской Идрографіи", въ 1792 г.—подъ именемъ „Книги большому чертежу", въ 1838 г. Языковымъ и въ 1846 г.—Спасскимъ подъ тѣми же наименованіями. Послѣднее изданіе считается лучшимъ [1]). Потеря нелегкой работы русскихъ географовъ XVI в. тѣмъ болѣе заставляетъ насъ цѣнить изданіе, основанное на нихъ. Такою является карта Россіи, изданная въ 1614 г. Гесселемъ Герардомъ. Она ушла на столько далеко впередъ отъ своимъ заграничныхъ собратій XVI в., сообщаетъ такъ много точныхъ и правильныхъ свѣдѣній о Россіи, что даетъ нѣкоторымъ поводъ утверждать, что она составлялась на основаніи не летучаго, случайнаго матеріала, а положила въ основу оффиціальныя данныя „Большаго Чертежа" [2]).

Военно-учебный Комитетъ Главнаго Штаба выставилъ прекрасный раскрашенный экземпляръ Герардовой карты перваго изданія. Карта охватываетъ предѣлы тогдашней Россіи отъ Карпатъ до р. Урала, отъ Балтійскаго моря до Восточной Сибири (Енисей), отъ моря Бѣлаго до Кавказа. Какъ видно изъ надписи въ нижнемъ лѣвомъ углу, Гессель руководился показаніями экземпляра царя Ѳедора Борисовича [3]). Карта снабжена планомъ Москвы, видомъ Архангельска и тремя мужскими фигурами въ костюмахъ.

Аделунгъ говоритъ, что карта Герарда была сначала отпечатана въ первой части Атласа Blaeuw'a и вскорѣ, въ нѣсколько мень-

---

[1]) Д. Прозоровскій. О размѣрахъ большаго Чертежа, стр. 1—2, 11. Стебницкій. Первая извѣстная оригинальная русская карта Европейской Россіи. Извѣстія русс. Геогр. Общ. т. XXV, (1889), вып. I. Ср. работы Е. К. Огородникова въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. X (1876) и Запискахъ того же общества по отдѣленію Этнографіи, II, VII, IX.

[2]) Стебницкій 106. К. Бэръ даже прямо говоритъ, что Гессель Герардъ имѣлъ въ рукахъ копію Большаго Чертежа. Peter's des Grossen Verdienste, 157. Сравн. 244—245.

[3]) Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris desumta; et ad fluvios Dwinam, Zuchonam, aliaque loca quantum ex tabulis et notitiis ad nos delatis fieri potuit amplificata: ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michaeli Foedrowits, omnium Russorum Autocratori... etc. dedicata ab Hesselo Gerardo M. D.C. XIII.

шемъ объемѣ, при сочиненіи Les Estats, Empires, Royaumes [1]). Рядомъ съ изданіемъ 1614 г. выставлена и новѣйшая ея репродукція—фотогравюра, изданная г. Стебницкимъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества [2]). Императорская Публичная Библіотека также выставила экземпляръ латинскаго изд. 1614, но не раскрашенный (№ 408, е.). Не одинъ простой интересъ, но и серьезное значеніе при вопросѣ о происхожденіи и судьбѣ „Большаго Чертежа" пріобрѣтаетъ карта Россіи, выставленная Главнымъ Инженернымъ Управленіемъ (№ 54). Повидимому это тотъ же Гессель Герардъ, но въ сильно измѣненномъ видѣ. При картѣ на отдѣльномъ листочкѣ печатное объявленіе, гласящее: „Предлагаемая здѣсь карта древней Россіи сдѣлана была по повелѣнію царя Бориса Годунова; выгравирована же и поднесена царю Михаилу Федоровичу въ 1614 году. Извѣстный любитель и знатокъ отечественныхъ древностей, графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, въ 1782 году пріобрѣлъ оригиналъ ея въ Москвѣ наклееннымъ на лубкѣ ветхомъ и драгоцѣнность сію поднесъ государынѣ импер. Екатеринѣ II-й. При составленіи депо картъ, покойнымъ импер. Павломъ I-мъ и сія карта поступила въ депо для храненія. Находя, что сѣверная часть Россіи гораздо въ ней подробнѣе, чѣмъ въ главномъ атласѣ, я предпринялъ сдѣлать и выгравировать самый вѣрный съ нея съемокъ, который при семъ и представляю для удовлетворенія, любопытства любителей отечественной древности. П. Дейріардъ" [3]).

Всѣ названія и надписи въ изданіи Дейріарда на русскомъ языкѣ; оригиналъ его, надо думать, появился уже послѣ 1614 г., что, полагаемъ, ясно будетъ изъ указанія нижеслѣдующихъ, довольно существенныхъ отличій его отъ латинскаго изданія, показывающихъ, что копіистъ далеко не всегда рабски слѣдовалъ своему оригиналу:

1) Вмѣсто текста „Thomas Makovius и пр." и инсигній надъ „Tabula Russiae", занимающихъ середину лѣваго края—русскій [4]), граверъ помѣстилъ четыре мужскихъ фигуры съ подписью: „Одѣяніе Россіянъ"; крайній правый мужчина держитъ въ рукахъ щитъ съ

---

[1]) О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года. Жур. Мин. Нар. Пр. 2840, 4, стр. 75. Stuckenberg. Versuch eines Quellenanzeigers I, 14: у Блева и въ атласѣ d'Avity.

[2]) Стебницкій, loco citato.

[3]) Полковникъ Deiriard въ 1823 г. издалъ въ Петераургѣ Археологическій атласъ Европейской Россіи, сочиненный гр. Потоцкимъ (Аделунгъ, о Древн. Иностр. картахъ Россіи до 1700 года. Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 4, стр. 5).

[4]) Понимай: тотъ, кто готовитъ карту съ подписями на русскомъ языкѣ.

изображеніемъ русскаго государственнаго герба, украшенный царской короною.

2) Вмѣсто трехъ фигуръ и вида Архангельска, занимающихъ на латинской картѣ правую сторону—въ русскомъ изданіи пять видовъ: „Иванъ-городъ", „городъ Архангельскъ" (правда, тотъ же видъ, но съ измѣненіемъ взаимнаго расположенія судовъ, плавающихъ по рѣкѣ), „городъ Кремль", „Русскія избы" и „Русская мельница".

3) Планъ города Москвы взятъ въ меньшемъ объемѣ, за то объяснительный къ нему текстъ обстоятельнѣе.

4) По Черному и Каспійскому морямъ разбросано нѣсколько кораблей.

5) Внизу карты: „Гавріилъ Успенскій въ Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ (Харьковъ. 1818, стр. 596) пишетъ: Царь Борисъ Ѳеодоровичъ, по великой ревности къ народному просвѣщенію, приглашая въ службу свою Англиканскаго математика Джона Дее (1607), предлагалъ ему болѣе 10000 руб. въ годъ жалованья и его попеченію одолжены мы первою Россійскаго государства картою, хотя она обнародована не прежде, какъ въ правленіе царя Михаила Ѳеодоровича. На подлинной картѣ, изданной на латинскомъ языкѣ, названіе мѣстъ подписаны весьма неправильно, почему оныя по другимъ старымъ картамъ повѣрены, а границы Россіи нанесены по мирнымъ трактатамъ Г. М. А. Х.". Дѣйствительно, границы существенно не тѣ: Пруссія не соприкасается съ устьемъ Вислы; къ Швеціи отнесена и Ингрія; Польша съ Литвою слиты; Подолія введена въ предѣлы польскаго государства, такъ что границею послѣдняго съ Турціей является Днѣстръ, а не Бугъ; Астраханская степь къ западу отъ устьевъ Волги введена въ предѣлы Русскаго государства; Черниговъ и Смоленскъ показаны польскими городами. Послѣднее возможно было сдѣлать лишь послѣ заключенія Столбовскаго мира, т.-е. 1618 г. Не даромъ латинскій издатель, посвящая карту Михаилу Ѳеодоровичу въ 1614 г., т.-е. въ самый разгаръ борьбы между Владиславомъ и новымъ русскимъ царемъ, очень дипломатично отнесъ эти города въ русскіе предѣлы, хотя фактически они уже давно принадлежали враждебной сторонѣ.

6) Особенностью русскаго изданія являются еще изображенія нѣкоторыхъ животныхъ, присущихъ той мѣстности, гдѣ они помѣчены.

7) Въ верхней части русской карты, подъ „Мурманскимъ моремъ", читаемъ: „Въ сей странѣ находится Новая земля; здѣсь сильнымъ льдомъ разломало у Голландцевъ корабль на высотѣ 76 град. 3 августа 1596 г. Почему они тамъ же, построивъ себѣ домъ, прожили въ оном даже до 1-го числа іюня 1597 года, не видя солнечнаго свѣта чрезъ два мѣсяца и двадцать дней, и оттуда выѣхавъ двумя

шлюпками, возвратились въ Колу, въ Лапландіи, отстоящую отъ того мѣста 350 верстъ".

8) Рядомъ правѣе: „Проливъ Вейгатской и сѣверной мысъ Новой земли Голландцами осмотрѣнной въ 1594, 95 и 96 годахъ. Они думали отъ туда найти проходъ въ Калтайскіе стороны и Китай, но безмѣрный ледъ принудилъ ихъ возвратиться безъ успѣху".

9) Наконецъ, въ сѣверо-восточномъ углу Каспійскаго моря читаемъ: „Благосклонный Зритель! Хотя сія наша карта въ разсужденіи длины различествуетъ отъ первой нашей карты Швеціи между городами Донцихомъ и Архангельскомъ, однако обѣ оныя, въ честь ихъ сочинителей, принять и имъ послѣдовать за благо мнѣ разсудилось".

Не столько разъясненій, сколько новыхъ запросовъ вызываетъ Герардовская карта въ изданіи, выставленномъ Морскимъ Министерствомъ (№ 311). Это собственно фототипія съ экземпляра, сдѣланнаго отъ руки и снятаго съ только—что описаннаго русскаго изданія,—но опять же съ нѣкоторыми отличіями отъ послѣдняго,—а именно: 1) въ изданіи Дейріарда заголовокъ: „карта Россіи по повелѣнію Ѳедора Борисовича начертанная.... и Михаилу Ѳеодоровичу.... посвященная Гесселемъ Герардомъ въ 1614 году" есть переводъ латинскаго оригинала, а здѣсь конецъ читается иначе: посвященная Николаемъ Ивановичемъ 1651 года". Очевидно, что годъ—если только онъ вѣренъ—долженъ обозначать не время посвященія—ибо въ 1651 г. Михаила Ѳеодоровича уже не было въ живыхъ—а скорѣе время окончательной редакціи. Послѣднее подтверждается даьнѣйшими отмѣнами этой карты. 2) Нѣкоторыя имена, поставленныя у Дейріарда, отсутствуютъ; напр., Епифань, Елецъ, хотя знаки, служащіе для ихъ обозначенія, намѣчены. 3) Границы показаны частью согласно съ русскимъ изданіемъ (Ингрія, Пруссія), частью съ латинскимъ (Подолія отдѣльно отъ Литвы и Польши). 4) Внизу читается: „чертилъ Г. Скіада. Подписывалъ Е. Худяковъ".—Во всемъ остальномъ экземпляръ Морского Министерства, перешедшій въ его руки отъ графа Литке, сходенъ съ изданіемъ Дейріарда.

Остается вопросъ: откуда и какимъ путемъ добылъ свои свѣдѣнія Гессель Герардъ, никогда не бывавшій въ Россіи? Хотя мы и видѣли, что нѣкоторые (Бэръ, Стебницкій) готовы признать за Гесселемъ непосредственное заимствованіе изъ Большого Чертежа, но едвали не правильнѣе признать, что съ русскимъ матеріаломъ онъ познакомился черезъ Исаака Массу. Послѣдній издалъ свою карту Россіи въ 1612 г. [1]), т.-е. за два года до Герарда. Если на послѣдней видятъ вліяніе Большого Чертежа, то вѣдь и въ картѣ голланд-

[1]) См. ее на Выставкѣ № 432 Г. К. и 408 f. и д. Имп. Пуб. Библ.

скаго путешественника отыскиваются подобные же слѣды. „Карта Массы, говоритъ О. В. Струве, имѣла тождественное происхожденіе съ государственною картой, извѣстной подъ названіемъ Большого Чертежа и впервые составленной, по мнѣнію Карамзина, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Большой Чертежъ болѣе не существуетъ и о происхожденіи его ничего вѣрнаго неизвѣстно; но по изданнымъ „книгамъ Большому чертежу", представляющимъ, такъ сказать, пояснительный текстъ къ этой картѣ, можно судить, что она была основана на тѣхъ же самыхъ свѣдѣніяхъ, которыя находимъ въ картахъ Массы. Сходство обѣихъ картъ въ особенности поразительно, если сравнить ихъ масштабы: они не только тождественны въ обѣихъ картахъ, но и одинаково измѣнены для сѣверныхъ и для южныхъ частей Имперіи. Съ другой стороны, изъ книги Большого Чертежа видно, что государственная карта распространялась также на нѣкоторыя части Азіи—именно на нынѣшній Туркестанъ—и содержала довольно подробныя для того времени свѣдѣнія о нихъ, между тѣмъ какъ карта Массы обнимаетъ одну европейскую Россію. Поэтому слѣдуетъ заключить, или что Масса лично участвовалъ въ составленіи Большого Чертежа, или же что онъ имѣлъ случай частію скопировать его, во время пребыванія своего въ Россіи" [1]). Ту же мысль еще раньше высказалъ К. Бэръ: „Sogar was vom Bolschoi Tscherteshi in publicirten Karten überging, ist nur durch einen Niederländer Isaak Massa, in seine Karte übertragen." [2])

Уже a priori, въ знакомствѣ Массы и Герарда съ Чертежомъ, естественѣе отдать предпочтеніе первому, какъ лично посѣтившему русскую страну. Вотъ, можетъ быть, почему Г. Ф. Миллеръ правъ, говоря: Vielleicht ist Isaac Massa der erste Urheber, und Hessel Gerard der zweite Herausgeber derselben (Tabulae Russiae 1614), der denn auch einige Verbesserungen darauf angebracht hat [3]). Гемель думаетъ, что „Герардъ включилъ въ нее существеннѣйшія части изъ карты Массы", что „первоначально на картѣ этой награвированъ былъ годъ MDCXIII, и что уже впослѣдствіи прибавлено четвертое I, вѣроятно потому, что ее не успѣли окончить въ 1613 году" [4]). Да и

---

[1]) Струве, объ услугахъ, оказанныхъ Петромъ Великимъ математической географіи Россіи. Запис. Акад. Наукъ. 1872 г. т. 21. кн. 1, стр. 6.

[2]) Peters der Gr. Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse, Seite 9.

[3]) Nachricht von Land-und See-Carten, die das Russische und die zunächst angränzenden Länder betreffen. Sammlung Russ. Geschichte. VI, 11.

[4]) Англичане въ Россіи. Статья вторая, въ Запис. Акад. Наукъ, т. XV, стр. 270, примѣч. Сравн. стр. 192—193, примѣч.

самъ Беръ въ другомъ мѣстѣ своего труда признаетъ сходство обоихъ географовъ [1]).

Вопросъ о взаимномъ отношеніи Гесселя Герарда, Массы и Большаго Чертежа ждетъ своего разрѣшенія, заслуживая вниманія спеціалистовъ, уже по одному тому, что Западная Европа въ сущности лишь съ этихъ поръ начала составлять себѣ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о нашей родинѣ. Повидимому, лучшія географическія силы XVI в., о которыхъ была рѣчь выше, еще не успѣли достаточно ознакомить съ собою образованную публику, разъ было возможно въ самомъ концѣ столѣтія появленіе такихъ изданій, какъ Opus geographicum Магинуса (1596, Венеція), гдѣ между прочимъ, „Финскій заливъ, начиная отъ Нарвы, принимаетъ направленіе отъ ЮВ. къ СЗ., и въ углу его отмѣченъ городъ Выборгъ подъ полярнымъ кругомъ, на широтѣ 67°. Рѣка Волга представлена еще въ непрерывной связи съ Ладожскимъ озеромъ. Онежскаго озера вовсе нѣтъ; за-то Азовское море, вдвое меньше Чернаго, начерченнаго вѣрно, имѣетъ протяженіе въ двѣ трети разстоянія между устьями Днѣпра и Нѣмана. Относительно Азіатской Россіи показанія карты еще баснословнѣе; тутъ все одна выдумка: море, показанное, примѣрно, на мѣстѣ Обьской губы, образуетъ уже часть Тихаго Океана, который лишь на широтѣ Пекина удаленъ нѣсколько болѣе на Востокъ“ [2]).

Къ царствованію же Михаила Ѳедоровича относится планъ осады русскими города Смоленска въ 1632 г., печатанный въ Варшавѣ 1634 г. (№ 82 Гл. Ин. Упр.). Это громадныхъ размѣровъ стѣнная гравюра, отчетливо изображающая отдѣльныя сцены осады, детали въ расположеніи и вооруженіи войскъ, характеръ мѣстности, даже направленіе выстрѣловъ изъ осадныхъ орудій. Будучи не столько планомъ, сколько картиной, настоящее изданіе особенно живо вводитъ зрителя въ обстановку изображаемыхъ событій. Инженерное Управленіе выставило и другой планъ осады Смоленска, „составленный (отъ руки) по историческимъ источникамъ“ (№ 83).

Борьба Россіи съ Польшею за предѣлы Литовско-Русскихъ земель нашла свое выраженіе въ другой картографической работѣ болѣе ранняго времени. Мы говоримъ о двухъ картахъ Пахоловича: осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ 1579 и Descriptio ducatus Polocensis за то же время. Онѣ не могутъ претендовать на сравненіе съ Варшавскимъ изданіемъ 1634 г., но вполнѣ заслуживаютъ вниманія русскаго историка. Станиславъ Пахоловичъ былъ секретаремъ коронной канцеляріи при королѣ польскомъ и, по словамъ Папроцкаго, „мастеръ

---

[1]) Peters des Grossen Verdienste, 245.

[2]) Струве, 3—4.

писать разными почерками"; онъ „удивительно хорошо рисовалъ города, крѣпости и провинціи". Въ 1580 году въ Римѣ Баттиста де-Кавалерисъ выгравировалъ на мѣди 7 плановъ крѣпостей (Полоцкъ, Туровль, Ситно, Козьянъ, Красное, Суша, Соколъ) и карту Полоцкаго княжества, по матеріаламъ Пахоловича. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія рѣдкій экземпляръ этого изданія находился въ рукахъ гр. Суходольскаго; онъ былъ тогда же описанъ въ статьѣ М. Коркунова [1]), приложившаго къ ней два снимка: карту княжества и планъ осады Полоцка. На Географической Выставкѣ этихъ картъ не было, но любопытствующіе могли ознакомиться съ воспроизведеніемъ ихъ въ Витебской Старинѣ Сапунова, т. I (№ 633). Впрочемъ, надо замѣтить, за послѣднее время является серьезная возможность оспаривать принадлежность этихъ картъ Пахоловичу [2]).

Обращаютъ на себя вниманіе три карты Польской Украйны между Днѣстромъ, верховьями лѣвыхъ притоковъ средняго Днѣпра и Чернымъ моремъ; онѣ современны русско-польской войнѣ въ эпоху Богдана Хмельницкаго (№ 67. Гл. Ин. Упр.). Каталогъ Выставки, называя ихъ „картами южныхъ областей Россіи, составленныхъ во время присоединенія Малороссіи къ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ", не объясняетъ, къ сожалѣнію, ихъ происхожденія. По всей справедливости ихъ родство позволительно и даже слѣдуетъ искать въ картахъ Украйны, составленныхъ Бопланомъ въ 1648—1660 гг. или въ современныхъ имъ подражаніяхъ [3]). Польскія надписи указываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ надо искать происхожденіе этой карты. Свѣдѣнія на ней очень подробныя и обстоятельныя; изображены шляги и т. п. Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть и раскрашенный планъ крѣпости Замостье 1687 г. съ латинскимъ текстомъ (№ 55. Гл. Ин. Упр.).

IV.

Время Петра В., давшее сильный толчекъ русской картографіи [4]), открывается знаменитою картою Сибири и европейскихъ владѣній

---

[1]) Карта военныхъ дѣйствій между русскими и поляками въ 1579 и тогдашній планъ города Полоцка и окрестныхъ крѣпостей. Ж. М. Н. Пр. 1837. № 8, стр. 235—249.

[2]) В. Г. Васильевскій въ предисловіи къ Запискамъ о Московской войнѣ. Спб. 1889, стр. XLIII—XLIV.

[3]) Перечень ихъ данъ Аделунгомъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 5, стр. 60—84.

[4]) Бэръ. Заслуги Петра В. по части распространенія географическихъ

Россіи, амстердамскаго бургомистра Николая Витзена. Г. Ф. Миллеръ готовъ видѣть въ ней поворотный пунктъ въ исторіи картографіи Русской земли [1]). Эта карта, на голландскомъ языкѣ, вышла первоначально въ 1687 г. Экземпляръ Импер. Публичной Библіотеки (№ 408, d.) представляетъ ту особенность, что, рядомъ съ посвященіемъ царю Петру Алексѣевичу, сбоку приписано: „Anno 1687", т.-е. когда Петръ еще соцарствовалъ съ братомъ Іоанномъ и когда такимъ образомъ подобное одиночное посвященіе было бы не совсѣмъ удобно. Личное знакомство Петра съ Витзеномъ, какъ извѣстно, началось лишь съ первой поѣздки царя за границу, хотя впрочемъ сношенія съ нимъ завязались гораздо раньше, именно съ 1691 г. письмомъ Витзена [2]). Составитель карты не забываетъ упомянуть, что печатаетъ ее съ привиллегіей van zyn zaarze Majestyt. Къ западу отъ Новой Земли на 70-й параллели онъ помѣстилъ небольшой островокъ съ надписью: „'t Eylandt Witsen ondekt by Schipper de Vlaming den 28 Iuly A°. 1688". Въ 1666 г. Витсенъ лично посѣтилъ Россію и собралъ здѣсь матеріалъ, опубликованный имъ четыре года спустя въ „Noord en Oost Tartarye". Самая карта, разумѣется, стоитъ въ тѣсной связи и съ этой работой, и съ пребываніемъ автора въ Россіи.

Любопытно было бы прослѣдить, сказались ли на изданіяхъ Витзена работы русскаго его современника, стольника и тобольскаго воеводы Петра Годунова, который „съ товарищи" приготовилъ карту Сибири въ 1668 году (№ 38, Военно-топ. отдѣлъ Главнаго Штаба; она помѣщена и въ новомъ атласѣ Норденшельда (№ 442); о немъ смотри выше). Годунову было велѣно: „всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища, и всему учинити чертежъ". Существуютъ показанія современниковъ на то, что этотъ чертежъ тогда же былъ и напечатанъ, но до насъ не дошло ни одного экземпляра. За то недавно въ Стокгольмской королевской библіотекѣ отыскана шведская копія ея, снятая въ 1669 г. Прютцомъ, сопровождавшимъ въ Москву шведскаго посланника Кронмана. Она напечатана и описана Норденшельдомъ [3]). Русской публикѣ трудъ Годунова сталъ

знаній, Записки русск. Геогр. Общ. кн. III (1849) и IV (1850). Его же, Peter's der Grossen Verdienste um die Erweiterung der geograph. Kenntnisse въ Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reiches, Bnd. XVI, Sptbg. 1872. Струве, Объ услугахъ, оказанныхъ Петромъ В. математической географіи Россіи въ Запис. Акад. Наукъ, т. XXI, кн. I. Сравн. Peter der Grosse und die Geographie Russlands. Magazin fur die Literatur des Ausland. 1876. № 44.

[1]) Nachricht von die Land—und See-Carten, die das Russische Reich und die zunächst angränzende Länder betreffen. Samml. Russ. Gesch. VI, 29.

[2]) Posselt, Der General Lefort I, 508.

[3]) A. E. Nordenskiöld, Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien—въ Ymer Tidskrift utgifven af Svenska Sällskapet för an-

извѣстенъ, благодаря изданію А. А. Титова, которому удалось опубликовать и объяснительный текстъ къ картѣ [1]), правда, по списку менѣе исправному, чѣмъ найденный Н. Н. Оглоблинымъ [2]). Боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ, трудъ котораго „Чертежная книга Сибири“ (1701), въ изданіи Археографической коммиссіи, выставлена Географическимъ Кабинетомъ Московскаго Университета (№ 428), пользовался между прочимъ и чертежемъ Годунова. Ему это было тѣмъ сподручнѣе, что онъ былъ самъ уроженецъ Тобольска [3]). Кстати: сохранился видъ этого самаго Тобольска въ 1698 г., выставленный въ фотографическомъ снимкѣ среди „Видовъ и Плановъ Сибири“ въ первой залѣ Выставки (№ 154): весьма отчетливый, онъ снабженъ объясненіями на русскомъ языкѣ улицъ, церквей и т. п. [4]). Сравни тутъ же историческую карту заселенія Сибири, составленную Н. М. Ядринцевымъ (№ 155).

Желательно было бы видѣть на выставкѣ тѣ 14 историческихъ картъ Сибири, которыя были составлены въ 1843 г. и, если не ошибаюсь, остаются и доселѣ неизданными. Слѣдя за постепеннымъ расширеніемъ русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи, онѣ охватываютъ періодъ трехъ столѣтій. Составитель кромѣ Миллера, Карамзина и Сибирской Лѣтописи въ изданіи Спасскаго, пользовался еще Книгою Большого Чертежа, картами Сталенберга (1730), Кириллова (1734), таблицами старой Сибири, приложенными къ Сибирской Исторіи Фишера (1774), атласами: академическимъ (1775) и Шмидта (1792) и изданіями Военно-топографическаго Депо и Генеральнаго Штаба Сибирскаго Корпуса. Насколько можно судить изъ краткаго описанія этого труда [5]), въ немъ встрѣтилось бы не мало интереснаго. Такъ, напр. на картѣ № 1 — „Сѣверная Азія XVI стол.“ — „показаны всѣ народы, населявшіе тогда Сѣверную Азію, и означены древніе Рос-

---

tropologi och géografi. Sjunde Argângen. Stockholm. 1887, стр. 133 — 144 съ картою.

[1]) А. Титовъ, Сибирь въ XVII вѣкѣ. М. 1890.

[2]) Н. Оглоблинъ, источники „Чертежной книги Сибири“ Семена Ремезова. Библіографъ 1891, № 1 (отдѣл.) Сравн. также Е. Замысловскій. Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка. Жур. Мин. Нар. Пр. 1891, № 6 и (отдѣл.).

[3]) Сравн. 5 предисловій не вошедшихъ въ описаніе „Чертежной книги Ремезова“, составленное А. Х. Востоковымъ (Опис. Рум. Музея 483 — 487). Архивъ историч. и практич. свѣдѣній Калачева, кн. 4. Спб. 1862, стр. 70—79.

[4]) Возникновеніе вида Тобольска позволительно сопоставить съ тѣми частными описями города въ концѣ XVII и въ первые годы XVIII в., о коихъ смотр. въ упомянутой въ предыдущемъ предисловіи статьѣ архива Калачева.

[5]) О географическихъ картахъ Сибири, составленныхъ въ 1843 г. „Сѣверная Пчела“, 1849, №№ 266, 267. Цитую по Жур. Мин. Нар. Пр. 1850. № 3, отд.. VI, стр. 203—205.

сійскія владѣнія за Югорскими горами въ царствованіе" Грознаго. На № 2 нанесены не только мѣста геройскихъ подвиговъ Ермака, но и „всѣ пути, коими шелъ Ермакъ по Сибири, всѣ его зимовья и мѣста почти баснословныхъ его битвъ".

Извѣстно намѣреніе Петра соединить каналомъ Волгу съ Дономъ. Одно время царственный реформаторъ весьма настойчиво отдался этой мысли. Осуществленіе ея было поручено сперва извѣстному К. Крюйсу, потомъ нѣмецкому полковнику Брекелю, затѣмъ англійскому инженеру Перри, но дѣло остановилось въ самомъ началѣ. Памятникомъ замысловъ царя служитъ между прочимъ атласъ, составленный Крюйсомъ и изданный въ 1703 г. амстердамскимъ книгопродавцемъ Данкеромъ. Это, нынѣ рѣдчайшее изданіе отсутствуетъ на Географической выставкѣ, но, повидимому, маленькій обрывокъ его помѣщенъ въ сосѣдствѣ съ другими старинными картами и планами въ витринѣ Министерства Путей Сообщенія (№ 407 а). Невозможность видѣть самый атласъ Крюйса мѣшаетъ утверждать это положительно. Атласъ Крюйса содержитъ между прочимъ отдѣльный листъ съ изображеніемъ проектированнаго канала между Дономъ и Волгою [1]). Именно такой каналъ и представленъ на нашей картѣ. На ней изображено теченіе рѣкъ Иловли и Камышинки, самого канала (въ 2½ версты длиною) съ обозначеніемъ проектовъ запрудъ и шлюзовъ (числомъ 12) „Петра-города", прежнихъ и новыхъ казармъ для рабочихъ и тому подобныхъ подробностей, кромѣ того отдѣльный рисунокъ— картина самыхъ работъ. Одно кажется страннымъ—заглавіе карты: Nieuwe, en Seer Accurete Caert Vande Doorgravinge om met Scheepen uyt de Rivier de Don of Tanais door de Spruyten of Revierties inde Wolga, of Astrachansche Rivier en Caspische zee te vaaren waerinne werd vertoont de Reets gemackte damme en Sluysen, met aenwysinge der Plaetse, Waerde Resterende noch sullen gemaeckt werden. T'Amsterdam by Hendrick Dancker in de Nieuwenbrug-steeg, met Privilege. Аделунгъ и Минцловъ [2]), приводя всѣ разнообразныя заглавія на картахъ атласа, не даютъ такового. Признать ли карту воспроизведеніемъ изданія 1703 (по Аделунгу 1699)? Но Аделунгъ таковыхъ перечисляетъ два и оба другого издателя, Оттенанса [3]). Между тѣмъ настоящій экземпляръ имѣлъ практическое примѣненіе въ русскихъ рукахъ, ибо обозначенія надписаны по-русски отъ руки; данъ переводъ и голландскаго заглавія: „Новая и предивная карта о Перекопе

---

[1]) Аделунгъ. О древнихъ картахъ Россіи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1840, № 5, стр. 5. Münzloff. Pierre le Grand, 25.

[2]) Loco cicato.

[3]) Стр. 97—98.

что из Дона или Танаиса Караблямъ плавлою река до Камышенки а Камышенкою рекою в Волгу, или Астраханскую реку въ Каспуское море входитъ, какъ в сей карте оказуемъ да Гола (?) промыслъ пруды і воротъ въ указныхъ мѣстах. посему признаваемъ что здѣлано будетъ. В амстердамѣ у Гендрика Дункер(в)нову Брух Стех метъ привилеги". Переводчикъ, какъ видно, далеко не свободно владѣлъ голландскимъ языкомъ, не найдя ничего лучшаго какъ написать русскими буквами голландское „met privilege". Названіе амстердамской улицы (м. б. квартала?) онъ курьезнымъ образомъ счелъ возможнымъ перевести на половину.—Какъ бы въ pendant къ этой картѣ, Главное Инженерное Управленіе выставило сохранившійся у него планъ (отъ руки) города Петровска (№ 58). На немъ проектированы укрѣпленія, а довольно тонкая акварель изображаетъ ландшафтъ гористыхъ береговъ Волги съ плавающими на ней судами.

Оставаясь въ предѣлахъ Петровскаго времени, находимъ, что наибольшее количество картографическихъ работъ связано съ Великой Сѣверной войною. Таковы между прочимъ четыре выставленные плана гор. Нарвы, хранящіеся въ Главномъ Инженерномъ Управленіи: 1) 1649 г., съ форштадтомъ и Иванъ-городомъ, шведской работы (№ 76); 2) 1700 г.—съ указаніемъ лагернаго расположенія русскихъ войскъ и движенія, шведскихъ, работы Gideon Wert Moller'a,—по всей вѣроятности копія съ шведскаго оригинала, сохранившая всѣ объясненія на шведскомъ языкѣ,—чрезвычайно наглядная картина хода сраженія (№ 84); 3) 1700 г.—въ томъ же родѣ, что и предыдущій, но скопированный, надо думать, въ Россіи и для русскаго употребленія (№ 77), и 4) 1704 г., съ показаніемъ осадныхъ работъ русскихъ инженеровъ и съ объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (№ 78).

Довольно одинокое мѣсто занимаютъ: планъ Брянской крѣпости 1704 г. (№ 70 Гл. Ин. Упр.); планъ Дерпта съ показаніемъ осадныхъ работъ русскихъ войскъ въ 1704 и съ объясненіями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—изданіе современное взятію этой крѣпости Петромъ В. (№ 56 Гл. Ин. Упр.); гравированный планъ Полтавскаго сраженія на французскомъ языкѣ, изданный Pierre Husson'омъ въ Гаагѣ, очень отчетливый и ясный. Далѣе видимъ планы, фасады и профили башень древняго Новгорода, чертежъ отъ руки, сдѣланный, судя по начертанію надписей, въ первой четверти XVIII вѣка, быть можетъ, какъ разъ въ то время, когда Петра заботила мысль объ укрѣпленіи этого пункта (№ 50, Гл. Ин. Упр.). Кстати будетъ упомянуть о двухъ карандашныхъ рисункахъ А. Д. Кашкина, изображающихъ башни и стѣны древняго Новгорода въ нынѣшнемъ состояніи: художественно выполненные, они даютъ не только отчетливое,

но и типичное представленіе о древнихъ Новгородскихъ твердыняхъ (№ 51). Тотъ же А. Д. Кашкинъ выставилъ два вида крѣпостныхъ развалинъ Старой Ладоги и Изборска: помимо научно-археологическаго интереса, они невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе зрителя, просто какъ изящная вещь (№ 49) [1]. Карта теченія Западной Двины у ея устья 1688 г. хотя и болѣе ранняго происхожденія, но, конечно, для осады Риги Августомъ польскимъ или Петромъ Великимъ можетъ дать не мало поясненій, тѣмъ болѣе что тутъ же приложенъ и планъ самого города, съ указаніемъ его пунктовъ и окрестностей,—рукописный экземпляръ на шведскомъ языкѣ (№ 63 Гл. Ин. Упр.). Напомнимъ, что, кромѣ этого изданія, существуетъ карта теченія Западной Двины, на пространствѣ всей ея второй половины, 1701 г., снятая à vol d'oiseau, съ очень любопытными данными. Вмѣстѣ съ объяснительнымъ текстомъ она приложена къ V выпуску Этнографическаго Сборника, издававшагося въ шестидесятыхъ годахъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ [2].

Съ борьбой за обладаніе рѣкой Невою связанъ планъ осады Ніеншанца въ 1703 г. (№ 79. Гл. Ин. Упр.) и четыре раскрашенныхъ (отъ руки) плана укрѣпленій (городковъ) на лѣвомъ берегу р. Невы, построенныхъ при завоеваніи Ингерманландіи и сохранившихся и по сіе время, правда, въ самомъ жалкомъ видѣ. Это такъ называемое „Апраксинъ городокъ“ на рѣчкѣ Назьѣ, близъ деревни Синявиной; „Святые Шанцы“ на рѣчкѣ Святкѣ; укрѣпленный лагерь при впаденіи Тосны въ Неву (на картѣ виденъ четыреугольникъ съ тремя бастіонами) и Петровское укрѣпленіе („Штернъ-шанецъ“) на самомъ берегу Невы близъ дер. Корчмино (№ 74. Гл. Ин. Упр.). Невскія укрѣпленія можно разсматривать на выставкѣ параллельно съ изображеніемъ типовъ старинныхъ военныхъ сооруженій Россіи въ періодъ IX—XVIII ст., обширный листъ работы А. И. Савельева (№ 48 Гл. Ин. Упр.). Для историка Сѣверной войны большую цѣну имѣетъ карта Ижорской земли, гравированная Шхонбекомъ въ 1706 г.: въ ней между прочимъ подыщутся данныя и для исторіи заселенія края, для опредѣленія наличности и поступательнаго движенія русскаго населенія (№ 62 Гл. Ин. Упр.).

Основаніе Петербурга шло рука объ руку съ устройствомъ воднаго сообщенія. Петра очень занимала мысль проведенія морского канала отъ устьевъ Невы у Гутуевскаго острова къ Петергофу, гдѣ

---

[1]) См. подобную же работу его № 87: Первое бомбардированіе Севастополя 5 октября 1854 года.

[2]) Роспись Чертежу Западной Двины (1701 г.). Этнографическій Сборникъ, выпускъ V, смѣсь, стр. 65—71.

предполагали выходъ его въ море: направленіе этого канала мы можемъ изучать по одной изъ двухъ картъ Финскаго залива, составленныхъ Люберасомъ въ большомъ масштабѣ (№ 71 Гл. Ин. Упр.), и по спеціально ему посвященному плану (№ 66 Гл. Ин. Упр.). Не знаю, на основаніи чего составитель каталога Географической выставки относитъ время составленія карты Люберасомъ къ 1710 году (стр. 13): проектъ канала возникъ много позже [1]).

Въ связи съ морскимъ каналомъ стоятъ заботы Петра о соединеніи Финскаго залива съ озеромъ Ильменемъ посредствомъ проведенія искусственной водной дороги между Тосной и рѣчкой Тигодой, притокомъ Ладоги. Карта изображающая этотъ проектъ (№ 61 Гл. Ин. Упр.), должна быть отнесена именно къ эпохѣ Петра В. на основаніи русско-голландскаго объяснительнаго текста и особенно потому, какія именно части площади нынѣшняго Петербурга обозначены заселенными. Далѣе укажемъ: 1) копію съ проекта укрѣпленій острова Котлина, оригиналъ коей былъ снабженъ собственноручною подписью Петра В., опредѣлившаго въ ней размѣры жилыхъ строеній (6 октября 1721 г.) (№ 60 Гл. Ин. Упр.); 2) карту границъ, установленныхъ Ништадтскимъ миромъ, изданную въ 1722 на русскомъ и латинскомъ языкахъ (№ 8 В. У. Ком. Гл. Шт.), и 3) атласъ Гедевилля (№ 4 В. У. Ком. Гл. Шт.). Это любопытное изданіе, котораго выставленъ былъ лишь 4-й томъ, какъ единственный, имѣющій отношеніе къ нашему отечеству [2]), даетъ, согласно общему плану, бытовой очеркъ Россіи (по Олеарію), карты, родословныя таблицы русскихъ государей, виды мѣстностей, замѣтки о современномъ (автору) положеніи Русскаго государства, перечень главнѣйшихъ русскихъ сановниковъ, иногда съ краткой ихъ характеристикою и, наконецъ, исторію самой Россіи въ ея государяхъ. Петру I отведено всего болѣе мѣста; вставлено очень много документовъ касательно крупнѣйшихъ событій его царствованія (Полтава, Матвѣевъ въ Лондонѣ и пр.). Обзоръ доведенъ до 1713 г. Нечего и говорить, что трудъ Гедевилля имѣетъ значеніе лишь историографическое [3]).

---

[1]) Ѳ. Веселаго, Очеркъ русской морской исторіи, 624—625.

[2]) Atlas historique, ou nouvelle introduction à l'histoire, à la chronologie et à la geographie ancienne et moderne, représentée dans de nouvelles cartes, en l'on remarque l'etablissement des états et empires du monde, leur durée, leur chute et leurs differens gouvernemens; la chronologie des consuls romains, des papes, des empereurs, des rois et des princes, etc. qui ont été depuis le commencement du monde jusqu'à présent; et la genealogie des maisons souveraines de l'Europe. Par Mr. C***. Avec des dissertations sur l'histoire de chaque état par Mr. Guedeville. Tome IV, qui comprend le Dannemarck, la Suède, la Pologne, la Moscovie, la Turquie etc.

[3]) Укажемъ еще карту де-Лиля, посвященную А. А. Матвѣеву: Carte

Съ именемъ Петра неразрывно связывается основанный имъ „парадизъ". Петербургская Городская Дума отправила на выставку цѣлую коллекцію самыхъ разнообразныхъ картъ, плановъ и книгъ, посвященныхъ русской столицѣ за все время ея существованія, благодаря чему можно очень обстоятельно прослѣдить ея ростъ и послѣдовательныя измѣненія. Каталогъ предметамъ, спеціально изданный Думою, перечисляетъ 87 №№, изъ коихъ двѣ трети можно признать историческими. Ограничимся по этому указаніемъ лишь болѣе древнихъ.

Наше вниманіе прежде всего останавливается на двухъ старинныхъ планахъ Петербурга, Гоманна и Оттенса, составленныхъ несомнѣнно при жизни Петра В. У Гоманна [1]) Екатерининскій каналъ тянется еще маленькой рѣченкою, затериваясь истоками вблизи проектированнаго Невскаго проспекта. Есть лѣтній садъ съ дворцами, почтовый домъ и т. п. Сбоку приложенъ отдѣльный видъ Кронштота и карта теченія р. Невы. Экземпляръ Городской Думы раскрашенный очень хорошо сохранился и даетъ весьма отчетливое представленіе о городѣ. Другой планъ, работы Оттенса [2]), вполнѣ тожественъ съ Гомановскимъ, лишь надписи нѣмецкія замѣнены голландскими и частью латинскими, да отсутствуютъ видъ Кронштота и символическія фигуры, держащія въ рукахъ портретъ Петра I; за то карта теченія р. Невы продолжена южнымъ побережьемъ Ладожскаго озера съ указаніемъ канала отъ Шлиссельбурга до Новой Ладоги (№ 6. Г. Д.). Минцловъ полагаетъ, что планъ Гоманна служилъ образцомъ для настоящаго и, ссылаясь на Штукенберга, относитъ работу Гоманна къ 1718 году [3]). Не будетъ ли правильнѣе нѣмец-

---

de Moscovie, dressée par Guillaume de l'Isle, premier géographe de Roy et dediée à Son Excellence Monseigneur André Artémonides de Matveeff, ministre d' Etat de Sa Majesté Czarienne l'Empereur des Russes, son lieutenant général en la principauté de Iaroslavle et son Ambassadeur plenipotentiaire auprès de Roi etc. A Paris. 1706. (№ 433 Г. К.).

[1]) Topografische Vorstellung der Neuen russischen Haupt-Residenz und See-Stadt St. Petersbourg sammt ihrer zu erst aufgerichteten Vestung, welche von Ihro Czaar. Maj. Petro Alexiewitz.... von Joh. Baptist Homann in Nürnberg (№ 3 отдѣл. каталога Город. Думы и № 407' d. Мин. Пут. Сооб.)

[2]) Съ двумя заголовками, латинскимъ и голландскимъ: Nova ac verissima urbis St. Petersburg ab imperatore russico Petro Alexii F. conditae, item Fl. Nevae, Fossae jussu Imp. Russ. factae, ac regionis circumjacentis delineatio, a Rienero Ottens, Amstelaedemensi geographo, in lucem edita. Голландскій текстъ: Afbeelding von de Nieuwe russische Hooff-Residentie en Zee Stadt St. Petersburg.... gedrukt 't Amsterdam by de Wed. I. Ottens op den Nieuwen Dyk in de werelt Kaart.

[3]) Minzloff, Pierre le Grand. 17.

кое изданіе признать образцомъ голландскаго, такъ какъ Гоманнъ еще не знаетъ Ладожскаго канала, который начатъ былъ лишь въ 1719 году [1])?

Планомъ уже не реальнаго, а лишь проектированнаго Петербурга является раскрашенная фотографія столицы по мысли генералъ-архитектора Леблона (№ 81, Гл. Ин. Упр.) [2]): весь городъ обнесенъ крѣпостною стѣною съ бастіонами и, безъ преувеличенія, изрѣзанъ каналами; онъ заключался въ предѣлахъ нынѣшняго Васильевскаго острова, прилегающей къ нему части Петербургской стороны (оставляя рѣчку Карповку за своими стѣнами) и всего пространства, охватываемаго рр. Невою и Мойкою. Улицы пересѣкались подъ прямымъ угломъ; съ соблюденіемъ той же строгой прямолинейности шли четыреугольные площади и сады. На всемъ лежитъ отпечатокъ искусственности и порядка,—характерныя черты вѣка Людовика XIV, въ духѣ котораго воспитался знаменитый архитекторъ.

Для исторіи постепеннаго роста города Петербурга хорошій матеріалъ даютъ 7 плановъ 1714—1725, 1738, 1762, 1777, 1796, 1806 и 1826—1839 гг. (№ 34. П. Г. Д.) и 9 плановъ 1700, 1706, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 гг., въ изданіи Цылова (№ 35. П. Г. Д.) [3]). Первые 8 плановъ этого послѣдняго (1700—1840 гг.) суть собственно уменьшенныя копіи изданныхъ Военно-Топографическимъ Депо Главнаго Штаба въ 1846 г., въ масштабѣ 400 саженъ въ дюймѣ, и выставленныхъ какъ имъ (№ 37), такъ и Петербургскою Городскою Думою (№№ 4, 5, 8, 11, 13, 16, 18, 25.). Въ царствованіе императрицы Елизаветы въ 1753 г. былъ изданъ великолѣпный альбомъ 13 видовъ С.-Петербурга, на русскомъ и французскомъ языкахъ [4]); художественно исполненныя гравюры даютъ возможность ясно возстановить физіономію тогдашней столицы, столь не похожей на нынѣшнюю. Картины изъ этого атласа воспроизводились не разъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, но тамъ онѣ много теряютъ въ своей отчетливости, будучи взяты въ меньшемъ масштабѣ и по одиночкѣ, тогда какъ здѣсь законченность представленія достигается именно полнотою коллекціи.

---

[1]) Петровъ, Исторія Санктъ-Петербурга, 201.

[2]) Каталогъ Выставки ошибочно относитъ время составленія проекта къ 1706 году: Леблонъ поступилъ на русскую службу лишь съ 8 февр. 1715 г. (Петровъ, Исторія С.Петербурга. 115).

[3]) Спб. 1853 съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы 1853 года.

[4]) Планъ столичнаго города Санктъ-Петербурга съ изображеніемъ знатнѣйшихъ онаго проспектовъ, изданный трудами Императорской Академіи Наукъ и Художествъ. Спб. 1753. folio въ двухъ экземплярахъ: въ формѣ атласа (№ 299 Морс. Мин.) и отдѣльныхъ листовъ (№ 50. П. Г. Д.)

Говоря о Петербургѣ, можно еще упомянуть: планъ 1768 г. въ форматѣ большой стѣнной карты, составленный бригадиромъ Захгеймомъ по приказанію гр. Миниха (№ 80 Гл. Ин. Упр.), рукописный атласъ плановъ С.-Петербурга по частямъ и кварталамъ, сочиненный при Сенатѣ въ 1798 г. (№ 41. П. Г. Д.) и подобный же атласъ, лишь въ большомъ размѣрѣ, 1806 г. (№ 42 П. Г. Д.); къ обоимъ атласамъ присоединено по толстому фоліанту объяснительнаго текста. Городская Дума не забыла выставить и описанія Петербурга: сочиненія Богданова-Рубана, Георги, Пушкарева, Петрова, Тыляева и др.

V.

Москва, надо сознаться, представлена на Выставкѣ не съ такой полнотою, какъ Петербургъ; за то она дала нѣсколько очень крупныхъ и интересныхъ вещей. Таковы, напр., гравированный видъ Москвы съ птичьяго полета, приготовленный Киліаномъ въ 1610 г. для польскаго короля Сигизмунда III, въ ту пору, когда этотъ послѣдній мечталъ сидѣть на русскомъ престолѣ (№ 408, в. И. П. Б. и № 53. Гл. Ин. Упр.); или раскрашенный схематическій планъ Москвы XVII в. изъ Orbis civitatum Брауна и Гогенберга (№ 408, с. И. П. Б), съ изображеніемъ тура, бизона и вооруженныхъ всадниковъ, дающихъ понятіе о ѣздѣ того времени. Подписи нѣмецкія, такъ какъ источникомъ для виньетокъ служило нѣмецкое изданіе „Записокъ“ Герберштейна, но заголовокъ, любопытный самъ по себѣ, на латинскомъ языкѣ: Moscovia, urbs regionis ejusdem nominis metropolitica, duplo major quam Praga Boiemiae, lignea ædifica habet, multas plateas, sed dispersas, latissimi campi interjacent: Mosco amnis, ipsam irrigat.

Съ большимъ интересомъ смотрится серія видовъ старой Москвы, выставленная Н. А. Найденовымъ (№ 572). Изданные имъ въ 1886 году въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и заказанные въ фотографическомъ заведеніи «Шереръ и Набгольцъ» фототипическіе снимки съ старинныхъ гравюръ, никогда не поступали въ продажу и далеко не всѣмъ доступны. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтиться съ ними на нынѣшней Выставкѣ. Они очень наглядны, полны бытовыхъ чертъ и легко переносятъ въ эпоху. Считаю не лишнимъ перечислить содержаніе всей этой серіи:

1) Общій видъ Москвы (по Олеарію, 1636).

2) Планъ Москвы (по чертежу Мейерберга, 1661 г.),

3) Кремль 1662 г. Вверху тройная надпись: Кремъ-городъ,

Кремленаградъ, Castellum urbis Mosquæ. Латинское посвященіе царю Алексѣю Михайловичу заканчивается словами: «Castellum cum tribus contiguis urbibus Mosquæ, prout sub florenti Imperio, piæ memoriæ, magni domini cæsaris et magni ducis Borissi Fœdorovits, omnium Russorum etc. situ et dimensu fuit; summa ac debita observantia, offertur, dicatur, consecratur».

4) «Внутренность Кремля 1613 г. (1672 г.)» фотографическій снимокъ, отличный отъ другой раскрашенной литографіи, выставленной въ этомъ же отдѣленіи Выставки.

5) Видъ Новодѣвичьяго монастыря и его окрестностей (по рисунку де Бруина 1702).

6) Видъ Головинскаго дворца съ прилегающей къ нему мѣстностью (въ началѣ XVIII в.).

7) Красная площадь (1762).

8) Красное крыльцо (1762).

9) Потѣшный дворецъ (по древнему чертежу).

10) Видъ ледяныхъ горъ во время Масляницы (1799).

11) Видъ г. Москвы, снятый съ балкона Императорскаго дворца (1799).

12) Видъ Спасскихъ воротъ и прилегающей мѣстности (1799).

13) Видъ Каменнаго моста (1799).

14) Видъ Серебреническихъ бань и прилегающей мѣстности (1799).

15) Видъ Прѣсненскихъ прудовъ и моста (съ восточной стороны, 1799).

16) Видъ Кремля съ набережной Москвы рѣки отъ Воспитательнаго дома (1825). Рисунки 1799 г. всѣ работы французскаго художника Guérard de la Barthe.

Громадная, почти въ сажень длинною, панорама Москвы со стороны Замоскворѣчья, при Петрѣ I: «Росейская столица Москва» (№ 563, а Ист. Муз.) воспроизводилась много разъ; экземпляръ ея вышедшій изъ литографіи Эрготъ, выставило и Главное Инженерное Управленіе (№ 75). Извѣстную цѣну представляютъ три вида Коломенскаго дворца, исполненныхъ масляными красками въ прошломъ столѣтіи (№ 577). Не дурна раскрашенная копія со старинаго изображенія внутренности Кремля XVII в.; она хранится въ рамѣ за стекломъ (№ 575). Не слѣдуетъ пропустить и двухъ плановъ Москвы 1739 и 1796 (№ 407, Мин. Пут. Сооб.). Первый изъ нихъ, работы архитектора И. Мичурина, печатный, второй — отъ руки, раскрашенный.

Покидая на Выставкѣ столичные города, мы вступаемъ въ предѣлы послѣ-Петровской Россіи. Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе планъ крѣпости и города Астрахани, сдѣланный отъ

руки кондукторомъ И. Дуровымъ (№ 59 Гл. Инт. Упр.); два атласа Россійской Имперіи, изданныхъ Академіею Наукъ, одинъ — 1745, въ двухъ видахъ: раскрашенный и безъ красокъ, и 1770—1780 гг. работы Шмидта и Трусскотта (№№ 6 и 5 В. У. К. Гл. Шт.). Атласъ 1745 г, принято называть «первымъ научнымъ атласомъ Россіи» [1]). Но еще при Петрѣ явилась мысль о подобномъ изданіи. Любопытно было бы также знать, что за атласъ 1722—1730 гг. хранится въ Иркутской духовной семинаріи? [2])

Обширное собраніе представляетъ собою рукописный атласъ (съ рукописнымъ объяснительнымъ текстомъ на 19 листахъ) въ 40 таблицъ инженеръ-поручика Тучкова, 1794 (№ 298 Гл. Гидрогр. Упр. Мор. Мин.). Содержаніе его — русско-шведская война 1788 — 1790 гг. Текстъ есть своего рода исторія войны; а атласъ, въ краскахъ даетъ планы мѣстностей, расположенія войскъ на сушѣ и на морѣ, сраженій, маршрутныхъ путей и т. п., — вообще военный историкъ ни коимъ образомъ не долженъ опустить изъ виду этой работы.

Главное Управленіе Почтъ и Телеграфовъ выставило объемистый рукописный альбомъ древнихъ почтовыхъ картъ (№ 250). Хотя онѣ и не восходятъ по времени далѣе Екатерининскаго царствованія, будучи составлены частью въ это время, частью въ два послѣдующихъ царствованія (съ 1786 по 1819 г.), но интересъ историческій имѣютъ не малый. Въ альбомѣ 58 картъ, работы губернскихъ землемѣровъ, каждая для отдѣльной губерніи или области. По нимъ можно слѣдить не только за измѣненіями въ административномъ дѣленіи страны, но и за движеніемъ населенія, наростаніемъ поселеній и т. п. Возьмемъ для примѣра Челябинскій уѣздъ Оренбургской губерніи въ 1798 г. При сравненіи карты того времени съ нынѣшней, невольно бросается въ глаза, что какъ тогда, такъ и теперь, двѣ главныхъ водныхъ артеріи по сѣверной и южной окраинѣ уѣзда, — рѣки Міясъ и Уй — опредѣляли почтовое движеніе: сѣверное, потому что тамъ было густо населеніе; южное — потому что здѣсь проходила военная линія, связать которую почтовыми учрежденіями требовали интересы государственные.

Сибирь и въ XVIII ст. остается тою же мало разгаданной страною, полною своеобразныхъ условій, тѣмъ же особымъ міромъ, какимъ она представлялась и въ XVII в. не только западной Европѣ, но и самимъ русскимъ. Не будемъ долго останавливаться на картѣ Сѣверной Азіи, приложенной къ сочиненію Страленберга: Das Nord-

[1]) Свенске. Матеріалы для исторіи составленія атласа Росс. Импер. изд. 1745 г. Записки Акад. Наукъ IX, 56.

[2]) Иркутскія Губернск. Вѣдомости 1872. № 32, стр. 402—404. Сравн. Межовъ, Русск. Истор. Библіографія за 1865—1876 гг. т. I, стр. 174.

und Oestliche Theil Europa's und Asia's, изд. 1730 (№ 439 Б-ка Моск. Унив.); но прямо перейдемъ къ двумъ рукописнымъ картамъ Сибирской сторожевой линіи 1753 г. (№ 64 Гл. Инж. Упр.). Составитель ихъ, прапорщикъ Яковъ Уксусниковъ, далъ имъ такое названіе: «Ланкарта новозаложенной линіи между Сибирской губерніей и Киргизъ-кайсацкой степи. Сочинена 1753 году». Названная линія тянулась отъ станицы Звѣриноголовской на р. Тоболѣ черезъ Ишимъ до Омска на р. Иртышѣ. Это такъ называемая нынѣ Сибирская казачья линія. Наши карты отмѣчаютъ всѣ бывшія въ ту пору укрѣпленія, крупныя и малыя: форпосты, городки и маяки [1]). Для исторіи колонизаціи здѣсь найдется не мало указаній: не только къ югу, но и къ сѣверу отъ линіи — пустыя пространства; на югѣ они господствуютъ безусловно. Новая Сибирская линія должна была замѣнить старую, которая шла отъ Звѣриноголовской на сѣверъ къ редуту Куртамышевскому, Утяцкому на Тоболѣ, а оттуда въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ редуты Верхнеутяцкій, Моревской, Верхнеозерскій и далѣе къ озеру Курталы. Вотъ это-то пространство межъ старой и новой гранью и было съ точки зрѣнія русскаго человѣка неразмежеванною новью, богоданною полосою. Да впрочемъ и западнѣе старой границы слободы ютились лишь по Тоболу. Но вотъ проходитъ сто лѣтъ и физіономія края рѣзко мѣняется: къ сѣверу отъ «новой» линіи стало густо; „новая линія“ потеряла характеръ *новой* и въ свою очередь сдана въ архивъ, чтобъ уступить свою роль другимъ болѣе южнымъ пунктамъ. Но русская колонизація, если способна сразу сдѣлать экстенсивный размахъ, свою внутреннюю работу въ намѣченномъ районѣ дѣлаетъ кропотно и медленно, шагъ за шагомъ. Мы давно дошли до Великаго океана, но протянулись туда узкой полоской, въ глубь и ширь — работа подвигается гораздо медленнѣе. Стоитъ бросить взглядъ на современную карту Россіи, чтобъ признать Сибирскую линію 1753 г. все еще рѣзкою этнографическою гранью миръ населеніемъ къ сѣверу и югу отъ нея.

Тому же Главному Инженерному Управленію, что познакомило публику съ только-что упомянутымъ трудомъ прапорщика Уксусникова, принадлежитъ и рукописная карта русско-китайской границы, составленная въ 1777 г. (№ 72). Болѣе сажени въ длину, выполненная весьма тщательно и изящно, она вводитъ насъ въ детальное описаніе южной Сибири середины XVIII вѣка. Не говоря про обозначеніе всѣхъ редутовъ, городковъ, форпостовъ и маяковъ на пограничной линіи,

---

[1]) Двѣ шестиугольныхъ крѣпости: Звѣриноголовская и „Святого Петра“ (нынѣ Петропавловскъ), 9 четвероугольныхъ, 33 редута и по маяку между каждымъ изъ укрѣпленій.

составитель—на картѣ же—далъ подробную опись этихъ укрѣпленій и самаго края: количество рудниковъ, характеръ ихъ производства, строенія горъ и т. п. Историкъ Сибири въ царствованіе Екатерины II внѣ всякаго сомнѣнія найдетъ для себя на этой картѣ много цѣнныхъ указаній.

Если позволительно, на основаніи предложеннаго Географической выставкою матеріала, дѣлать обобщенія, то я бы сказалъ, что Русское Государство въ XVIII стол. не только еще переживало стадію своего колонизаціоннаго развитія, но прямо находилось въ его разгарѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли мы на окраины; вниманіе это, конечно, вынужденное, но оно порождаетъ, съ успѣхами картографіи, обстоятельныя работы о пограничныхъ областяхъ. Сейчасъ мы видѣли подтвержденіе этому на Сибири. Но и въ Европейской Россіи не будетъ недостатка въ аналогичныхъ явленіяхъ. Передъ нами три карты Закамской сторожевой линіи 1732 г. для защиты приволжскихъ губерній отъ нападенія киргизъ (№ 73, Гл. Инж. Упр.). Утвердившись въ XVI ст. на всемъ протяженіи р. Волги, русскому правительству пришлось еще долгіе годы обезпечивать спокойное состояніе въ Заволжьѣ и Приуральскомъ краѣ. Между прочимъ, оно соорудило двѣ закамскія линіи, одну такъ-называемую Старую, отъ Волги у Бѣлаго Яра, вдоль р. Черемшана, мимо пригородовъ Ерыклинска, Тіинска, Билярска, на Заинскъ, Мензелинскъ до села Троицкаго у р. Ика, и такъ-называемую Новую линію, планъ которой мы сейчасъ видѣли на Географической выставкѣ, отъ г. Самары (точнѣе: пригорода Алексѣевска), мимо слободы Красный Яръ, вдоль р. Сока на Сергіевскъ, Фельдшанцы Кундурчинскій, Черемшанскій, Шешминскій и Кичуйскій, гдѣ и оканчивалась. Рычковъ въ „Описаніи Оренбургской губерніи“ говоритъ, что существовало предположеніе вести эту линію далѣе, до р. Ика; но открытіе Оренбургской экспедиціи, въ 1734 г., сдѣлало этотъ планъ ненужнымъ [1]). Новая Закамская линія строилась три года и въ 1734 г., надо думать, была заброшена. Лѣтъ сорокъ тому назадъ сохранялись еще въ цѣлости земляныя работы, но отъ засѣкъ и деревянныхъ построекъ не осталось никакихъ слѣдовъ [2]). Выставленныя карты [3])—рукописныя; основная—40 верстъ въ масштабѣ съ собственноручною (подъ объяснительнымъ текстомъ) подписью графа Хр. Миниха и генерала Любераса (10 іюня 1732 г.) [4]).

---

[1]) Топографія Оренбургской губерніи. Оренбургъ. 1887, стр. 314.

[2]) Иванинъ. Описаніе Закамскихъ линій. Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. на 1851 г., ч. I, кн. 2-я, стр. 68.

[3]) Вторая изъ нихъ—копія первой, третья изображаетъ лишь часть линіи.

[4]) Дата означаетъ время, когда карта была послана къ тайному совѣтнику Наумову для утвержденія.

Одновременно съ Заволжьемъ и Закамьемъ вниманіе правительства обращено и на югъ: въ 1735 г. составляется General-Karte von der Ukrain (№ 65, Гл. Инж. Упр.). Готовились къ войнѣ съ Турціей, и, дѣйствительно, походъ Ласси и Миниха получаетъ свое правильное освѣщеніе въ значительной степени, благодаря тѣмъ деталямъ, какія даетъ это изданіе.

Но едва ли не интереснѣе всѣхъ этихъ картъ—три рукописныхъ плана сторожевыхъ линій или засѣкъ, составленные капитаномъ Тучковымъ (№ 69, Гл. Инж. Упр.) въ очень большомъ масштабѣ [1]). Всѣ три плана дополняютъ другъ друга, сами, надо думать, будучи лишь частью одного большого цѣлаго [2]). Не всякій легко допуститъ, чтобы какихъ-нибудь всего сотню лѣтъ назадъ засѣка шла по нынѣшнимъ Калужской и Тульской губерніямъ, съ Венева на Тулу, Крапивну, Одоевъ, Лихвинъ, Козельскъ. Въ половинѣ XVIII ст., почти подъ самой Москвою приходилось еще считаться съ Крымской ордой. Нужно ли лучшаго оправданія въ заселеніи Потемкинымъ Новороссійскаго края и присоединеніи Крыма?

Позволимъ себѣ поближе остановиться на одной изъ картъ Тучкова. Заголовокъ перваго плана гласитъ: „Генеральная карта четыремъ засѣкамъ, приписнымъ къ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ, а именно: Щегловской, Карницкой, Картасеневской и Веневской", при чемъ составитель добавилъ такого рода „экспликацію": „Откуда оныя начало и гдѣ окончаніе имѣютъ, при какихъ рѣкахъ и урочищахъ. *Щегловская* засѣка начинается съ полевой стороны отъ города Тулы, рѣки Тулицы и отъ земляного вала простирается до вершины рѣки Сежи; съ русскую сторону отъ замка Картасеневской засѣки и отъ Утиной ямы, что противъ села Богоявленскаго, идетъ до земляного вала и до рѣки Тулицы. *Карницкая* съ русскую сторону отъ вершины рѣки Сежи до рѣки Шата, а отъ рѣки Шата съ полевую сторону отъ вершины рѣчки Хавки до Каширской засѣки; съ русскую сторону отъ рѣчки Алитовки до рѣки Большого Осетра и до Картасеневской засѣки. *Картасеневская* въ полевую сторону отъ рѣки Б. Осетра до рѣчки Лѣсной Веркуши и до Каширской засѣки; въ русскую сторону отъ рѣчки Каменка до замка Щегловской засѣки и до Утиной ямы противъ села Богоявленскаго. Въ *Веневской* засѣкѣ отмежеваны поляны и три поляны Бригадира Игнатьева, а какія званіемъ

---

[1]) 1 верста въ дюймѣ.

[2]) Замѣтимъ, что они оріентированы такъ, что югъ показанъ на верху, а сѣверъ—внизу. Это надо имѣть въ виду, потому что при отсутствіи на планѣ крупныхъ пунктовъ (поселеній), зритель сбивается тѣмъ, что „русскую" сторону видитъ сверху, а „полевую" обращенною внизъ.

и при какихъ урочищахъ, значится въ картѣ литерами и желтою краскою"—и далѣе идетъ перечисленіе этихъ полянъ (числомъ восемь). По внѣшнему виду эти засѣки точно извилистыя зеленыя змѣи съ самыми прихотливыми утолщеніями. Онѣ пересѣкаются дорогами, рѣчками и ручьями; изрѣдка внутри ихъ встрѣчается деревня на проѣзжемъ трактѣ или монастырь (Веневъ) на самомъ краю урочища; но въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, это безлюдная полоса. Да и то упомянутый монастырь стоитъ у перекрестка двухъ путей, а деревня (Ивановская) скорѣе на полянѣ, подлѣ лѣса, чѣмъ въ самомъ лѣсу. Эти поляны въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерѣзали Веневскую засѣку, что, конечно, сильно мѣшало ей отвѣчать своему прямому назначенію. Вотъ почему мы видимъ здѣсь попытку въ одномъ пунктѣ, наиболѣе узкомъ, парализовать ея слабыя стороны проведеніемъ земляного вала. Надо замѣтить, карта не только подробно рисуетъ самую засѣку, но шагъ за шагомъ слѣдитъ за пограничными угодьями, тщательно отмѣчая сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ съ „русской" (сѣверной), такъ и съ „полевой" (южной) стороны засѣки. Вотъ для примѣра граница „русской" стороны *Щегловской* засѣки: „дача государственныхъ крестьянъ села Богоявленскаго, дача госуд. кр-нъ дер. Анишиной, дача госуд. кр. дер. Новоселокъ, дача госуд. кр. села Волынцова, дача графа Дивіера, дача Остафьева и Беклемишева, дача Ушакова и Павлова, дача разныхъ помѣщиковъ дер. Толстой, дача разныхъ помѣщиковъ села Крюкова, дача князя Гагарина, дача Данилова, дача Фаминцына" и т. д. Подобныя этимъ указанія—цѣнный матеріалъ для исторіи сословій и отдѣльныхъ фамилій XVIII в. [1]).

Остановимся еще на „картахъ и видахъ береговъ Чернаго моря, принадлежащихъ Россійской Имперіи": это—рукописный атласъ, составленный въ 1798—99 гг. капитаномъ Биллингсомъ—всего 26 листовъ, частью раскрашенныхъ (собственно виды),—одна изъ очень крупныхъ по содержанію вещей на Выставкѣ (№ 302, Гл. Гидр. Упр. Морск. Мин.). Видъ Севастопольской бухты рисуетъ намъ мѣсто тогдашняго города; въ Балаклавѣ сто лѣтъ назадъ сохранялся еще въ цѣлости двойной рядъ стѣнъ, отъ коихъ теперь остались одни жалкіе остатки; Судакская крѣпость походила на настоящую грозную твердыню, на которую современники Биллингса едва ли смотрѣли глазами археологовъ: такъ прочны и многочисленны были еще въ ту пору ея стѣны и бойницы, составляя одно замкнутое цѣлое. „Крѣпость" Ѳеодосіи была, дѣйствительно, крѣпостью, ея стѣны отчетливо видны на рисункѣ.

---

[1]) Деревня Ясная Поляна (на картѣ Малиновой засѣки) показана на границѣ лѣса съ полевой стороны на большой дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ.

Къ областной же географіи Россіи XVIII в. надо причислить Атласъ городовъ и уѣздовъ Тверского намѣстничества, 1783 года (№ 624, в) и особенно цѣлую коллекцію старыхъ картъ, присланныхъ изъ Рязанской Архивной Коммиссіи (№ 627): планы города Рязани, Рязанскаго намѣстничества, нѣкоторыхъ монастырей, планы уѣздовъ съ объяснительнымъ текстомъ и т. п.

VI.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ отдѣлъ, посвященный успѣхамъ русскихъ людей на поприщѣ моревѣдѣнія. Обильный матеріалъ выставленъ исключительно Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ Морского Министерства. Я, впрочемъ остановлюсь лишь на немногомъ, проходя даже мимо цѣлаго ряда атласовъ, гдѣ столько любопытнаго и поучительнаго, напр.: Атласъ Варяжскаго моря, 1714 года [1]), такой же—Соймонова, 1738 г., атласъ Балтійскаго моря, 1740 и такой же 1750 со шведскаго изданія 1738 г.; атласы Нагаева 1757 и 1796 гг., Сарычева—1812 г. (№ 298) и пр. Рядомъ съ ними рукописная „хронологическая карта русской гидрографіи 1696—1883 гг. пополнена по 1891 г." (№ 297): полосами соотвѣтственныхъ цвѣтовъ обозначены изслѣдованія русскими моряками береговъ морей, рѣкъ и озеръ въ предѣлахъ всего земнаго шара. Начало такимъ занятіямъ, какъ показываетъ и самое названіе карты, положено было еще въ царствованіе Петра В. Судя по ней, можно опредѣлить, что́ именно было предпринято и осуществлено при его жизни: 1) промѣръ рѣки Дона отъ Воронежа до Азова вицеадмираломъ Крюйсомъ при содѣйствіи самого государя (1696). 2) Промѣръ Чернаго моря отъ Керчи до Константинополя на кораблѣ „Крѣпость" (1699). 3) Генеральная карта Азовскаго моря отъ Азова до Керчи, составленная въ 1702 г. и поднесенная Петру В. въ Воронежѣ. 4) Экспедиція геодезистовъ Евреинова и Лужина на Курильскіе острова (1719). 5) Работы капитана фонъ-Вердена на Каспійскомъ морѣ.

Карта Азовскаго моря выставлена Морскимъ Министерствомъ въ очень любопытнымъ экземплярѣ: это, если не оригиналъ, то современная копія (№ 288). Она называется: „Новую карту отъ всего моря палѣсъ мѣотѣсъ, от Азова до Кѣрчи, зделанъ на Воронижe, 1702 году" и кромѣ того съ такимъ посвященіемъ; „Великій г-дарь царь и вѣликій князь Пѣтръ Алексевичь всѣя великия и малыя и

[1]) „Книга размѣрная градусныхъ картъ Остъ-Зее или Варяжскаго моря. Напечатана повелѣніемъ царскаго величества. Спб. 1714" in folio.

бѣлыя Росіі самодержецъ сѣиі паскартъ вручаю со всякимъ униженіемъ от ваши покорныя слугѣ". Узкая сѣверо-восточная часть Азовскаго моря подробно промѣрена на этой картѣ; такъ же нанесены промѣры и пути до Керчи. Θ. Θ. Веселаго такъ описываетъ эту карту: „На ней очертаніе береговъ весьма невѣрное, за исключеніемъ части между устьями Дона и линіей, идущей отъ Долгой косы до Бердинской; въ этой части нанесенъ довольно подробный промѣръ, показанный также по пути до Керченскаго пролива. Восточнѣе этого пролива, передъ устьями Кубани, показанъ еще проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, и на островѣ, находящемся между обоими проливами, назначены два города: „Тамантъ" при Керченскомъ и „Кошолтасъ" (?) при другомъ" [1]).

Однообразную задачу съ „Хронологической картой" № 297, но лишь въ болѣе скромныхъ предѣлахъ, преслѣдуетъ напечатанная въ 1874 г. „Карта Сѣвернаго Ледовитаго океана въ границахъ Россійской имперіи; составлена на основаніи русскихъ гидрографическихъ изслѣдованій съ 1734 по 1871 годъ". Здѣсь тоже окрашенными полосами обозначены мѣста и пространства, изученныя тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ. Вотъ имена этихъ дѣятелей (перечень ихъ даю въ хронологическомъ порядкѣ): 1) Муравьевъ и Павловъ 1734—35 гг. 2) Овцынъ 1734—37. 3) Прончищевъ 1735—36. 4) Дм. Лаптевъ 1736, 1739—42. 5) Малыгинъ и Скуратовъ 1736—37. 6) Мининъ 1738 и 1740. 7) Хар. Лаптевъ 1739—41. 8) Челюскинъ 1741—42. 9) Размысловъ 1768—69. 10) Биллингсъ 1791. 11) Козминъ 1821. 12) Шишмаревъ 1821. 13) Анжу и Бережныхъ 1821—23. 14) Врангель и Матюшкинъ 1821—23. 15) Литке 1821—24. 16) Бережныхъ и Пахтусовъ 1821—26. 17) Ивановъ и Рагозинъ 1821—28. 18) Рейнеке 1826—32. 19) Пахтусовъ, Крапивинъ и Цыволка 1833—36. 20) Моисеевъ и Рогачевъ 1838—39. 21) Миддендорфъ и Вагановъ 1843. 22) Норвежскіе мореплаватели 1869—1871.

Берега Бѣлаго моря изображены на нѣсколькихъ картахъ XVIII ст., но наиболѣе древни и интересны—планы устья Сѣверной Двины. По древности первое мѣсто занимаетъ работа Адр. Шхонбека (1701), гравированная „повелѣніемъ" Петра и посвященная Θ. М. Апраксину. Здѣсь, впрочемъ, изображена не столько дельта рѣки, сколько ея крайніе рукава, восточный и западный; остальное даже не намѣчено. Гораздо полнѣе въ этомъ отношеніи работа (отъ руки) 1732 г.: весь міръ острововъ Двинского устья передъ вами на лицо и, что еще важнѣе, обозначено расположеніе каждой церкви, укрѣп-

[1]) Очеркъ русской морской исторіи, ч. I, стр. 622.

ленія и проч.—Карта 1768 г., надо думать, образцомъ своимъ имѣла выше упомянутую 1732 года (всѣ три подъ № 266).

Вообще Морское Министерство позаботилось о томъ, чтобы ходъ нашего знакомства и изученія сѣверной морской окраины русскаго государства былъ представленъ возможно полнѣе. Возьмемъ, напр. хотя бы Новую Землю. Штурманъ Ѳедоръ Размысловъ въ 1767 г. снялъ часть острова по плану, составленному промышленникомъ Яковомъ Чиракинымъ, именно, очертанія Маточкина шара и прилегающихъ береговъ; впрочемъ одни лишь абрисы береговъ, да и то преимущественно западныхъ, полнаго же облика обоихъ острововъ пока нѣтъ.—Въ началѣ текущаго столѣтія экспедиція шлюпа „Пчела", снаряженная гр. Н. П. Румянцевымъ, обезпечила штурману Григорію Поспѣлову возможность дать и полный контуръ острововъ, еще детальнѣе намѣтивъ западный берегъ. Сходна съ его картою и выставленная „Карта Новой Земли, употребляемая россійскими промышленниками". Нельзя не упомянуть о русской „Картѣ Новой Земли по описи голландскихъ мореходцевъ В. Баренца и К. Найя съ 1594 по 1597 г., взятой изъ Голландскаго атласа Іоганна Бляу 1664 г."; составлена она въ 1872 г. при Гидрографическомъ департаментѣ. Путешествіе брига „Новая Земля" на Новую Землю въ 1821—1823 гг., работы Пахтусова въ 1832—1835 г. нашли свое выраженіе въ посвященныхъ имъ новыхъ картахъ, рядъ которыхъ, продолжаясь и далѣе, заканчивается прекраснымъ изображеніемъ западнаго берега Новой Земли отъ мыса *Сухой носъ* до мыса *Сѣверный Гусиный носъ*,— въ изданіи Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского Министерства въ 1892 году въ масштабѣ 1/21924 (См. всѣ эти карты на выставкѣ подъ № 260).

Спеціально Шпицбергену посвящены три рукописныхъ карты: первая рисуетъ путь маленькой флотиліи, снаряженной подъ командою лейтенанта Немтинова отъ устья р. Двины у Архангельска до Шпицбергена, гдѣ имѣлась въ виду оставить часть команды на зимовку въ Кламбойской бухтѣ; составитель не оставилъ безъ вниманія и печатныхъ голландскихъ картъ Бѣлаго моря. Вторая и третья 1765 и 1766 гг., работы капитана Василія Чичагова (№ 259). Стоитъ упомянуть и о Меркаторской картѣ Бѣлаго моря съ частью Сѣвернаго океана отъ Новой Земли до береговъ Даніи, по образцу Голландскихъ оригиналовъ; она напечатана въ 1774 г. при типографіи Морскаго шляхетскаго кадетскаго корпуса (№ 260).

Заканчивая свой обзоръ Географической выставки, укажу еще на описи и планы, выставленные Межевымъ Архивомъ, и на массу (правда, не коллекціонированную) тѣхъ фотографическихъ снимковъ

видовъ мѣстностей, гдѣ любитель старинныхъ памятниковъ найдетъ прекрасный для себя матеріалъ: города Вильно, Тверь, Каменецъ-Подольскъ, Торжокъ (общая панорама), Калязинъ, Кіевъ, Угличъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Болгары, Кострома, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Казань, Вологда, Великій Устюгъ, Ревель, Дерптъ, Архангельскъ, Соловецкій монастырь, Нилова пустынь въ Осташковскомъ уѣздѣ, село Кимры и др.

17 ноября 1892 года.

E. F. Shmurlo
Е. Шмурло.

XVI-й ВѢКЪ

и

Ego Znachenie
ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

V Russkoi Istorii
ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Е. Шмурло.

XVI-й ВѢКЪ

и

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Изъ годоваго Отчета Училища Св. Анны за 1891 годъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го Мая 1891 г.

XVI-й вѣкъ

и

его значеніе въ русской исторіи.

Царствованію Петра Великаго издавна усвоено названіе эпохи преобразованій, времени реформаторской, подчасъ даже революціонной дѣятельности. Русское общество XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка иначе и не смотрѣло на работу перваго нашего императора. Представлялся ли царственный преобразователь «земнымъ богомъ» или, наоборотъ, «антихристомъ», — одинаково въ обоихъ случаяхъ его время понималось какъ рѣзкій рубежъ, какъ глубокая грань между старою и новою Россіею. Два основныхъ направленія со всѣми ихъ оттѣнками нашли въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія опредѣленное выраженіе въ двухъ школахъ западниковъ и славянофиловъ.

По толкованію первыхъ, преобразованія Петра дали Россіи иную, и притомъ лучшую, организацію государства и общественнаго порядка, опредѣлили отношенія сословныя, внесли въ нашу жизнь новую животворную культуру и науку, ввели Россію въ общую семью европейскихъ народовъ и обезпечили ей возможность дѣятельнаго участія въ международной жизни Европы, — словомъ, опредѣлили грань между старой Россіей, азіатской, косной, невѣжественной, — и Россіей новою, европейскою, дѣятельною, образованною. По мнѣнію же славянофиловъ, реформа Петра Ве-

ликаго породила одни только печальныя явленія: она внесла чуждый русскому народу духъ европейской цивилизаціи, ту Gewaltsamkeit, которая столь несвойственна основнымъ началамъ славянства — любви, взаимному довѣрію — а есть характерный признакъ міра германо-романскаго. Реформа, по этому воззрѣнію, была измѣною старинѣ; разрывъ же съ прадѣдовскими традиціями привелъ къ разрыву высшихъ и низшихъ классовъ, ибо первые въ своей погонѣ за европейскою образованностію стали глухи къ нуждамъ и интересамъ народной массы, чуждавшейся этого искусственнаго движенія. Къ тому же реформа исказила старую церковь, сословный строй закрѣпощеніемъ земледѣльцевъ, и вообще помѣшала нормальному развитію исконныхъ русскихъ началъ.

Взглядъ славянофиловъ, принципіально исключая точку зрѣнія западниковъ, сходился съ послѣдними лишь въ одномъ: оба направленія видѣли въ дѣятельности Петра переворотъ, рѣзкую перемѣну, разрывъ съ прошлымъ. И для тѣхъ, и для другихъ Петръ заслонялъ своей гигантскою фигурою всю старую Русь [1]).

Такое пониманіе событій естественно должно было отразиться и на русской исторіографіи. Дѣйствительно, мысль, что съ царствованія Петра начинается новый періодъ русской исторіи, высказываютъ едва ли не всѣ крупные историки вплоть до половины текущаго столѣтія: и Шлецеръ [2]), и Карамзинъ, и Полевой, и Погодинъ, и Устряловъ.

Для перваго именно съ воцаренія Петра начинается эпоха *процвѣтающей* Россіи; второй съ этого же хронологическаго пункта отличаетъ новыя «измѣненія гражданскихъ обычаевъ» [3]);

---

1) Послѣдовательная смѣна воззрѣній на личность Петра Великаго и значеніе его реформы, на сколько эти воззрѣнія отразились въ русской литературѣ, — изложены въ нашей книгѣ: *Петръ Великій въ русской литературѣ (Опытъ историко-библіографическаго обзора). Спб. 1889.*

2) Татищевъ, за близостью времени, еще не могъ дать надлежащей оцѣнки эпохи, непосредственнымъ свидѣтелемъ и даже дѣятелемъ которой отчасти онъ былъ самъ. Исторію свою Татищевъ намѣревался вести не далѣе 1613 года. (Исторія Россійская. Кн. первая, ч. I, стр. XXIII).

3) Исторія Государства Россійскаго, т. I, изд. 1818 г., предисл., стр. XXV.

по мнѣнію третьяго, то есть, Полевого, воцареніе Петра вводитъ Россію въ *европейскій* періодъ ея жизни[1]). Погодинъ высказывается вполнѣ опредѣленно, говоря, что «нынѣшняя Россія . . . есть произведеніе Петра Великаго . . . у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ»[2]). Наконецъ, послѣдній изъ названныхъ историковъ, Устряловъ, держится того мнѣнія, что до Петра мы были лишены активнаго и самостоятельнаго положенія въ Европѣ, «коснѣли въ старыхъ понятіяхъ», лишены были «внутренняго стремленія къ лучшему», «самобытнаго развитія своихъ силъ, умственныхъ и промышленныхъ, яснаго сознанія необходимости образованія народнаго»[3]).

Къ этой группѣ историковъ до извѣстной степени примыкаетъ и проф. Брикнеръ, видящій въ эпохѣ преобразованій одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ превращенія Россіи изъ государства азіатскаго въ европейское. «Историческое развитіе Россіи», — говоритъ названный ученый, — «впродолженіе послѣднихъ вѣковъ заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское. Замѣчательнѣйшею эпохою въ процессѣ европеизаціи Россіи было царствованіе Петра Великаго»[4]). Также и М. Ф. Владимірскій-Будановъ — правда, только въ сферѣ права — начинаетъ съ Петра третій, императорскій, періодъ[5]). За то другой историкъ-юристъ, Н. П. Загоскинъ, признаетъ эту грань не только для исторіи русскаго права въ частности, но и для русской исторіи вообще. «Съ началомъ единодержавнаго царствованія Петра I», — замѣчаетъ онъ, — «русская государственная, общественная и юридическая жизнь терпитъ коренныя преобразованія; въ эту жизнь вносятся новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ей, или по крайней

1) Исторія Русскаго народа, томъ I, предисл., стр. XLIII.

2) Петръ Великій. Москвитянинъ 1841, № 1, стр. 3.

3) Исторія царствованія Петра Великаго. Томъ I, введеніе, стр. XXVIII—XXIX.

4) Исторія Петра Великаго. Спб. 1882. Введеніе, стр. V.

5) Обзоръ исторіи русскаго права. Вып. I, стр. IV.

мѣрѣ не сознававшіяся ею начала, — начала заимствованныя изъ западно-европейской жизни»[1]). Наконецъ, едва ли не всѣ учебники, начиная со Строева[2]) и кончая гг. Иловайскимъ и Рождественскимъ, именно Петромъ Великимъ дѣлятъ старую Россію отъ новой.

Съ тѣхъ поръ какъ упомянутыя школы формулировали свои воззрѣнія, прошло не мало времени; но съ ними приходится считаться и до сихъ поръ, ибо онѣ все еще не стали явленіемъ историческимъ, а продолжаютъ имѣть каждая своихъ представителей. За послѣдніе годы старая распря даже вновь ожила, благодаря полемикѣ Н. Н. Страхова съ Вл. С. Соловьевымъ, а повторительныя изданія книги Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа» и перваго тома сочиненій К. С. Аксакова вмѣстѣ съ недавнимъ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго труда А. Н. Пыпина: «Исторія русской этнографіи» еще болѣе освѣжаютъ прежніе взгляды.

Правда, крайностямъ старыхъ воззрѣній нѣтъ уже болѣе мѣста; но это не мѣшаетъ поклонникамъ и антагонистамъ Петра I существенно расходиться еще по многимъ пунктамъ. Больше всего уступокъ впрочемъ сдѣлали славянофилы. Еще много раньше старое поколѣніе ихъ отъ лица Хомякова говорило, что для нихъ весь вопросъ въ томъ: былъ ли царь *полнымъ* представителемъ потребностей русскаго народа, потому что *частную* правду его дѣла они никогда не отвергали[3]). Нынче тѣ же славянофилы, въ лицѣ Н. Я. Данилевскаго, порицаютъ только нѣкоторыя стороны преобразовательной дѣятельности Петра: безусловно вредными признаются однѣ перемѣны въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ русскаго народа. «Просвѣщеніе . . . слѣдовало не насаждать извнѣ, а развивать извнутри. Ходъ его былъ бы медленнѣе, но за то вѣрнѣе и плодотворнѣе». Но Петръ, страстный и увлекающійся, влюбился въ Западъ и «захотѣлъ во

1) Исторія права Московскаго государства. Томъ первый, стр. 8.

2) Краткая россійская исторія въ пользу Россійскаго юношества. Москва. 1814, стр. 90 (съ 1689 года).

3) Сочиненія. М. 1861. Томъ I, стр. 589.

что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой». А потому онъ искалѣчилъ народъ свой и принесъ ему «величайшій вредъ», ибо «русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный ладъ». За то въ дѣятельности тѣсно государственной, въ созданіи учрежденій и техническихъ средствъ царь заслужилъ право на вѣчную признательность потомства, на «имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія»[1]).

Другіе идутъ еще далѣе Данилевскаго въ признаніи заслугъ царственнаго реформатора. Горячій сторонникъ славянофильскихъ теорій автора «Россіи и Европы», К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, говоритъ: «Петръ — величайшій представитель русскаго духа: онъ вождь своего народа, и по праву рожденія, и по праву генія; онъ видитъ *ясно* цѣль . . . онъ *знаетъ*, что́ нужно времени . . . Если что-нибудь изъ затѣяннаго имъ и не привилось, то это по большей части что-нибудь *второстепенное* для его цѣли» . . . Петръ возвелъ «въ своей геніальной природѣ качества *народныя* до высочайшей степени . . .»[2]). Тотъ же ученый замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что дѣло Петра было искажено при его преемникахъ, иностранцы получили незаконное преобладаніе, и съ критикой реформы «выступила, разумѣется, идеализація стараго быта». Возраженія славянофиловъ справедливы только отчасти; «мало ли сколько посторонникъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра» впослѣдствіи?[3]) Точно также и покойный О. Ѳ. Миллеръ, котораго никакъ уже нельзя причислить къ школѣ западниковъ, полагалъ, что правое дѣло Петра сильно исказилось послѣ его смерти, а это-то и вызвало столь неодинаковые отзывы о реформѣ въ литературѣ XVIII и XIX столѣтій[4]). Очевидно эти послѣднія воззрѣнія уже далеко

---

1) Россія и Европа, изд. 4-е, стр. 285—287.

2) Чему учитъ русская исторія. Древняя и Новая Россія 1877, № 1, стр. 20.

3) Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1872, № 6, стр. 149—156.

4) Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому. Русская Старина 1873, т. VII, № 3, стр. 406—411.

отошли отъ представленій, напримѣръ, К. Аксакова и его единомышленниковъ.

Что касается до западниковъ, то, если судить по наиболѣе видному представителю ихъ, А. Н. Пыпину, то они гораздо цѣпче въ своихъ воззрѣніяхъ и труднѣе разстаются съ прежнею оцѣнкою до-Петровской Руси. Они и до сихъ поръ продолжаютъ утверждать, что Московская Россія была лишена яснаго, отчетливаго самосознанія, обладая, подобно средневѣковой Европѣ, однимъ только «инстинктивнымъ» самосознаніемъ, «не доконченнымъ», полудѣтскимъ. Московская Русь не способна была «къ понятію народной *цѣльности* (курсивъ подлинника), вслѣдствіе феодальнаго или подобнаго порабощенія и безправности народныхъ массъ». «О нравственномъ правѣ» этихъ массъ «не могло быть и рѣчи». Какъ въ средніе вѣка въ Европѣ, такъ и у насъ вплоть до Петра Великаго «національность была гораздо менѣе сознаніемъ, нежели чувствомъ и инстинктомъ», при томъ проявляясь въ исключительныхъ тѣсныхъ предѣлахъ, огуломъ обозначая все западноевропейское именемъ «нѣмецкаго» или «фряжскаго». Напрасно также славянофильская школа считаетъ общественныя и государственныя формы жизни московскаго періода за самое подлинное и характерное созданіе русскаго народа. Эти формы были явленіемъ временнымъ, а, слѣдовательно, и преходящимъ. Да и «могла ли считаться такой окончательной формою та, которая правила восточнымъ деспотизмомъ и основала крѣпостное рабство народа?» Монгольское иго оставило по себѣ слишкомъ глубокій слѣдъ, порабощеніе личности было слишкомъ велико, протесты, находившіе свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ бунтовъ XVII вѣка, слишкомъ значительны, — чтобъ все это позволяло идеализировать бытъ до-Петровской Руси и рисовать его свѣтлыми красками [1]).

Таковы въ главныхъ чертахъ основныя положенія двухъ знаменитыхъ школъ въ ихъ современной, позднѣйшей, стадіи развитія.

1) А. Н. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, 6—15.

Нельзя не признать, что въ обоихъ воззрѣніяхъ проявляется, пускай невольное, но все же большое уклоненіе отъ истины. Идеалъ Данилевскаго — насаждать просвѣщеніе не извнѣ, а развивать его извнутри — вѣрный самъ по себѣ, былъ не примѣнимъ для даннаго времени. Россія *уже была слишкомъ европейскою* державою, чтобы поколѣніями вырабатывать то, на достиженіе или обезпеченіе чего Петръ употребилъ единицы лѣтъ. Держаться въ сторонѣ отъ международной жизни, сознательно чураться европейскаго просвѣщенія, значило, наложить на себя руку и перейти въ разрядъ или азіатскихъ, или третьестепенныхъ европейскихъ государствъ. Никто не станетъ отрицать крайностей и увлеченій Петра Великаго, но торопливость его дѣйствій не составляла личныхъ свойствъ государя, а висѣла, такъ сказать, въ воздухѣ. Періодъ школъ — а вѣдь таковое значеніе имѣло для Россіи болѣе тѣсное соприкосновеніе съ Европой! — есть всегда періодъ увлеченій, заимствованій. Способность въ эти годы jurare in verba magistri говоритъ только въ пользу ученика, доказывая его даровитость, воспріимчивость, богато одаренную натуру. Вѣдь только для души косной и неспособной проходитъ безслѣдно слово учителя . . .

Переходя къ другому воззрѣнію, разумѣется, охотно признаемъ, что формы Московскаго государства и быта были временныя, а не выражали собою исконныхъ національныхъ чертъ русскаго народа; да едва-ли теперь кто изъ славянофиловъ и станетъ серьезно поддерживать это представленіе. Точно также внѣ сомнѣнія и тотъ фактъ, что сплоченіе восточно-славянскихъ племенъ въ одно государство произошло далеко не въ такой благодушной формѣ, какъ это казалось нѣкогда славянофиламъ первой формаціи. Не можемъ спорить и противъ того, что татарское владычество оставило глубокій отпечатокъ въ нашихъ нравахъ и формахъ государственныхъ, что въ до-Петровскую эпоху личность жила порабощенною, а «цѣльность» не была еще достигнута вполнѣ и что разрывъ между высшими и низшими классами — въ чемъ, какъ извѣстно, славянофилы постоянно упре-

кают людей XVIII—XIX вв. — началъ замѣтно проявляться еще и раньше: движеніе антиприказное, всѣ эти бунты казацкіе и крестьянскіе, опоэтизированіе Разина въ пѣсняхъ народныхъ, — ясно говорятъ, что идеалы XVII вѣка далеко не всѣми понимались одинаково.

Но оказалась ли панацеей этому злу реформа Петра? Развѣ можно еще говорить о «цѣльности» въ эпоху Пугачевщины? . . . Втеченіе всего XVIII вѣка раскольники бѣгутъ въ лѣса, предаютъ себя сожженію . . . Если въ XVII столѣтіи «народъ протестовалъ противъ насилія бѣгствомъ отъ государства на окраины въ казачество, разбойничествомъ, которое дошло до эпическихъ размѣровъ въ дѣяніяхъ Стеньки Разина»[1]), то и въ послѣдующемъ вѣкѣ угнетенная масса находитъ свой идеалъ въ Ванькѣ Каинѣ и въ подвигахъ на большой дорогѣ. Разбойничество — повсемѣстное зло XVIII вѣка; а вѣдь что оно такое, какъ не то же казачество, только въ формѣ, обусловленной инымъ временемъ? «Украинъ» больше нѣтъ; ихъ заняла сильная правительственная власть, бѣжать больше некуда, дѣйствовать сплошною массою нельзя — приходится разбрасываться по мелочамъ. Мѣры московскихъ государей, дѣйствительно, были круты; но не забудемъ, что рядомъ съ этой «восточной деспотіей» мирно уживались земскіе соборы. А. Н. Пыпинъ самъ признаетъ правленіе Петра деспотіей, и при томъ весьма суровою. Но подобную «суровость» не трудно отыскать и въ болѣе позднее время. Эпоха временщиковъ, самовластіе Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, Бироновщина, — едва ли все это было для народа легче, чѣмъ злоупотребленія Морозова, Плещеева, Милославскихъ и др. Въ такомъ случаѣ можно ли говорить, что въ XVIII столѣтіи существовало «нравственное право», существовала «личность»? Послѣдняя появляется никакъ не ранѣе 19-го февраля 1861 года.

Во всякомъ случаѣ «крѣпостное рабство народа» создано

---

1) Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, 10.

было не строемъ Московскаго государства, а условіями чисто *внѣшними*[1]). И ужъ если когда говорить о крѣпостномъ правѣ, то всего умѣстнѣе въ XVIII вѣкѣ, послѣ Петра, когда оно получило свой отвратительный смыслъ и содержаніе; къ этому времени — если уже непремѣнно надо это дѣлать — скорѣе отнесемъ мы и образованіе привиллегированно-феодальнаго класса, ибо боярство XVI—XVII вв. главнымъ образомъ характеризуется какъ сословіе *служилое*, опредѣляется повинностями, а не правами. Злоупотребленія высшихъ слоевъ общества въ московскій періодъ никогда не носили того отпечатка, какъ на Западѣ, ибо «завоеванія» въ смыслѣ западно-европейскомъ у насъ никогда не удастся доказать; а отсутствіе «завоеванія» обусловило и отсутствіе такой обидной розни сословной.

Очевидно, намъ до тѣхъ поръ не выбраться изъ дебрей Петровскаго вопроса, доколѣ мы не отрѣшимся разъ на всегда отъ ложнаго представленія, будто эпоха Петровская есть какая-то грань, какой-то рѣзкій рубежъ межъ старой и новой Россіею. Вотъ почему, изображая XVII и XVIII вѣка, какъ два совершенно обособленныхъ міра, мы непремѣнно впадемъ въ противорѣчіе съ реальными фактами, будемъ ли смотрѣть глазами западниковъ или славянофиловъ. Чтобъ быть послѣдовательными, первымъ всегда приходилось отвергать въ пореформенной Россіи черты, аналогичныя съ чертами XVII вѣка, и закрывать глаза на явленія Московской жизни, однородныя съ фактами послѣдующаго времени. Совершенно одинаково поступали и славянофилы, въ обратномъ только порядкѣ. На дѣлѣ же вовсе не было такой противоположности, и худая сторона продолжала сохраняться, равно какъ и старое добро не думало изсякать послѣ

---

1) Это признаютъ и такіе сторонники реформы Петра, какъ Вл. С. Соловьевъ. «Главные грѣхи московской Россіи», — говоритъ онъ, — «были въ значительной степени грѣхами невольными, зависѣли отъ внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ». (Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. Вѣстникъ Европы 1889, № 5, стр. 292). Замѣтимъ, что авторъ, по его собственному признанію, «въ большинствѣ случаевъ совершенно согласенъ» со взглядами А. Н. Пыпина на славянофиловъ (Ibidem, № 11, стр. 363, примѣчаніе).

петровскихъ преобразованій. Весь вопросъ такимъ образомъ сводится къ разницѣ не качественной, а только количественной. Послѣдняя же — всякій признаетъ — явленіе вполнѣ естественное и неизбѣжное въ нормальной жизни общественныхъ организмовъ.

Точно также и взглядъ С. М. Соловьева — въ данномъ случаѣ его раздѣляетъ и г. Пыпинъ — будто до-Петровская Русь аналогична съ средними вѣками З. Европы [1]), долженъ быть признанъ не вѣрнымъ и устарѣлымъ, ибо ошибочно такъ далеко вести наше «средневѣковье»: оно окончилось одновременно съ западно-европейскимъ, то есть, въ концѣ XV, къ началу XVI вѣка; и если его черты проскальзываютъ и позже, то то же самое, въ силу естественныхъ законовъ человѣческаго развитія, видимъ мы и у своихъ сосѣдей. Развѣ «безправность» массы есть признакъ спеціально средневѣковой Европы? Развѣ положеніе ея во Франціи даже XVIII стол. было удовлетворительно въ правовомъ отношеніи? Не она ли возстала и сломила существующій порядокъ? Развѣ не въ Германіи въ эту же пору мелкіе владѣтельные князья торговали своими подданными и поставляли ихъ на рекрутскій рынокъ любому наборщику? Говорятъ, что до-Петровская Русь опредѣляла свое національное бытіе не единствомъ политическихъ стремленій, а религіей, противополагая православіе «поганой латыни» и «невѣрному басурманству»; но, вѣроятно, это не было исключительною принадлежностью русскаго народа, когда въ Западной Европѣ вплоть до конца XVII вѣка самосознаніе національное сплошь и рядомъ сливалось съ религіознымъ самоопредѣленіемъ.

Вотъ почему, если для Запада національное самосознаніе возникаетъ съ конца XV, съ начала XVI вѣка, то ничто не мѣшаетъ признать появленіе его и у насъ съ той же поры. Вѣдь объединеніе Италіи и Германіи совершилось, можно сказать, только на нашихъ глазахъ; серьезныя попытки къ его осуществленію нача-

1) Соловьевъ, Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. М. 1872, стр. 6—9.

лись лишь въ началѣ текущаго вѣка; вѣдь такъ еще сравнительно недавно Метернихъ имѣлъ право бросить Италіи презрительное прозвище «географическаго термина» . . . .

Разумѣется, русское національное самосознаніе XVI—XVII вв. было уже нынѣшняго, но все же достаточно широко, чтобъ не называть его только «инстинктивнымъ» и «не доконченнымъ». Если Западъ въ ту пору рисовался народной массѣ сплошь «фряжскимъ» или «нѣмецкимъ», то вѣдь и понынѣ она именуетъ *нѣмцемъ* и *басурманомъ* всякаго иноземца, въ первомъ случаѣ — неправославнаго христіанина, во второмъ — мусульманина или язычника. Едва ли и теперь извѣстно ей существованіе испанцевъ, итальянцевъ, шведовъ, датчанъ . . . . Неужели Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Алексѣй Михайловичъ, Ордынъ-Нащокинъ по дѣтски понимали національные интересы своего времени? Программа русско-литовскихъ отношеній была выработана этими дѣятелями, и Екатеринѣ II только оставалось ее выполнить; балтійскій вопросъ давно уже назрѣлъ въ сознаніи русскаго общества, когда великій Петръ принялся за его осуществленіе. Идея народной цѣльности точно также крѣпко овладѣла людьми XVI—XVII вѣковъ; только она могла породить и отыскать тѣ силы, которыя сберегли Русскую землю отъ общей распатанности въ тяжелую годину страшнаго Лихолѣтья. Всякій признаетъ, что по силѣ національнаго подъема 1612 годъ не только не ниже, но и выше, величавѣе 1812-го. Въ то же время растетъ и крѣпнетъ идея о Москвѣ — третьемъ Римѣ, что̀ неизбѣжно выдвигало насъ въ сферу болѣе широкихъ національныхъ представленій.

Итакъ эпоха Петра Великаго не есть какой-нибудь водораздѣлъ, рѣзко отдѣляющій двѣ совершенно различныхъ системы. Нѣтъ! И до нея, и послѣ нея мы видимъ одно теченіе однѣхъ и тѣхъ же водъ. Только раньше это были ручьи, когда робкіе (въ сферѣ культурной), когда достаточно сильные и полноводные (въ сферѣ международныхъ отношеній), подчасъ еще только отыскивающіе свое русло, пробивающіе новую дорогу, но уже всегда позво-

ляющіе опредѣлить характеръ будущаго теченія. Теперь они естественно слились въ одну большую рѣку, — и впечатлѣніе само собою выигрываетъ въ силѣ, а для нѣкоторыхъ даже и въ неожиданности. Только этою неожиданностью да трудностью услѣдить всѣ связующія нити и объясняется господствующее представленіе о преимущественно качественной, а не количественной разницѣ XVII и XVIII вѣковъ.

Но гдѣ же въ такомъ случаѣ слѣдуетъ искать истока этихъ ручьевъ? Откуда берутъ они свое начало? Давно уже ищутъ ихъ на всемъ пространствѣ XVII столѣтія, а за послѣднее время начало новаго періода русской исторіи всего охотнѣе возводятъ къ воцаренію Дома Романовыхъ, къ прекращенію Смуты.

Еще въ прошломъ столѣтіи славный нашъ исторіографъ Г. Ф. Миллеръ писалъ: «на исторію Ѳедора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ. Только въ Западной Европѣ это царствованіе осталось весьма мало извѣстнымъ. Исторія должна справедливо судить о всякомъ государѣ, и съ благодарностію замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго»[1]). Соловьевъ прямо относилъ царствованіе Ѳедора Алексѣевича къ эпохѣ преобразованій[2]); Кавелинъ уже въ сороковыхъ годахъ настаивалъ на внутренней связи между Россіею XVII вѣка и временемъ Петра Великаго[3]); послѣ него еще рѣшительнѣе развивалъ эту мысль Горскій[4]); послѣдній періодъ русскаго законодательства и *внутренней народной жизни* Бѣляевъ велъ отъ царя Алексѣя[5]); В. И. Сергѣевичъ эту связь Петровской эпохи съ прошлымъ проводитъ еще далѣе[6]); да и А. Г. Брикнеръ въ своемъ

1) Е. Е. Замысловскій, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, часть I, стр. 08.

2) Исторія Россіи, томъ XIII.

3) Сочиненія, I, 371.

4) Объ историческомъ значеніи царствованія Алексѣя Михаиловича. Казань 1857, стр. 4—6.

5) Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М. 1879, стр. 5.

6) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб. 1883, стр. 43—60.

послѣднемъ трудѣ считаетъ возможнымъ прослѣдить «европеизацію» Россіи на всемъ протяженіи XVII вѣка[1]). Убѣжденіе, что Петръ имѣлъ своихъ *предшественниковъ*, нерѣдко заставляло нашихъ историковъ именно съ этой точки зрѣнія изучать явленія XVII вѣка[2]). Если не ошибаемся, впервые Е. Е. Замысловскій призналъ наиболѣе основательнымъ «начинать съ царствованія Михаила Ѳедоровича новую исторію Россіи и гранью между древнею и новою Россіею считать Смутное время»[3]). Наконецъ, въ самое послѣднее время Д. И. Иловайскій высказалъ ту же мысль, именно, что древнюю Русь отъ новой отдѣляетъ «бурный переломъ въ русской политической жизни, извѣстный подъ именемъ Смутнаго времени»[4]).

Съ своей стороны мы считали бы возможнымъ отодвинуть эту грань еще на цѣлое столѣтіе назадъ. Ничего не значитъ, что старина слышится въ XVI вѣкѣ повсюду: и въ формахъ государственной жизни, и въ формахъ общественной; въ дружинномъ боярствѣ, въ опричнинѣ, въ остаткахъ удѣльнаго и вотчиннаго строя, въ крѣпкой связи съ татарскимъ востокомъ, въ патріархальной неопредѣленности отношеній сословныхъ, въ невыработанности правоваго начала...

Необходимо отрѣшиться отъ обычнаго, но неправильнаго пониманія такихъ выраженій, какъ водораздѣлъ, грань, рубежъ и имъ подобныя, и помнить, что смыслъ ихъ въ примѣненіи къ явленіямъ историческимъ весьма условный. Въ жизни живаго существа не можетъ быть такой грани, которая бы оборвала всѣ нити прошлаго, а по другую сторону себя дала бы жизнь новымъ, съ тѣми органически не связаннымъ. Грань историческая — это двуликій Янусъ, одновременно глядящій и взадъ, и впередъ; не узкая линія, а широкая полоса, та переходная эпоха,

1) Die Europäisirung Russlands. Land und Volk. Gotha. 1888.

2) В. С. Иконниковъ, Предшественники Петровской реформы. I. ближній бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Спб. 1883 (оттискъ изъ Русской Старины 1883, №№ 10, 11).

3) Царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Часть I, стр. 074.

4) Исторія Россіи, т. III, предисловіе.

гдѣ сходятся явленія прошлаго и будущаго, гдѣ хотя старое подчасъ и проявляетъ еще большую живучесть, а новое дѣйствуетъ неувѣренно, но смерть отживающаго начала и торжество молодаго лишь одинъ вопросъ времени. Вспомнимъ завѣтъ великаго историка: «не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять начала, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время» [1]).

Въ эпохѣ Петра Великаго обыкновенно отличаютъ двѣ стороны: реформу международнаго положенія и реформу внутреннюю, культурную. Но значеніе послѣдней всегда особенно подчеркивалось въ ущербъ первой. Конечно, нельзя было забыть цѣнныхъ результатовъ Полтавской побѣды, закрыть глаза на послѣдствія Ништадтскаго мира; но все же Петръ I охотнѣе рисовался въ нашемъ воображеніи, какъ работникъ, наставникъ и просвѣтитель своего народа, организаторъ арміи, флота, управленія, промышленности, финансовъ . . . Точно такъ же и тѣ, кто въ XVII вѣкѣ видѣлъ подготовительную эпоху, «предшественниковъ» Петра, — эту подготовку сводили главнымъ образомъ къ сознанію недостатковъ *внутренняго* строя Россіи. Такимъ образомъ реформа международная какъ-то ступевывалась, а вслѣдствіе этого и впечатлѣніе получалось одностороннее.

Между тѣмъ въ этой *внѣшней* политикѣ и былъ прежде всего источникъ движенія, превратившаго «старую» Россію въ Россію «новую». Дѣло въ томъ, что задачи международныя прежде и больше всего вызвали сознаніе и другихъ потребностей, именно, культурныхъ: реформъ въ области народнаго хозяйства, финансовъ, организаціи войска, управленія, образованія и. т. п., и особенно содѣйствовали въ принятомъ рѣшеніи: ускорить по-

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I (М. 1851), предисловіе, стр. V.

сильное ихъ осуществленіе. Такимъ образомъ начало Новой Россіи слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ начинается международная жизнь нашего отечества. А началась она для насъ съ XVI столѣтія. Вотъ основанія, почему на рубежѣ XV и XVI вѣковъ мы предпочитаемъ ставить вышеозначенную грань.

Выставляя такое положеніе, мы нисколько не думаемъ ослаблять великаго значенія Петровской эпохи и ничего не возразили бы даже противъ того, чтобъ XVI-му и XVII-му вѣкамъ, если кто пожелаетъ на этомъ настаивать, усвоено было названіе *подготовительнаго* періода: при нормальномъ ходѣ жизни все предшествующее *подготовляетъ* и ничто изъ послѣдующаго не можетъ явиться, не имѣя корней въ прошломъ. Дѣло не въ названіи. Но уже если непремѣнно искать такихъ рубежей, то не слѣдуетъ опасаться ставить ихъ даже и тамъ, гдѣ соотвѣтствующіе признаки едва только успѣли пробиться, едва только намѣчены. Какъ бы ни были они слабы и молоды, какъ бы повидимому старая жизнь ни била еще полнымъ и сильнымъ ключемъ, но новый голосъ уже послышался, новый путь обозначился. Обязанность историка отыскать и прослѣдить его въ массѣ враждебныхъ голосовъ, въ хаосѣ противоположныхъ направленій.

Кто привыкъ смотрѣть на Московскую Русь, какъ на «отсталую», тѣ, весьма вѣроятно, признаютъ только что сдѣланный выводъ черезчуръ смѣлымъ, если не парадоксальнымъ. Но стóитъ лишь внимательнѣе проанализировать эту пресловутую «отсталость», чтобъ признать, что въ обыденномъ пониманіи этого выраженія есть много узкаго, односторонняго и прямо не вѣрнаго.

Пока рѣчь идетъ о необразованности русскихъ людей XVI и XVII вв., о несовершенствахъ военнаго и административнаго строя, о бѣдности и ничтожествѣ матеріальныхъ средствъ, то мы, очевидно, стоимъ на почвѣ вполнѣ устойчивой; но лишь только тогдашняя Россія начнетъ рисоваться въ нашихъ глазахъ страною азіатскою, чуждою европейскихъ интересовъ, изолирован-

ною, стоящею внѣ общаго теченія европейской жизни, въ пассивномъ ожиданіи той минуты, когда придетъ великій Петръ и могучею рукою вдвинетъ ее въ водоворотъ этой жизни, — тогда мы сразу попадаемъ въ противорѣчіе съ фактами и законами историческаго развитія.

Общность происхожденія и религіозныхъ основъ, преподанныхъ христіанствомъ; единовременность вступленія на историческое поприще, — ибо разница во времени слишкомъ ничтожна, чтобъ въ данномъ случаѣ стоило принимать ее въ расчетъ, — кромѣ того, географическое положеніе, — ибо восточная часть Европейскаго материка неразрывно связана съ западною ея половиною, — все это поставило русскую народность лицомъ къ лицу съ ея европейскими собратьями и неотразимо намѣтило взаимодѣйствіе ихъ исторической жизни. Можно говорить о болѣе тѣсной связи германо-романскихъ государствъ между собою; о болѣе крѣпкихъ религіозныхъ узахъ, созданныхъ для нихъ католичествомъ; можно утверждать, что наслѣдіе древняго Рима полнѣе ими воспринято и. т. п., — но все это уже будутъ однѣ детали, не измѣняющія сущности самаго дѣла, — два разныхъ побѣга, но всегда одного и того же корня.

Такъ называемые средніе вѣка были для европейскихъ народовъ періодомъ подготовительнымъ, временемъ домашнихъ интересовъ, первоначальнаго образованія, — пора гражданскаго несовершеннолѣтія, когда каждый жилъ про себя, въ своемъ углу... Если германскіе императоры и стремились постоянно къ завоеванію Италіи, то ихъ походы вытекали изъ чисто средневѣковой идеи единства недробимости наслѣдія Карла Великаго, идеи, шедшей прямо въ разрѣзъ съ идеалами новыхъ вѣковъ, мечтавшихъ о самостоятельныхъ національныхъ государствахъ. Точно также и Столѣтняя война англичанъ съ французами есть феодальная борьба вассала съ сюзереномъ: не національно-государственные интересы ее породили, но сами они могли народиться и стать сознанными только черезъ эту войну. Крестовые походы, конечно, событіе общее для всей Западной Европы; но не даромъ

мы привыкли видѣть въ нихъ явленіе спеціально средневѣковое, чуждое соображеніямъ позднѣйшихъ вѣковъ. Въ средніе вѣка Европа не знала *государствъ*, а потому въ ней не могло быть мѣста и для *европейскихъ державъ*.

Но вотъ пробилъ часъ, и во второй половинѣ XV-го столѣтія Европа отпраздновала свое вступленіе въ гражданскую жизнь съ ея правами и многотрудными обязанностями. Появленіе *государствъ* неизбѣжно обусловливало и образованіе изъ нихъ *державъ европейскихъ*. Изъ отдѣльныхъ ячеекъ Европа превратилась въ сложный организмъ; вмѣсто механической мозаики явились члены цѣльнаго и живаго существа. При такихъ условіяхъ всѣ эти части непремѣнно двигаются сообща, изолированность недопустима, ибо одинъ изъ органовъ своимъ движеніемъ неизбѣжно увлекаетъ и остальные. Рѣчь можетъ итти только о болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, о лучше подготовленныхъ, о томъ, на сколько извѣстный органъ овладѣлъ необходимыми знаніями, о томъ, кто дѣйствуетъ изъ нихъ активнѣе, кто пассивнѣе; — но какъ государства, какъ части великаго цѣлаго — Европы — всѣ эти народности уже и теперь вступаютъ на путь широкаго международнаго общенія. Короче говоря, неодинаковы могутъ быть *средства*, способы достиженія цѣлей; но самыя цѣли, самыя задачи рисуются и понимаются болѣе или менѣе одинаково.

Не даромъ конецъ XV-го столѣтія выдвигаетъ повсюду однообразные типы. Генрихъ VII Тюдоръ и Людовикъ XI французскій, Фердинандъ Католикъ и нашъ Иванъ III точно вылиты изъ одной формы. И тамъ, и здѣсь, очевидно, повѣяло новымъ воздухомъ. Уничтожаются феоды и удѣлы, прекращаются вотчинныя владѣнія и возникаютъ *государства* съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ они существуютъ и понынѣ. Пусть не вездѣ новая программа одержитъ верхъ, пусть Италія съ Германіей еще въ теченіе четырехъ столѣтій напоминаетъ, каждая, не столько государство, сколько конгломератъ территорій частновладѣльческаго характера; но въ высшей степени важно то, что самая про-

грамма пыталась утверждаться и въ этихъ странахъ. Въ этомъ отношеніи Сикстъ V и Макіавелли, Фридрихъ III и Максиміліанъ I имѣютъ полное право быть занесены въ категорію вышепоименованныхъ государей.

Начатую аналогію можно провести и дальше. Почему идеалъ царской власти импозантнѣе непремѣнно у Филиппа II испанскаго, а не у его современника, Ивана Грознаго? Князь Андрей Курбскій охотно пожалъ бы руку дюкъ де Бурбону, знаменитому сопернику Франциска I. Не даромъ во Франціи Генрихъ IV, Ришелье и Мазарини; въ Россіи — всѣ государи XVI-го вѣка ведутъ такую упорную борьбу: одни съ дворянствомъ, другіе — съ боярствомъ. Одинаковыя причины всюду вызываютъ и одинаковыя слѣдствія. Увеличеніе налоговъ, реорганизація войска, осложненіе администраціи — характерныя черты равно для запада и для востока Европы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Повторяемъ, разница заключается во времени достиженія, въ большей или меньшей легкости, умѣньи и успѣхѣ, но отнюдь не въ сознаніи и не въ потребности.

Вотъ почему, говоря объ «отсталости» до-Петровской Руси, мы должны помнить, что въ сферѣ международной жизни наше государство съ самаго конца XV или по крайней мѣрѣ начала XVI вѣка идетъ на ряду съ Западною Европою. Гражданская зрѣлость съ его юридическою правоспособностію наступила въ одно и то же время для всѣхъ, какъ для француза, такъ и для русскаго, какъ для шведа, такъ и для испанца. Если въ Западной Европѣ борьба за обладаніе Италіею выдвигаетъ вопросъ о политическомъ равновѣсіи, этомъ характерномъ явленіи новыхъ вѣковъ, то и на востокѣ вопросъ Ливонскій представляетъ жизненный интересъ для цѣлой группы сосѣднихъ государствъ; если у нашихъ собратьевъ въ ту пору впервые возникаютъ политическіе союзы на самыхъ широкихъ основаніяхъ, то время Грозного позволяетъ утверждать, что и русскому человѣку не чуждо было пониманіе таковыхъ комбинацій; если тамъ вопросы политическіе тѣсно переплетены съ вопросами религіозными, и въ

борьбѣ Филиппа II съ Елизаветою англійскою не всегда опредѣлишь, гдѣ оканчиваются интересы церкви и начинаются интересы государства, подобно тому какъ Густавъ Ваза съ преемниками заботу объ утвержденіи Лютерова ученія всегда раздѣлялъ съ заботой о превращеніи Балтійскаго моря въ Шведское озеро; — то вѣдь и у насъ вопросъ польско-литовскій одинаково развился въ распрю племенную и религіозную: не даромъ же рядомъ съ уніей Люблинскою возникаетъ и Брестская. Не забудемъ, что успѣхи Ивана Грознаго на востокѣ запечатлѣны характеромъ борьбы съ *басурманами*, иновѣрцами.

Смущеніе, произведенное въ Европѣ союзомъ христіаннѣйшаго короля Франциска I съ магометанскимъ султаномъ противъ своего же собрата по вѣрѣ, германскаго императора, не помѣшало однако ему состояться; католическій король Генрихъ II вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ протестантомъ Морицемъ Саксонскимъ противъ своихъ единовѣрцевъ въ Германіи; то же самое, только еще беззастѣнчивѣе и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, дѣлаетъ кардиналъ Ришелье, одинъ изъ столповъ Римской церкви. Политика беретъ верхъ надъ религіей. У насъ то же самое. Иванъ III дружитъ съ Менгли-Гиреемъ; помощь «басурманъ»-крымцевъ въ борьбѣ съ поляками всегда принималась охотно; латинская церковь громится въ проповѣдяхъ и литературныхъ произведеніяхъ, но это не мѣшало пользоваться ея услугами въ дѣлахъ государственныхъ, какъ показываетъ исторія съ Поссевиномъ. Если у насъ подобные факты блѣднѣе и рѣже, то только потому, что «басурмане» были въ одно и то же время врагами и религіозными, и политическими.

Но вступленіе Европы на поприще новыхъ отношеній проявилось не только въ сферѣ тѣсно-политической, государственной или культурной; а и, кромѣ того, на почвѣ экономическихъ интересовъ. Постоянныя арміи, продолжительныя войны, дорого стоящая администрація вызываютъ усиленные налоги, подати, пошлины; деньги пріобрѣтаютъ небывалое до тѣхъ поръ значеніе; промышленность и обусловленная ею торговля становятся

важнымъ факторомъ въ положеніи любой народности; открытіе новыхъ странъ и земель, заведеніе обширныхъ колоній, очевидно, было дѣломъ не одной только предпріимчивости и кипучихъ силъ, искавшихъ себѣ примѣненія. И если Россія, отброшенная судьбою въ глубь материка, не могла создать своихъ Колумбовъ, Діацовъ, Каботовъ и Дэвисовъ, если здѣсь роль ея пассивная (вспомнимъ наши отношенія къ англичанамъ въ царствованіе Ивана Грознаго), то именно эта зависимость и побуждала насъ расчищать себѣ дорогу и, пробиваясь къ Балтійскому морю, завоевывать тамъ свое право активнаго участія въ экономической жизни Европы.

Что же собственно втягивало Россію XVI-го вѣка въ общее теченіе европейской жизни? Съ какимъ обликомъ, съ какими индивидуальными чертами вступала она въ семью европейскихъ народовъ?

Время Ивана III и его преемника было крупнымъ переломомъ въ русской жизни. Россія впервые почувствовала себя государственнымъ тѣломъ, чѣмъ-то единымъ, крѣпкимъ, а не прежнимъ разорваннымъ на части существомъ. Паденіе монгольскаго ига съ политическою свободою принесло чувство самодостоинства, самоуваженія; законченный процессъ объединенія сѣверо-восточныхъ удѣловъ съ фактическимъ увеличеніемъ власти — чувство единства и солидарности, сознаніе своего *Я*. Вся дѣятельность государственной машины носитъ теперь болѣе величавый характеръ; государственное начало стремится замѣнить собою вотчинное; вольная дружина превращается въ слугъ государевыхъ; духовенство въ лицѣ Іосифа Волоцкаго и его единомышленниковъ энергически поддерживаетъ новые идеалы. Личности самого Ивана III, его сына и тѣмъ болѣе внука проникнуты сознаніемъ своего царственнаго величія. Успѣхъ въ борьбѣ съ татарами не ограничивается отказомъ платить дань: внукъ великаго князя Ивана Васильевича громитъ Казанское царство и изъ состоянія обороны переходитъ въ наступленіе. Вспомнимъ превосходную оцѣнку значенія этого событія, сдѣланную С. М. Соловьевымъ.

«Надобно перенестись въ XVI вѣкъ», — говоритъ знаменитый нашъ историкъ, — «чтобъ понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: *завоевано Татарское царство!*» Послѣ долгихъ лѣтъ униженія Грозный какъ-бы вернулъ Русскую землю къ счастливой порѣ первыхъ князей героевъ, завоевывавшихъ ей чуждыя страны. Казанскій походъ нашелъ живой и сочувственный отголосокъ въ сердцахъ современниковъ: «завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка»[1]).

Не менѣе, если не болѣе важнымъ факторомъ въ развитіи русскаго національнаго самосознанія была Флорентинская унія. Чѣмъ авторитетнѣе стояла византійская церковь въ глазахъ русскаго народа, чѣмъ, повидимому, устойчивѣе былъ весь престижъ ея, тѣмъ болѣе ошеломляющее дѣйствіе произвело на нашихъ предковъ извѣстіе о соглашеніи грековъ съ Римскимъ первосвященникомъ. Тѣ, на кого привыкли смотрѣть какъ на своихъ наставниковъ, какъ на своихъ руководителей, слѣпо и безусловно довѣряться ихъ слову — они впали вдругъ въ ересь, отступили отъ православія! Авторитетъ византійской церкви былъ подорванъ въ конецъ, и поверженный кумиръ разъ на всегда сошелъ со своего пьедестала. Послѣдовавшее вскорѣ за Уніей паденіе Константинополя окончательно укрѣпило русскихъ въ новыхъ представленіяхъ. Это Богъ попустилъ нечестивыхъ агарянъ покарать грековъ за ихъ отступничество. Константинополь погибъ за свои грѣхи...

Но что такое былъ самъ этотъ Константинополь? Ему выпала на долю завидная судьба стать выразителемъ великой идеи — православнаго христіанства. Это былъ сосудъ, въ которомъ хранилось великое содержаніе. Царьградъ былъ опорою, столпомъ христіанства, подобно тому какъ раньше имъ былъ итальянскій Римъ, пока не отпалъ въ латинскую ересь. Такъ раз-

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, изд. 4-е, стр. 98—99.

суждали православные люди. Теперь этотъ *столпъ, этотъ второй* Римъ палъ. Но изъ за того что сосудъ разбился, *должно ли изсяк*нуть и его содержаніе? Неужели Богъ попуститъ исчезнуть съ земли истинной вѣрѣ и восторжествовать *латинянамъ, из*маильтянамъ?... Религіозное чувство русскаго человѣка, разумѣется, должно было подсказать отрицательный отвѣтъ. Правая вѣра — вѣчная, неумирающая; изсякнетъ она — тогда и міру наступитъ конецъ.

Но гдѣ же въ такомъ случаѣ найти этотъ новый сосудъ? Кто явится въ великой роли защитника православія? Осматриваясь вокругъ себя, наши предки не находили въ подлунномъ мірѣ иного народа, какъ русскій, иного государства, какъ Московское, достойнаго нести это почетное знамя. Не сербамъ же, не болгарамъ, признавшимъ иго султанское, претендовать на такую почетную роль. Среди православныхъ нѣтъ другого народа, кромѣ русскаго, столь мощнаго, независимаго, столь благовѣрнаго; недавнее освобожденіе отъ ига татарскаго, уничтоженіе удѣловъ наглядно свидѣтельствовало о народившейся силѣ и убѣдительно говорило въ пользу такого мнѣнія. Однако еще не достаточно было стать сильнымъ, довольствоваться однимъ констатированіемъ факта, — требовалось и оправдать этотъ фактъ, дать ему теоретически-правовую подкладку. Бракъ Ивана III съ Софіею Палеологъ освящаетъ притязанія Московскаго государства на великое наслѣдство; легенда о бармахъ и Мономаховомъ вѣнцѣ пытается эти наслѣдственные права вывести изъ сферы случайныхъ явленій; а другая легенда, сложившаяся о ту же пору, генеалогически производя основателя Русскаго государства, Рюрика, отъ Прусса, брата Августа, основателя Римской имперіи, — даетъ этимъ притязаніямъ новое обоснованіе, новую устойчивость. Такъ сложилось представленіе о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, какъ о наслѣдницѣ Византійской имперіи; о русскихъ князьяхъ — какъ независимыхъ, могущественныхъ и полноправныхъ.

При такомъ взглядѣ на самого себя, могъ ли московскій

государь довольствоваться простымъ титуломъ великаго князя? Разъ онъ сталъ носителемъ лучшей, самой высокой, самой идеальной, можно сказать, святой идеи — православія — то уже по одному этому становился не только независимымъ, но и во главѣ всѣхъ другихъ владыкъ міра. Титулъ великаго князя слишкомъ отзывался эпохою татарскаго владычества, удѣльнаго безсилія, вѣчевого своеволія. Его долженъ смѣнить другой титулъ, — царя. А царь — это то же, что императоръ, то есть, единственный верховный владыка, недопускающій подлѣ себя равноправныхъ совмѣстниковъ. Ибо по тогдашнимъ воззрѣніямъ единовременно могъ быть только одинъ настоящій законный императоръ, какъ была одна законная христіанская вѣра.

Поэтому-то принятіе царской короны Иваномъ Грознымъ, соединенное съ торжественнымъ актомъ священнаго помазанія, было только внѣшнимъ выраженіемъ давно назрѣвшихъ представленій. Уже Василій Темный отбрасываетъ въ договорныхъ грамотахъ прежнее выраженіе: «по благословенію отца нашего митрополита» и замѣняетъ его словами: «Божіею милостію и Пречистыя Богоматери»; онъ, очевидно, считаетъ себя въ правѣ поступить такъ, тѣмъ болѣе, что уже и отецъ его дѣлалъ шаги, правда, робкіе, въ этомъ же направленіи[1]). Иванъ III, породнившись съ династіею Палеологовъ, принимаетъ византійскій гербъ; вѣнчаетъ своего внука Димитрія царскимъ вѣнцомъ... Надо думать, что эпитеты «царя», «христіанскаго», «боголюбиваго», «Богомъ утвержденнаго», приложенные къ Ивану архіепископомъ Вассіаномъ и разсѣянные въ извѣстномъ его посланіи на рѣку Угру, не звучали анахронизмомъ для современниковъ[2]). Въ сношеніяхъ съ Ревелемъ, Любекомъ, магистрами Ливонскимъ и Прусскимъ Иванъ III титулуетъ себя: «Божіею милостію царь всея Руси» или «государь великій царь всея Руси»;

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, IV, изд. 4-е, стр. 166.
2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. VIII, стр. 207—213.

въ сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціей: «Божіею милостію единъ правый государь всея Руси», а въ сношеніяхъ съ Литвою съ 1493 года — «Божіею милостію государь всея Руси»[1]). Онъ же, Иванъ III, первый изъ московскихъ князей оффиціально принялъ и званіе «самодержца»[2]). Сынъ византійской царевны, Василій III, еще болѣе окрѣпъ въ новыхъ понятіяхъ. Вспомнимъ отзывъ барона Герберштейна объ этомъ государѣ[3]). Титулъ царя практикуется Василіемъ Ивановичемъ гораздо чаще, чѣмъ при его предшественникѣ[4]). Самъ германскій императоръ признаетъ за нимъ права на равное съ собой положеніе и величаетъ Василія «Божіею милостію цесаремъ и обладателемъ всероссійскимъ»[5]). Новое содержаніе ищетъ соотвѣтствующихъ формъ и обрѣтаетъ ихъ въ 1547 году въ торжественномъ коронованіи Ивана Васильевича Грознаго.

Вотъ почему безусловно справедливою кажется намъ мысль М. А. Дьяконова о томъ, что «мнѣнія Грознаго о царскомъ достоинствѣ, о правахъ и обязанностяхъ государя слагались уже

---

1) М. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 134.

2) Указанія на это собраны въ только что указанной книгѣ М. А. Дьяконова, стр. 135.

3) «Властью, которую имѣетъ надъ своими, онъ превосходитъ едва-ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра.... Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей, потому они даже называютъ его Божьимъ ключникомъ и постельникомъ, и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли Божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, — обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь (Переводъ Анонимова, стр. 26, 28. Cf. Starczewski, Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, tom. I, pag. 11, 12).

4) Дьяконовъ, стр. 136.

5) Въ знаменитой грамотѣ 1514 года. Памятники дипломатич. сношеній, т. I, столбецъ 1504.

по готовымъ образцамъ, и ему не пришлось прибавить ничего новаго къ готовымъ теоріямъ»[1]); а потому необходимо отказаться отъ мнѣнія С. М. Соловьева, будто бы «Иванъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически»[2]). Иванъ Грозный далъ только законченную форму идеѣ, уже готовой и вполнѣ сложившейся.

Ставши «царствомъ», могла ли Русская земля сохранить прежнія свои зависимыя отношенія къ константинопольскому патріархату? Очевидно, нѣтъ. Слуга султана, несвободный въ своихъ поступкахъ, патріархъ не могъ внушать къ себѣ ни прежняго довѣрія, ни прежняго уваженія. Сами греки искали теперь у русскихъ защиты отъ притѣсненій турецкихъ, прибѣгали къ помощи матеріальной въ своихъ нуждахъ и бѣдности. Сюда присоединились и нравственные результаты Флорентинской уніи. Параллельно съ легендами о происхожденіи Рюрика изъ Пруссъ и Мономаховыхъ регаліяхъ, возникаютъ другія, на почвѣ церковной: о бѣломъ клобукѣ, о путешествіи апостола Андрея по русской землѣ и водруженіи имъ креста на горахъ Кіевскихъ . . .

Учрежденіе патріаршества такимъ образомъ было неизбѣжнымъ и логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго. 1547-й и 1589-й годъ — это два неразрывныхъ звена въ длинной цѣпи развитія русскаго національнаго самосознанія[3]).

Но новое положеніе влечетъ за собою и новыя обязанности. Наслѣдникъ византійскаго императора, столпъ православія, первый по силѣ и независимости государь славянскій, — можетъ ли онъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ торжества иновѣрцевъ,

---

1) Власть Московскихъ государей, стр. 138.

2) Исторія Россіи, VI, изд. 4-е, стр. 40.

3) Напомнимъ, что и въ единоплеменной Сербіи Стефанъ Душанъ, ставши «басилевсомъ», не счелъ возможнымъ сохранить прежнія отношенія къ византійской церкви и основалъ въ своемъ государствѣ независимый патріархатъ.

не обязанъ-ли онъ схватиться за мечъ и направить его туда, гдѣ этому православію, этому славянству грозитъ опасность?

По сосѣдству, въ родной землѣ, населенной единовѣрными родными братьями утвердился латинскій крыжъ. То была пора католической реакціи во всей Европѣ, моментъ усиленной дѣятельности іезуитскаго ордена, тогда еще полнаго молодыхъ, свѣжихъ силъ, богатаго энергичными борцами, и эта пора придала латинской церкви въ литовско-русскихъ областяхъ особенно воинствующій, наступательный характеръ. Такъ возникъ вопросъ о «возвращеніи западно-русскихъ областей», печальный «споръ славянъ между собою», продолжавшійся цѣлыхъ три вѣка и окончившійся политическою смертью одного изъ соперниковъ. Раньше борьба московскихъ князей съ литовскими носила характеръ чисто мѣстной вражды за удѣлы, заботы о расширеніи своей отчины. Истинно государственный смыслъ борьбы національной и религіозной получила она только съ Ивана III и его сына и сохраняла его вплоть до конца.

Но русскій мечъ могъ пригодиться еще и въ другомъ мѣстѣ. На далекомъ Балканскомъ полуостровѣ православный крестъ попирался магометанскимъ полумѣсяцемъ. Разумѣется, борьба съ Турецкой имперіею пока еще была немыслима; далекаго врага отдѣляли въ ту пору не только Черное море, а и Крымскія степи; чтобы придвинуться къ нему, Россіи придется переждать еще не одно поколѣніе. Къ тому же на очереди стояли другіе, болѣе неотложные вопросы, польскій и крымскій. Если первый, какъ мы сейчасъ видѣли, всецѣло вытекалъ изъ новой программы, начертанной самою жизнью для русскаго народа, то второй былъ навязчивымъ наслѣдіемъ, продолженіемъ той безконечной борьбы со степными народами, начало которой приходится искать за предѣлами нашей исторіи. Какъ впрочемъ ни отвлекалось русское общество и правительство дѣлами крымскими и польскими, тѣмъ не менѣе уже и въ XVI вѣкѣ мы можемъ отмѣтить зарожденіе того вопроса, которому впослѣдствіи усвоятъ спеціальное

названіе *восточнаго*. Страстное, никогда не умиравшее желаніе освободиться отъ ига заставляло православные народы Балканскаго полуострова отыскивать себѣ освободителей, и взоры ихъ давно уже съ надеждою обращались къ могущественной Москвѣ. Не успѣлъ Грозный принять царскаго титула, какъ греки шлютъ русскому государю просьбу о защитѣ. «Представленіе о московскомъ царѣ, какъ предназначенномъ овладѣть съ теченіемъ времени наслѣдіемъ великаго Константина, какъ объ имѣющемъ освободить всѣ православные народы отъ рукъ злочестивыхъ, все болѣе укоренялось на востокѣ, пока наконецъ», — говоритъ Н. Ѳ. Каптеревъ, — «не сдѣлалось общимъ вѣрованіемъ, народнымъ убѣжденіемъ». Мало по малу среди покоренныхъ турками православныхъ народностей «сложилось и окончательно укоренилось убѣжденіе, что московскій царь есть покровитель и защитникъ всѣхъ православныхъ народовъ и что ему именно предназначено свыше освободить ихъ изъ рукъ невѣрныхъ»[1]). Не только порабощенный востокъ, но и «нѣкоторые изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ и подчиненіемъ Византійской имперіи, ищутъ теперь покровительства у московскаго государя, къ которому выражаютъ желаніе стать въ тѣ же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византіи. Таковы были сербскій деспотъ Іоаннъ и артскій деспотъ Карлъ[2]). Царь Кахетіи Александръ величаетъ еще въ 1491 году вел. князя Московскаго «христіанскою надеждою», а себя его «холопомъ»; одинъ же изъ его преемниковъ, Леонъ, былъ принятъ въ 1564 году Иваномъ Грознымъ «подъ царскую руку во оборону для православные христіанскіе вѣры»[3]).

Итакъ XVI вѣкъ въ связи съ ростомъ національнаго само-

---

1) Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 249—250.

2) Дьяконовъ, Власть Московскихъ государей, стр. 89—90.

3) А. Бѣлокуровъ, Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Чтенія Моск. Общ. Исторіи Древн. Росс. 1888, кн. III, стр. XXI, LXXXIV.

сознанія породилъ двѣ новыхъ задачи, польскую и турецкую, получивъ отъ своего предшественника въ наслѣдство еще третью, неразрѣшенную, — именно крымскую.

Но осуществленіе всѣхъ этихъ цѣлей требовало новыхъ средствъ, новыхъ орудій! Ни организація, ни культура древней Руси не соотвѣтствовала времени. Приходилось искать, даже завоевывать, силою брать эти средства у болѣе культурнаго Запада. Войско, финансы, промышленность, образованіе — вотъ въ чемъ сталъ ощущаться особенный недостатокъ. А это въ свою очередь породило новый насущный вопросъ XVI вѣка — вопросъ Балтійскій. Утвержденіе на берегахъ Балтійскаго моря должно было обезпечить наши мирнокультурныя сношенія съ сосѣдями, близкими и отдаленными, и въ то же время предохранить себя отъ ихъ враждебныхъ поступковъ.

Но возможно ли было точно разграничить эти три сферы, крымско-турецкую, польскую и балтійскую? Въ борьбѣ Россіи съ Крымомъ Польша не можетъ остаться безучастною зрительницею. Она или направляетъ степь, какъ орудіе въ борьбѣ своей съ Русью, или совмѣстно съ послѣднею идетъ на нее войною. Не забудемъ, что кандидатура Грознаго на польско-литовскій престолъ считала за собою однимъ шансомъ больше между прочимъ и потому, что тогда на татаръ можно было бы пойти соединенными силами обоихъ государствъ[1]). Съ другой стороны борьба съ Ливонскимъ Орденомъ превращается для Ивана Грознаго и его преемниковъ въ войну на два фронта: со Швеціей и съ Польшею. Отнюдь не безучастно слѣдитъ за развитіемъ Балтійскаго вопроса и Германія. Торговыя сношенія Россіи съ Англіею и Голландіею вызываютъ отпоръ заинтересованныхъ сосѣднихъ государствъ. Въ то же время широкіе планы Римскаго престола, неутомимо работавшаго надъ организаціей антиоттоманской лиги, привлекаютъ къ общему участію и отдаленную Русь, создавая новое звено въ отношеніяхъ послѣдней къ Германіи и особенно

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, изд. 4-е, стр. 278.

Польшѣ. Грандіозные проекты соединенія церквей на общемъ фонѣ католической реакціи, наступившей послѣ Аугсбургскаго религіознаго мира, меньше чѣмъ когда нибудь позволяли нашимъ предкамъ держаться въ сторонѣ отъ текущихъ явленій[1]).

Такимъ образомъ повсюду замѣчается, какъ Русское государство съ разныхъ сторонъ и разными узлами связываетъ свою жизнь съ жизнью другихъ державъ. Оно вступаетъ въ магическій кругъ международной европейской жизни. Но такая жизнь есть въ сущности борьба за существованіе. Приходится отстаивать свое политическое бытіе, свой духовный обликъ. Орудія для борьбы у Россіи слабы. Чѣмъ борьба становится напряженнѣе, чѣмъ положеніе рискованнѣе, тѣмъ яснѣе сознаніе необходимости выработать и отыскать эти средства для самозащиты и нападенія. XVII вѣкъ вырабáтываетъ это сознаніе, а Петръ Великій разрѣшаетъ и самую задачу. Но слабые проблески и этого сознанія, и самыхъ попытокъ можно найти уже и въ XVI-мъ столѣтіи. Вспомнимъ учрежденіе стрѣлецкихъ полковъ, появленіе иноземнаго войска, нѣмецкой слободы Наливки въ городѣ Москвѣ, торговыя сношенія и съ Западомъ и съ Востокомъ, образовательныя попытки Годунова . . . .

Таковы тѣ основанія, по которымъ мы считаемъ возможнымъ грань между старой и новой Россіею искать на рубежѣ XV и XVI столѣтій. Повторяемъ, мы далеки отъ мысли умалять величавый обликъ и весь широкій размахъ эпохи Петровскихъ преобразованій, охотно видимъ въ XVII вѣкѣ ясно сознанную потребность реформъ; но въ то же время въ интересахъ исторической перспективы считаемъ необходимымъ помнить, что уже XVI-е столѣтіе всецѣло намѣтило ту международную программу, которую послѣдующимъ вѣкамъ оставалось только развивать и

---

1) См. работы отца Павла Пирлинга, особенно послѣднія: Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les slaves. Paris 1887, и: Papes et tsars (1547—1597). Paris 1890. Кромѣ того: Ѳ. И. Успенскій: Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Спб. 1887.

неуклонно ей слѣдовать, — программу, ставшую источникомъ, первымъ побудительнымъ толчкомъ и самого преобразовательнаго движенія. Если эта программа, въ полномъ своемъ объемѣ не выполненная и по сіе время, остается для насъ священнымъ завѣтомъ старины, то мы остаемся въ историческомъ долгу не передъ Алексѣемъ Михайловичемъ, не передъ Петромъ Великимъ, а передъ послѣдними представителями Рюрикова дома.

Того же автора.

Замѣтка объ отношеніяхъ кіевскаго митрополита Евгенія къ Державину до личнаго знакомства съ поэтомъ. Спб. 1887.

Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Спб. 1888.

Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Выпускъ I. Спб. 1888.

О запискахъ Сильвестра Медвѣдева. Спб. 1889.

Петръ Великій въ русской литературѣ (опытъ историко-библіографическаго обзора). Спб. 1889.

Восьмой археологическій съѣздъ (9-го—24-го января 1890 года). Спб. 1890.

Извѣстія Джіованни Тедальди о Россіи временъ Ивана Грознаго. Спб. 1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го Мая 1891 г.

E.F. | Shmurlo

Volgoi i Kamoi

ВОЛГОЙ И КАМОЙ.

(Путевыя впечатлѣнія).

I.

По Николаевской жел. дорогѣ.

Первыя впечатлѣнія.—Итальянская легенда.—«Прямолинейность» Николаевской дороги.—Въ вагонѣ и на вокзалахъ.

Говорится послѣднее «прости», шлется прощальная улыбка, кивокъ головы,—и Петербургъ со всѣмъ его настоящимъ не существуетъ болѣе для васъ. Онъ остался какъ бы въ одномъ только прошедшемъ, настоящее же — это мелькающія будки, березы, казенныя фигуры на платформахъ... Съ первыхъ же минутъ васъ поражаетъ разница въ воздухѣ, въ окружающей обстановкѣ. Вмѣсто пыли и духоты — чистый, освѣжающій вѣтеръ, вмѣсто каменныхъ громадъ—зелень листьевъ и мурава. Становится понятнымъ, почему петербуржецъ лѣтомъ рвется даже сюда, или не зная лучшаго, или не имѣя возможности пользоваться лучшимъ. Вдоль полотна желѣзной дороги онъ понадѣлалъ маленькія дачки, вырылъ прудки, развелъ около нихъ садики, повѣсилъ на балконахъ маркизы. Въ первую минуту вы готовы увлечься этими видами, благодарные уже за то, что дворники перестали мести пыль прямо вамъ въ лицо, а ломовые—давить васъ оглоблями своихъ телѣгъ, но дѣйствительность скоро беретъ свое. Дачки начинаютъ казаться мизерными, садики—пародіей на растительность, а обвислыя маркизы — настоящимъ оскорбленіемъ эстетикѣ. Зелень повсюду бѣдная, мурава рѣдкая и тощая; жиденькія березы, болотистая почва, сѣрая или красная глина

подъ пашней, вырубленный лѣсъ... И какое-то дѣтски-радостное чувство охватываетъ душу при мысли, что день-другой,— и вся эта петербургская мразь останется далеко назади, а сами вы будете лицемъ къ лицу съ настоящей неприкрашенной природой во всемъ ея блескѣ и развитіи...

Но странно! Въ ту же минуту, какъ вы надѣлили петербургскую природу такимъ неизящнымъ эпитетомъ, другое, совсѣмъ противоположное чувство охватываетъ васъ,—чувство любви и уваженія.

Глядя на эту сѣрую глину, на этотъ желтый черноземъ, конечно, никакъ не примѣнишь къ нашей землѣ изящной итальянской легенды объ Адамѣ и Евѣ, легенды, отъ которой такъ и вѣетъ благовоннымъ югомъ. Когда наши прародители покидали рай, то Ева на прощанье сорвала нѣсколько цвѣтковъ. Тучныя зерна пышныхъ растеній предназначила она той благодатной странѣ, которую сочтетъ наиболѣе достойною стать вторымъ райскимъ садомъ. Такою страной оказалась счастливая Riviera. О, какъ, должно быть, далеко мимо нашей родины проходили первые люди! Ни улыбки ласки, ни движенія привѣта не кинули они въ сторону холоднаго сѣвера, и тусклое солнце, не согрѣвая и не радуя, съ тѣхъ поръ цѣлыми вѣками безучастно скользитъ надъ нашей равниной.

Но стала ли отъ этого она хуже,—для насъ по крайней мѣрѣ? Свою родину любимъ ли мы меньше отъ этого? Пускай съ гордой улыбкой проходитъ мимо нея иностранецъ, пускай сторонятся ея неказистаго платья; но она намъ мила, она, наша бѣдная, несогрѣтая, но дорогая родина! Ей наша любовь, наша забота, привѣтъ. Можно съѣздить на югъ, насладиться дарами Rivier'ы; но не жить тамъ всегда.

Эти тощія поля мы взросили своимъ пóтомъ, а въ этихъ мѣднокрасныхъ болотахъ не знаешь, чего больше: проржавѣлой ли воды или крови предковъ, павшихъ въ бою. Подъ знаменами ли Невскаго, съ ополченіемъ ли Довмонта, съ ратью ли Тишайшаго или подъ мощною рукою Великаго — намъ пришлось вынести вѣковую борьбу за право существовать на этихъ болотахъ, на этомъ пескѣ. Здѣсь наша исторія, наше прошлое, и полдневное солнце Италіи не замѣнитъ намъ этихъ земель. Да, если и на югъ, то не навсегда!

А между тѣмъ поѣздъ катитъ да катитъ. Смѣняются названія станцій, смѣняются лица, но самыя эти лица и станціи, всѣ эти вокзалы, будки, подъѣзды и калитки, даже жандармы и сторожа удивительно какъ скроены всѣ на одинъ манеръ. На всякихъ желѣзныхъ дорогахъ это однообразіе до извѣстной степени явленіе общее; но нигдѣ оно не проявляется такъ рѣзко, какъ на Николаевской дорогѣ. Нигдѣ глупое правило—держать пассажировъ взаперти—не выполняется такъ пунктуально, какъ здѣсь; нигдѣ, кажется, кондуктора не держатъ себя такъ начальнически и властно (я не говорю: грубо; грубы они всюду); нигдѣ не чувствуешь себя такъ мало gemüthlich, какъ тутъ. Но за то же и нигдѣ эти черты такъ не идутъ, какъ именно къ Николаевской дорогѣ.

Про нее не подумаешь сказать:

Большая дорога, прямая дорога,
Не мало простора взяла ты у Бога—

не эта мысль приходитъ на умъ. Люди захотѣли все создать и перестроить по одной мѣркѣ, по одному строго опредѣленному шаблону, въ своемъ увлеченіи и гордомъ самозабвеніи они готовы были и самую природу направить по этому пути, забывая, что ихъ пріемъ не только насильственный, но и искажающій. Мысль, возводившая въ идеалъ до возмутительности правильную линію солдатъ, построенныхъ въ одну шеренгу, не могла себѣ представить, чтобъ между двумя столицами, кульминаціонными пунктами правительственной и административной дѣятельности великаго русскаго государства, могъ существовать иной желѣзнодорожный путь, какъ только въ видѣ стрѣлы, летящей по прямому направленію. Приказаніе отдано, и стрѣла дѣйствительно полетѣла. Но за то всѣ эти Новгороды, Валдаи, Торжки, всѣ эти великія историческія имена или крупные, промышленные центры остались внѣ ея полета. Тѣмъ хуже для этихъ пунктовъ! Законъ прямолинейности нельзя же нарушать ради нихъ!

Хочется уйти отъ этихъ впечатлѣній; чтобъ отвлечься, присматриваешься къ составу поѣзда, съ которымъ ѣдешь, но встрѣчаешь тутъ самый избитый, самый опошленный матеріалъ. Воспитанники привиллегированнаго заведенія, прогуливающіеся по рюмочкѣ на каждой станціи, въ вагонахъ гово-

рящіе сальности; дачницы и постоянныя обитательницы станцій, слоняющіяся по дебаркадеру съ цѣлью выставки своихъ шляпокъ, перчатокъ и трэновъ; буфеты черезъ три часа, ни раньше, ни позже, съ угорѣлыми лакеями и безнадежно-мечущимися пассажирами; старыя графини, сѣвшія на непринадлежащія имъ мѣста, и молодой спутникъ ихъ, видящій все свое достоинство въ возможности пригрозить зуботычиной—и надо всѣмъ этимъ флегматичные кондуктора, старыя пристрѣленныя птицы, которыхъ ничѣмъ не удивишь и которые всего болѣе привыкли къ двугривеннымъ, полтинникамъ и рублевкамъ, смотря по минутѣ и обстоятельствамъ.

Водка царитъ повсюду; начинаешь понимать происхожденіе 250-тимилліоннаго дохода съ виннаго акциза. Много пьютъ и за-границей: нѣмецкая барыня пьетъ пиво не за однимъ обѣдомъ; на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ къ стойкѣ съ кружками этого напитка проталкиваются не одни мужчины; въ Италіи тоненькія fiaschetti съ бѣлымъ и краснымъ виномъ проходятъ одинаково, какъ по рукамъ мужчинъ, такъ и по рукамъ дамъ и дѣтей... Но тамъ пиво и вино—питье, утоленіе жажды; а можетъ ли наша всероссійская очищенная служить для этой цѣли?

Рано утромъ на какой-то маленькой станціи вамъ понадобилось чего-нибудь напиться: молока или зельтерской; вы бѣжите къ деревянной будкѣ, изъ-за широкаго отверстія которой сонно смотритъ неприглядная личность. Послѣдняя косо и чуть-ли не удивленно вслушивается въ вопросъ и сухо отвѣчаетъ:

— Нѣту, только водка есть, если хотите.

Приходится бѣжать къ зеленой кадкѣ и зачерпнуть оттуда мутной воды.

Скучно и монотонно. А тутъ, какъ бы въ pendant, эти товарные вагоны цѣлыми сотнями тянутся вдоль пути чуть не у каждой станціи. Красные, глухіе, они загораживаютъ видъ и точно вдавливаютъ васъ въ тѣсный, душный корридоръ безъ просвѣта и выхода. На простаго смертнаго, который смотритъ на вещи не глазами политической экономіи, они дѣйствуютъ раздражительно; и послѣ сутокъ, проведенныхъ на такой дорогѣ, съ облегченнымъ сердцемъ располагаешься въ Рыбинскѣ на американскомъ пароходѣ съ его отдѣльными, просторными каютами. Сознаніе, что ты человѣкъ, что можешь располагать своей личностью, что не стѣсненъ до не-

лочей въ своихъ движеніяхъ, начинаетъ снова возвращаться и какъ бы снова будитъ къ жизни.

II.

Отъ Рыбинска до Нижняго.

Старая Москва въ роли объединяющаго центра.—Примѣръ Рыбинска.—Русскій Drang nach Osten. — Черты великорусскаго типа.—Удѣльный періодъ—лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.—Заснувшій Ярославль.

Рыбинскъ, взятый самъ по себѣ,—заурядный уѣздный городъ съ неизбѣжными неуклюжими колокольнями церквей, травой и коровами на площадяхъ, съ пылью, «портными Ивановыми изъ Лондона» и тому подобными принадлежностями богоспасаемыхъ градовъ русской земли. Удивительно сильна должна была быть эта нивеллирующая, «объединяющая» рука стараго Московскаго государства! Все подчинялось ей, ничто не ушло изъ-подъ ея строгаго, повелительнаго движенія. Сѣверъ и югъ, западъ и востокъ, дальнія и близкія мѣста—все, что только разъ вошло въ составъ наслѣдія Даниловичей, все должно было отшлифоваться на московскомъ оселкѣ. Во имя государственнаго блага, во имя цѣлей, не рѣдко самыхъ отдаленныхъ, хотя никогда не отвлеченныхъ, всякая часть государственнаго тѣла должна была разъ навсегда проститься съ своей индивидуальной физіономіей. Этотъ законъ отразился и на городѣ. Проходили годы, смѣнялись цѣлыя поколѣнія, возникали новыя условія жизни, а русскій городъ, какъ онъ сложился въ московскую эпоху, такъ и остался все тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ съизначала — административнымъ центромъ, механическимъ собраніемъ не самостоятельныхъ гражданъ... «Періодъ петербургскій» только закрѣпилъ, а не ослабилъ, не стеръ этой окраски. Рѣдкія исключенія скорѣе только подтверждаютъ общее правило.

А Рыбинскъ даже и не исключеніе. Конечно, это хлѣбный рынокъ; желѣзная дорога, оканчиваясь для пассажировъ у города, тянется еще нѣсколько верстъ по берегу Волги, подвозя и увозя сотни тысячъ пудовъ исключительно однихъ только товаровъ; на фарватерѣ рѣка представляетъ, дѣйстви-

тельно, настоящій лѣсъ мачтъ; самыя разнообразныя суда: бѣляны, мокшаны, расшивы громаднымъ караваномъ совсѣмъ обложили собою берега и до нельзя съузили Волгу, въ этомъ мѣстѣ и безъ того пешірокую. Довольно крутая набережная полна ломовыми, носильщиками, тюками, тяжелыми ящиками; свистки пароходовъ приходящихъ и уходящихъ раздаются поминутно... Но все это—особая жизнь, съ «городомъ», право, ничего общаго не имѣющая. Какъ городъ, Рыбинскъ не много бы измѣнился, если-бъ не было этихъ пристаней, баржъ и груза; онъ по-прежнему остался бы тѣмъ же городомъ, управляющимся по Городовому положенію, и со своими гимназіями и училищами въ сущности былъ бы той же нецивилизованною деревнею. Развѣ—что не существовало бы желѣзной дороги, и обитательницы Рыбинска не могли бы ѣздить въ Москву или Петербургъ за новомодными шляпками!..

Кто ѣздилъ по Волгѣ внизъ отъ Нижняго, тому какъ-то странно соединять представленіе объ этомъ имени съ такой маленькой рѣчкой въ пологихъ берегахъ, какою течетъ она здѣсь. Обстановка кажется игрушечной, и пароходу, думается, ничего не стоитъ сдѣлать два-три размаха и стукнуться о берегъ. А между тѣмъ до Рыбинска Волга текла (сравнительно, конечно) по каменистому ложу и, съ трудомъ пробивая себѣ дорогу, была болѣе глубока, чѣмъ широка; ниже, на оборотъ, берега ея становятся рыхлыми, легко размываются, и рѣка, выигрывая въ ширинѣ, на время теряетъ въ глубинѣ.

Самобытная культура, не въ видѣ казенныхъ городовъ, а доморощенныхъ деревень, посадовъ, славныхъ монастырей, пустила здѣсь глубоко свои корни. Какъ впрочемъ взглянуть. Для однихъ это будетъ край «кашинскихъ мадеръ», помпадуровъ и Разуваевыхъ; для другихъ—страна льна, конопли (которой, дѣйствительно, много видно на поляхъ съ парохода), полотняныхъ фабрикъ, романовскихъ полушубковъ, «великая русская ткацкая»... А можно также сказать, что здѣсь арена великаго историческаго прошлаго русскаго народа.

Здѣсь впервые былъ намѣченъ тотъ Drang nach Osten, который выдуманъ не нѣмцами, а съ давнихъ поръ практиковался еще нашими предками. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ славянинъ оспаривалъ у финна возможность выработать закаленный типъ великорусса. И онъ успѣлъ въ этомъ! Здѣшній край давно впиталъ въ себя русскую народность. Чере-

мисъ и мерянинъ уступили свое мѣсто болѣе счастливому сопернику, не оставивъ по себѣ почти никакихъ слѣдовъ. Воздвиженское, Вознесенское, Медвѣдево, Дуброва, Густолѣсово, Болотниково, Богомолы и т. д., и т. д. сплошной чередою тянутся безъ перерыва въ названіяхъ приволжскихъ деревень. Одни только урочища, въ силу культурнаго закона, сохранили на себѣ память о дославянскихъ временахъ—главнымъ образомъ въ названіяхъ рѣкъ: Колокши, Печегды, Танги, Казоги, наконецъ, самой Волги и массы другихъ.

Когда ѣдешь по Рыбинскому плёсу (такъ называется обыкновенно пространство Волги отъ Рыбинска до Нижняго), по густонаселеннымъ его берегамъ, почти сплошь усѣяннымъ селеніями, гдѣ одна деревня смѣняетъ другую на пространствѣ какихъ-нибудь 3,5, много-много 7 верстъ, когда видишь всю эту трудовую, полную энергіи дѣятельность мѣстнаго населенія, этотъ непрерывный обмѣнъ добытаго,—больше чѣмъ когда либо начинаешь понимать все меткое сравненіе Забѣлина Сѣвера съ Югомъ, великорусса съ малоруссомъ. Просторъ и удаль южныхъ степей должны были здѣсь смѣниться разсудительностью и осторожностью сѣверныхъ лѣсовъ. Бѣдная природа не баловала, а требовала усиленной и постоянной работы. Вспыльчивости и отваги здѣсь не могло быть мѣста. «Десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь»—вотъ что становилося правиломъ сѣверно-русскаго человѣка.

Но эта же неказистость обстановки создала и общественность. Непосредственный опытъ жизни показывалъ, что умъ хорошо, а два лучше; что только въ совмѣстной дѣятельности лежитъ гарантія успѣха въ борьбѣ за существованіе. Всмотритесь въ лица матросовъ и особенно лоцмановъ нашего парохода. Сколько спокойной разсудительности въ ихъ выраженіи, достоинства въ движеніяхъ. Зорко смотрятъ они въ даль, твердой рукою поворачиваютъ руль и увѣренно отдаютъ свои приказанія. Мало поэтическаго въ этихъ типахъ, но не до поэзіи было жителю волжскихъ береговъ. Колонизація финскаго края, княжескія усобицы, тяжелые дни татарскаго ига, смѣнившагося, хотя и необходимыми, но все же суровыми требованіями государственной централизаціи, наконецъ, крѣпостное право съ крючкотворствомъ приказныхъ—вотъ условія его тысячелѣтней жизни.

Кстати. Въ этомъ длинномъ пространствѣ времени можно найти одинъ моментъ, на которомъ останавливаешься сравни-

тельно съ отдыхомъ. Я говорю—какъ это ни странно, можетъ быть, покажется—о періодѣ удѣльно-вѣчевомъ.

Карамзинъ отозвался о немъ какъ о темномъ лѣсѣ, въ которомъ блуждаешь, не зная, какъ радоваться, когда выберешься изъ него. Чтобы онъ сказалъ, еслибъ ему пришлось довести свою исторію до нашихъ дней? Какое бы мѣсто удѣлилъ онъ тогда странѣ старыхъ Ярославскихъ, Суздальскихъ и Галичскихъ князей? Какъ пусты и плоски оказались бы его страницы! Исторію мѣстнаго края пришлось бы обезличить въ исторіи московскаго или петербургскаго центра! Неужели это лучше?

Въ старину по крайней мѣрѣ жизнь била полнымъ ключемъ, кипѣли настоящія страсти, выработывались истинно человѣческіе характеры, жили настоящіе люди,—не конгломератъ людей, а общественный организмъ, съ живо сознанными и энергично проводимыми интересами. Не говорите мнѣ про грубость нравовъ той эпохи, постоянныя усобицы, насиліе и беззащитность—за то въ современникахъ Мономаха, въ сподвижникахъ Игоря Святославича горѣла та искра Божія, что не даетъ замереть лучшимъ и благороднымъ стремленіямъ человѣка; за то подъ грубою оболочкой билось честное сердце; за то въ молодыхъ порывахъ, въ этихъ лучшихъ ошибкахъ неопытной молодости, чуялось исканіе свѣтлаго идеала, выхода изъ темнаго мрака.

Колокша, Ярославль, Ростовъ, Сить, Кострома, Галичъ, Городецъ, Мстиславъ Удалой, Александръ Невскій—кто не встрепенется при этихъ именахъ, кто не вспомнитъ нашей сѣдой старины? Кто не признаетъ, что этотъ «муравейникъ» заключаетъ въ себѣ много идеальнаго и истинно благороднаго?

Если уже во что бы то ни стало надо дѣлать выборъ, то, право, лучше этотъ «темный лѣсъ», чѣмъ мутная тина, что̀ царитъ теперь здѣсь повсюду. Сквозь деревья нѣтъ-нѣтъ да и проглянетъ лучъ свѣта, а въ топкомъ болотѣ только вязнешь и погибаешь въ концѣ. Прочитайте любую лѣтопись, списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, любую исторію мѣстнаго края, всѣ эти труды гг. Храмцовскаго, Гациского, Титова, Миловидова, чтобъ убѣдиться, какъ богата была прежде и какъ бѣдна стала теперь эта жизнь. Проѣзжайте по Волгѣ, остановитесь въ любомъ большомъ селѣ, а еще лучше въ городѣ, и всюду сквозь лоскъ современности пробьется струя старины. Тутъ городъ сохраняетъ старое наз-

ваніе рубленаго, землянаго, прямо говоря о его происхожденіи и назначеніи; въ другомъ мѣстѣ разскажутъ какое-нибудь преданіе о подземныхъ ходахъ; а еще чаще встрѣтитъ васъ нѣмой свидѣтель протекшихъ временъ—старинная церковь съ затѣйливой архитектурою. Что же удивительнаго, если во время поѣздки по этому краю образы прошлаго толпой обступаютъ васъ и манятъ въ историческую даль!...

Эти мысли невольно роились въ головѣ, когда пароходъ далъ послѣдній свистокъ и отчалилъ отъ Ярославской пристани. Былъ поздній іюньскій вечеръ, послѣдніе дни астрономической весны. Солнце уже зашло, пурпурныя полосы заката почти совсѣмъ поблекли и только янтарные отливы всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ густожелтыхъ до свѣтлобѣлыхъ, прозрачно-молочныхъ, не хотѣли покинуть того мѣста, гдѣ нѣсколько минутъ назадъ еще сіялъ и царилъ дневной владыко. Здѣсь все еще было полно воспоминаній его недавняго присутствія.

За то востокъ давно потемнѣлъ и замолкъ. Да и на западѣ—минута, другая—и явились новыя краски, новые тоны, напоминая уже не столько прошлую жизнь, сколько наступающую смерть. Сѣрыя тучи, густыя облака беззвучно расползлись по небесному своду и пропали въ туманной дали; какія-то не то тѣни, не то общая мгла легли на все окружающее. Въ воздухѣ было совершенно тихо и беззвучно. Чѣмъ-то страдающимъ охватывало васъ, и еслибъ въ эту минуту шальной вѣтеръ пронесся бушующимъ ураганомъ, о, сколько душевнаго покоя принесъ бы онъ съ собой! Но, увы, всюду было безмолвно и неподвижно... Шальной вѣтеръ должно быть улетѣлъ далеко, далеко и унесъ съ собой послѣдніе признаки жизни. Все, что ни бросалось глазамъ, точно застыло: крупные и высокіе предметы стояли, какъ будто вкопанные; предметы мелкіе и низкіе, казалось, вросли въ землю и перестали существовать.

Пароходъ медленно отплывалъ и медленно скользилъ по водѣ вдоль нагорнаго волжскаго берега, на которомъ расположился старый городъ величаваго патріарха, мудраго Ярослава, и медленно пошли одна за другой его старыя церкви и новыя зданія.

Всего города было не видно: онъ скрывался за горою, выставляя на видъ одинъ только рядъ береговыхъ строеній.

Вонъ стоитъ темная церковь Петровскихъ временъ; за нею красный фасадъ духовнаго училища смѣняется губернаторскимъ домомъ, а на самомъ выступѣ сторожитъ и провожаетъ васъ бѣлый Демидовскій лицей съ колоннами во вкусѣ консульства и первой имперіи. Темные куполы густыхъ садовъ чередуются съ яркозелеными куполами церквей, изъ-за листьевъ деревъ кой-гдѣ выглядываетъ бѣлый краешекъ дома, а въ иномъ мѣстѣ огромное зданіе всею грудью своею бѣлѣетъ и ярко рисуется на темномъ фонѣ неба.

И всѣ эти храмы и дома, всѣ эти рощи и колонны, все какъ бы заснуло и замерло. Въ дымкѣ надвигавшейся ночи, въ неспокойномъ освѣщеніи янтарнаго заката все представлялось въ какомъ-то фантастическомъ свѣтѣ. Шла-ли это царица ночи, ея-ли дыханіе наводило неясную дремоту на всю природу; злой-ли колдунъ своимъ магическимъ жезломъ усыпилъ всѣхъ и все въ очарованномъ снѣ—не знаю. Только не слышно было ни звука, ни движенія. Напрягаешь ухо... вотъ, вотъ, можетъ быть, услышишь хоть сдержанный шепотъ, шелестъ крыльевъ пролетѣвшей птицы... Напрасная надежда! Все вокругъ тебя объято сномъ, и даже не сномъ, а чисто мертвеннымъ покоемъ.

Ни признака жизни. Окутанный садами, замеръ лицей; въ его пустыя окна беззвучно бьетъ блѣдный закатъ послѣднимъ лучомъ; какъ могильный крестъ, стоитъ высокая колокольня бѣлаго собора; кладбищемъ вѣетъ отъ густолиственныхъ садовъ. Не только жизни—ни стона страданія. Все это осталось въ одномъ прошломъ.

И странно! мысль о городѣ, о всемъ этомъ громадномъ населеніи ни разу не приковываетъ васъ къ себѣ. Точно, такъ и надо! Точно, это въ порядкѣ вещей, чтобъ 40 тысячъ нынѣшнихъ ярославцевъ въ культурной обстановкѣ XIX вѣка взяли да и пропали безслѣдно... Мало того, ваша мысль даже и не останавливается на этомъ фактѣ, а, мимолетно только скользя по немъ, спѣшитъ скорѣе уйти въ ту историческую даль, изъ которой выступаютъ старые Всеволоды, сѣдые Гюргіи. Вамъ точно легче дышать въ этой сферѣ «грубыхъ» людей, среди этой безъискусственной простоты. Вы точно увѣрены, что тамъ не найдете ни могильнаго молчанія, ни болѣзненнаго сна...

Быть можетъ, это пристрастіе? Если такъ, то отчего же

въ такомъ случаѣ время не одряхлило этихъ людей, годы не сгладили съ нихъ типическихъ чертъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто вспомнитъ нынѣшнихъ людей? Кто забудетъ людей того времени?

Пароходъ плылъ дальше, ночныя тѣни совсѣмъ охватили очарованный городъ и дѣлали его еще безжизненнѣе, еще неподвижнѣй.

III.

Нижній-Новгородъ.

Воинъ и купецъ. — Всероссійскій базаръ. — Нижегородскій Selfgovernement. — Что погубило нижегородскую старину?—Характеръ нижегородскаго прошлаго.

Какъ не похожъ теперешній Нижній на Нижній прошлыхъ вѣковъ! Куда дѣвался этотъ боевой городъ, этотъ передовой редутъ, сторожевой ратникъ восточныхъ границъ Московской земли! Онъ весь исчезъ въ торговой жизни, въ меркантильныхъ интересахъ новыхъ поколѣній. Теперешній Нижній—это огромный базаръ, складочное мѣсто товаровъ, шумное, но «мирное» поприще торговаго человѣка. И старина совсѣмъ ушла, совсѣмъ, можно сказать, потонула въ пучинѣ этихъ интересовъ. Тамъ, гдѣ въ другихъ городахъ названія кварталовъ «земляными», «рубленными» еще указываютъ на прошлое, здѣсь встрѣчаются только «Нижній Базаръ», «Верхній Базаръ», «Толкучка», «Милліонка» и т. п. названія, отъ которыхъ такъ и пахнетъ деньгами и аршиномъ. Масса лавокъ, магазиновъ, гостинницъ, трактировъ; повсюду оживленное движеніе, особливо на Нижнемъ Базарѣ, гдѣ сосредоточены пароходныя пристани, конторы, нагрузка и выгрузка товаровъ. Шумъ, ѣзда, ругань и та грязь или пыль съ ямами и кучами, которыя такъ идутъ къ русскому гомону—здѣсь особенно замѣтны.

Зарѣчная ярмарочная сторона такъ же и даже еще болѣе неказиста на видъ. Отчаянныя мостовыя, пыль и вонь. Набережная полна ломовыми, тюками: къ ярмаркѣ, очевидно, уже начинаютъ готовиться. Неприглядна эта сторона въ ярмарку; а теперь она настоящая мерзость запустѣнія. Заколоченныя

двери, облѣзшая штукатурка, оторванныя вывѣски и остатки прошлогднихъ афишъ; поломанныя окна, пустыя улицы, навозныя кучи—и на всемъ этомъ старый, грязный отпечатокъ. На краю обрывистаго берега вдоль пути стоятъ пестрыя, неизящныя вывѣски пароходныхъ обществъ. «Въ Пермь сегодня», «Въ Астрахань завтра»—мелькаетъ передъ вами то тутъ, то тамъ...

И при всѣхъ этихъ особенностяхъ Нижній-Новгородъ не ушелъ отъ общей судьбы русскихъ городовъ. Исторія обезличенія, потери своего «я» можетъ быть прослѣжена и на немъ. Этотъ городъ съ первой въ Россіи по своимъ оборотамъ ярмаркой, этотъ, по выраженію Петра, «великій внутренній портъ Россійскаго государства», такъ же безпомощенъ, такъ же слабъ духовно, какъ и любое русское захолустье. Обиходъ его жизни въ полной зависимости отъ случайностей, отъ внѣшнихъ вліяній. Торговый городъ, милліонные обороты—а не могутъ укрѣпить волжскаго берега такъ, чтобы не размывало и не заливало ярмарки. И всего-то на это надо какихъ-нибудь 300—400 тысячъ единовременной затраты, которая окупится сбереженіемъ въ общемъ цѣлыхъ милліоновъ. Городъ до сихъ поръ не могъ обзавестись постояннымъ мостомъ, связывающимъ нервъ его жизни—ярмарку. Да и разводный-то мостъ наводится много спустя послѣ ледохода. Карточный «Герой» перевозитъ съ одного берега на другой пассажировъ, набивая карманъ своего хозяина, а горожане платятся своимъ временемъ и удобствомъ. Одинъ изъ первыхъ городовъ въ Россіи до сихъ поръ регулярно каждую весну и осень по недѣлямъ бываетъ отрѣзанъ отъ міра, и получить въ эти дни почту изъ Петербурга или Москвы, или самому пріѣхать оттуда такъ же трудно, какъ съѣздить на луну. Все случайно. Живъ мѣстный милостивецъ-милліонеръ, обѣщаетъ построить мостъ — оживаютъ надежды; но вотъ умираетъ онъ, и наслѣдникъ говоритъ другое. И подѣломъ: зачѣмъ не умѣли пользоваться! Какъ-то смѣшно при этомъ вспоминать Нью-Іоркъ съ его громаднымъ сооруженіемъ черезъ East-River.

Что же погубило Нижегородскую старину? Гдѣ причина того, что городская святыня—могилы мѣстныхъ удѣльныхъ князей, гробница Минина, великаго гражданина русской земли — не выдѣляется среди лавокъ и балагановъ современной постройки? Гдѣ причина, что старинная Строгоновская церковь, памятникъ Минину и Пожарскому, самыя стѣны Кремля не могутъ

снять съ Нижняго его теперешняго исключительно базарнаго отпечатка? Причины этой, очевидно, надо искать въ исторіи города, въ самомъ характерѣ его жизни и назначенія. Нижній былъ поставленъ, какъ передовой оплотъ отъ восточныхъ враговъ; когда же русская колонизація отодвинулась далѣе къ Уралу и перебросилась даже за Сибирь—тогда онъ сыгралъ свою роль. Нижегородскій воинъ постоянно стоялъ съ обнаженнымъ мечемъ и потому на свое житье смотрѣлъ условно, какъ на временное. Его мысли были всегда устремлены впередъ, туда, на востокъ, и каждая новая удачная битва сильнѣе и сильнѣе отрывала его отъ жилья. Онъ не чувствовалъ себя прочно осѣвшимъ на мѣстѣ; не могла упрочиться и «старина». Онъ уходилъ, а его мѣсто заступали новые люди, съ инымъ характеромъ, не люди меча, а люди аршина, сохи, топора. Не въ этомъ классѣ могъ лежать залогъ сохраненія прошлаго.

Нашъ Drang nach Osten въ этихъ краяхъ начался издавна. Не даромъ считаютъ Юрія Долгорукаго истиннымъ основателемъ русскихъ поселеній въ Суздальскомъ краѣ: уже при сынѣ его, Боголюбскомъ, передовымъ пикетомъ въ сторонѣ Мордвы является Городецъ, лежащій отъ Нижняго верстахъ въ 50 вверхъ по Волгѣ. Въ 1221 г. кладется основаніе и самому Нижнему. Слѣдующіе факты проще и лучше всѣхъ разсужденій объяснятъ намъ роль новаго города. Въ 1377 г. Арапша, подручникъ Мамая, разбивъ русскихъ на р. Пьянѣ, ворвался въ Нижній, жегъ и проливалъ кровь христіанскую. Въ 1399 г. казанцы овладѣли Нижнимъ и двѣ недѣли неистовствовали въ немъ. 9 лѣтъ спустя Эдигей сжигаетъ Нижній. Въ 1445 г. Улу-Махметъ основываетъ новую Казань и тогда же беретъ Нижній и раззоряетъ его. Съ тѣхъ поръ Казань и Нижній, какъ два бойца, стоятъ одинъ противъ другого, всегда готовые сразиться на жизнь и на смерть. Въ 1505 г. Нижегородцы отражаютъ нападеніе казанскихъ татаръ; въ 1520 г. они опять въ положеніи осажденныхъ, въ 1536 — тоже. Но въ XVI в. — иныя времена! Въ 1508 — 11 гг. итальянецъ Петръ Франческо созидаетъ нижегородскій кремль, возводитъ башни, зубчатыя стѣны и дѣлаетъ городъ трудно доступнымъ для татаръ. Съ 1523 г. нижегородцы принимаютъ участіе въ походахъ русскаго войска на Казань, стоятъ подъ этимъ городомъ или въ его областяхъ въ 1524, 1530, 1532 и 1535... Передовыя укрѣпленія выдвигаются все дальше и дальше на востокъ: Василій III строитъ Васильсурскъ, его сынъ укрѣп-

ляется въ Свіяжскѣ, въ 35 верстахъ отъ вражескаго гнѣзда. Наконецъ въ 1552 г. падаетъ сама Казань, и весь востокъ русской земли могъ свободно вздохнуть. Что послѣднія слова не пустая фраза, можно видѣть хоть бы изъ того факта, что въ Нижегородскомъ Поволжьѣ за Нижнимъ до покоренія Казани въ теченіе 30 лѣтъ не сѣяли хлѣба, поля поросли лѣсомъ и положеніе крестьянъ было ужасно. Но съ покореніемъ Казани пробилъ и послѣдній часъ боевой жизни для Нижняго-Новгорода. Военный городъ потерялъ свой raison d'être. Если раньше сліяніе двухъ большихъ рѣкъ было удобнымъ мѣстомъ загородить дорогу врагу, то теперь это же сліяніе манило къ себѣ желаннаго «гостя». Крѣпость преобразилась въ лавку, купецъ смѣнилъ солдата.

IV.

По Волгѣ до Камы.

Волжскій пейзажъ.—Волга не Терекъ.—Старый Макарій.—Въ лѣсной сторонѣ.—Волга ночью.

Сегодня нашъ пароходъ отходитъ въ Пермь. У высокаго берега передъ крутой лѣстницей, ведущей внизъ къ конторкѣ и самому пароходу, толпятся извощики, толкаются носильщики и нищіе, стоитъ не мало и праздноглазѣющихъ; темныя фигуры монашенокъ выслѣживаютъ васъ полупотухшимъ взглядомъ, протягивая впередъ свои четвероугольныя книжки. Не безъ труда очищаете вы себѣ дорогу среди несомаго багажа, идущихъ впереди и опережающихъ васъ пассажировъ, среди массы рукъ, сующихъ вамъ подъ носъ «горячую булку», «казанское мыло», лимонъ или грязную колбасу. Вы наконецъ купили билеты, сдали багажъ, заняли свое мѣсто и оглядываетесь съ довольнымъ чувствомъ человѣка, не опоздавшаго и покончившаго съ разными мытарствами. Раздается свистокъ; первый, второй и, наконецъ, третій. Мы трогаемся. Неторопливо отплываетъ пароходъ отъ берега, плавно дѣлаетъ полукругъ, чтобъ встать носомъ по теченію, и быстро плыветъ среди лодокъ и баржъ, пароходовъ и расшивъ. Глазамъ развертывается чудная панорама города—но не надолго; вонъ уже и «Откосъ», загородное гулянье на горѣ, а тамъ и скром-

ный Печерскій монастырь съ бѣлыми колоннами на темнозеленомъ фундаментѣ. Скрывается и онъ... слѣва тянется низкій Подновскій островъ... направо и налѣво начинаютъ мелькать деревни, села... Вы на Волгѣ!..

Волга! Чего только не писали про нее, съ какихъ только сторонъ не разсматривали! Инженеры и поэты, географы и историки—всѣ принесли ей свою дань. И сколько-бы ни писали, сколько-бы ни говорили, всегда, каждый разъ будетъ она вызывать новыя чувства, тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ проще, непосредственнѣе подойдешь къ тѣмъ ландшафтамъ и къ той жизни, которые открываетъ передъ вами эта великая русская рѣка... Всего не опишешь, да не все одинаково западаетъ и въ душу...

Но за то этотъ правый нагорный берегъ не уйдетъ отъ вашего взора, и Волга безъ него не была бы Волгой. Идетъ онъ больше покато, чѣмъ круто; некрупная, но яркая зелень покрыла его всего; густой орѣшникъ забился въ овражки, покатость берега образовала свои миніатюрные холмики и горбинки; повсюду мягкія очертанія, округлости; нѣтъ ничего рѣзкаго, кричащаго. За Васильсурскомъ берегъ идетъ сплошнымъ натянутымъ ковромъ зелени—и это цѣлыя версты, версты сплошнаго лѣса, вблизи свѣтлаго, вдали темнозеленаго, подернутаго легкою дымкой! Но не одна только жизнь природы чувствуется на этомъ нагорномъ берегу: на немъ нашлось мѣсто и человѣку. Гдѣ покажется деревенька, гдѣ домикъ въ лѣсу. Тутъ низъ берегового склона отороченъ зеленымъ лугомъ съ пасущимся стадомъ, тамъ жаркимъ пескомъ съ разбросанными на немъ рыбачьими лодками. А то такъ, на верху горы, примостилось село, а внизъ, къ водѣ, среди яркой зелени вьется не то дорога, не то красноглинистая ленточка... Мѣстами встрѣчаются ландшафты, передъ которыми пейзажи Орловскаго ничего не стоятъ, ибо они только слабая копія съ этого оригинала: горка образовала овражекъ, который сползъ къ рѣкѣ въ видѣ песчанаго берега; по пригорку размѣстились березы, ветлы, дубъ, то кучками, то отдѣльно. Деревья бросаютъ тѣнь; тутъ такъ и вѣетъ прохладой отъ полдневнаго солнца, подъ жаркими лучами котораго въ безмолвныхъ позахъ улеглось стадо коровъ...

Съ именемъ Волги обыкновенно соединяется представленіе о русской рѣкѣ, о матушкѣ-кормилицѣ. Рѣка съ нерусскимъ названіемъ стала коренною русской рѣкой. Вездѣ,

гдѣ бѣлѣется зданіе съ округлымъ верхомъ и четырехъугольною башней, крытой зеленымъ желѣзомъ; вездѣ, гдѣ бѣлая церковь колоритно выдается среди сѣрой массы низкихъ деревянныхъ домовъ—вездѣ означаетъ она присутствіе русскаго православнаго люда,—а такихъ церквей не мало на Волгѣ!

Почему-то приходитъ на мысль сравненіе Волги съ Терекомъ. Нѣтъ, это не Терекъ, что̀ какъ̀ пойманный звѣрь бьется въ западнѣ! Какъ ни силенъ, какъ ни могучъ этотъ кавказскій богатырь, а все же онъ пойманный, все же въ опасности, въ положеніи осаждаемаго, все же приходится ему защищать себя отъ оскорбленій и въ безсильной злобѣ рвать сковывающія его цѣпи... Волга-же—настоящая царица!

Спокойно и величаво идетъ она впередъ, и все разступается предъ ея царственною красою, все никнетъ долу въ нѣмомъ удивленіи. Дорога ей открытая и свой путь она сама себѣ намѣчаетъ. Нагорный берегъ—это та раболѣпная свита, что̀ окружаетъ царицу; повернетъ царица вправо, и вправо заставитъ податься толпу; пойдетъ она влѣво—и берегъ покорно идетъ вслѣдъ за нею. Когда, разгнѣванная, она прогонитъ отъ себя жалкую толпу ничтожныхъ царедворцевъ, и нагорный берегъ уйдетъ далеко вправо, оставляя въ промежуткѣ широкую луговину, то мощь и величіе царицы водъ становится только еще поразительнѣе.

Противъ Васильсурска стоитъ Старый Макарій, мѣсто прежней знаменитой ярмарки, нынѣ перенесенной (съ 1817 г.) въ Нижній, той ярмарки, о которой еще Зотовъ, учитель Петра Великаго, отзывался, какъ о «зѣло важномъ сходбищѣ, о которомъ всегда думать надлежитъ».

Казалось, сколько разъ видѣлъ я прежде этотъ Макарій, но только сегодня какъ-то особенно бросился онъ мнѣ въ глаза. На низкомъ берегу, «среди песковъ», подъ сѣрымъ нависшимъ небомъ, стоитъ этотъ дряхлый свидѣтель сѣдой старины. Много вѣковъ пронеслось надъ его головой, а онъ успѣлъ пережить и себя, и свою славу. Мрачно смотрятъ его четыреугольныя и круглыя крѣпостныя бойницы, мрачно выглядываютъ изъ-за стѣнъ прямо опущенные, на старый манеръ, бока его четыреугольной церкви; все покрыто какимъ-то старосѣрымъ, пожелтѣвшимъ цвѣтомъ. Какъ дряхлый, беззубый старикъ, закоченѣлъ Старый Макарій на своемъ

мѣстѣ и безжизненно, апатично доживаетъ свой вѣкъ. Въ немъ остались однѣ только «статическія» силы, сохранилась одна только способность животно-растительной жизни, скорѣе прозябанія. Его стѣны и бойницы никому не нужны; къ обѣднѣ, которую служатъ въ его церкви, никто не ходитъ; въ его домахъ никто не живетъ... Жизнь вокругъ бьетъ ключемъ, плывутъ пароходы, тянутся баржи, кипитъ живой обмѣнъ мысли, труда, а потускнѣвшій взоръ его не понимаетъ ни этого обмѣна, ни этого труда. Безмолвно догораетъ его жизнь и безслѣдно исчезнетъ онъ съ лица земли, никому не нужный, всѣми позабытый.

Такова судьба всякаго народа, исполнившаго свое историческое назначеніе, всякаго отдѣльнаго человѣка, который изжилъ, выдохся, у котораго не хватаетъ силъ понять новыя требованія вѣка и отвѣчать на ихъ запросы. Въ послѣднемъ Старый Макарій не виноватъ: онъ честно исполнилъ свое историческое призваніе—быть стражемъ русскаго народа противъ восточныхъ инородцевъ въ эпоху, когда они еще были опасны для слабаго Московскаго государства временъ Васильевъ и Ивановъ, и быть ассимиляторомъ этихъ инородцевъ, носителемъ высшей культуры путемъ христіанской проповѣди, торговли и обмѣна... Старый Макарій, говорю я, не виноватъ въ своей судьбѣ; но сколько есть людей, которые понапрасну прожили свой вѣкъ, не умѣли идти за вѣкомъ и потому раньше, чѣмъ это допускали ихъ умственныя средства, отстали отъ него!..

За Васильсурскомъ не далеко и устье Ветлуги. Едва мы проѣхали его, какъ намъ попался цѣлый караванъ плотовъ; верстъ на восемь тянулся онъ вплоть до самаго Козмодемьянска, какъ бы прильнувъ къ правому берегу Волги. Глазъ уставалъ слѣдить за безконечными рядами настилокъ, надъ которыми торчали длинные шесты для сторожевыхъ фонарей, да еле-еле поднимались надъ поверхностью миніатюрные домики-срубы. Уже вечерѣло, и на шестахъ зажигались огни, а у избушекъ раскладывали костеръ за костромъ. Вся площадь воды у праваго берега мигала огнями.

Подобныя картины возможны только у насъ въ Россіи. Давно уже дѣлили Европу на западную—каменную и восточную—лѣсную. Это соотношеніе остается вѣрнымъ и до

настоящаго времени. Фактъ также общеизвѣстный, какая масса русскихъ поселеній носитъ названія, заимствованныя отъ лѣса. На атласѣ г. Рагозина я насчиталъ до 30 подобныхъ именъ (Боровицы, Липниково, Подберезное, Осиновка, Орѣхово, Ельня, Дуброва и проч. и проч.) на разстояніи отъ Рыбинска до устья Камы—и это только на пространствѣ, тѣсно примыкающемъ къ берегамъ рѣки, въ мѣстности, гдѣ поселенія слагались въ обстановкѣ чрезвычайно разнообразной и гдѣ, слѣдовательно, названія могли являться отъ самыхъ различныхъ причинъ. Положительно можно сказать, что Россія—по крайней мѣрѣ сѣверная и средняя—живетъ въ лѣсу и кормится лѣсомъ. Лѣсъ даетъ ей матеріалъ для жилья, для мебели, для путей сообщенія; въ лѣсу ловитъ русскій человѣкъ дичь, бьетъ звѣря и ставитъ пчелиныя борти; въ лѣсу, наконецъ, находитъ онъ и свой товаръ: уголь, деготь, бревна, тесъ. Ветлужская липа славится на всемъ Поволжьѣ; особенно ея лыко, лучшій сортъ котораго—со ствола—идетъ на лубокъ, а худшій—съ вѣтвей—на мочалу. И при всемъ этомъ какъ примитивно поставлено еще у насъ дѣло, которое кормитъ не одинъ десятокъ тысячъ! Рубка лѣса—настоящее хищеніе; никакого понятія о правильномъ лѣсовозвратѣ. О лѣсныхъ пожарахъ и говорить нечего. У академика Кеппена—правда, давно уже—среди дебрей Костромскихъ лѣсовъ сломался экипажъ, и не нашлось угля для разведенія огня, на которомъ можно было бы починить испорченное колесо. На нужды одного только волжскаго пароходства истребляется ежегодно—страшно выговорить!—до 10,000 десятинъ лѣсу, т. е. до 1.000,000 сажень дровъ; если же прибавить сюда и желѣзныя дороги въ предѣлахъ волжскаго бассейна, то цифра эта утроится...

Часы летятъ, а вмѣстѣ съ ними летитъ и пароходъ; наберетъ дровъ на пристани, спуститъ пассажировъ, замѣнитъ ихъ новыми—и дальше. Въ каютахъ и въ рубкѣ обычное истребленіе стерляжьей ухи, съѣсть которую каждый пассажиръ считаетъ чуть ли не своимъ нравственнымъ долгомъ. Уха чередуется съ картами и обычными разговорами; большинство пассажировъ слоняется и не знаетъ, какъ убить время. Приближающаяся ночь разрѣшаетъ ихъ скуку очень дешевымъ способомъ: палуба и рубка пустѣютъ, а изъ каютъ раздается

тяжелый храпъ. Но вмѣсто того чтобы спать, выйдемте лучше на верхъ и взглянемъ на Волгу ночью.

Характеръ впечатлѣнія трудно опредѣлить. Луговой берегъ слился въ одну узкую черную полоску, точно земляной валъ древней Германіи, на рубежѣ двухъ эпохъ, Цезаря и Арминія. Надъ этимъ валомъ сейчасъ же небо, на западѣ свѣтло-желтаго-желтаго фона, а еще выше неправильная темная лента далекихъ облаковъ; въ другихъ пунктахъ свода небо чистое, темно-синее. Нѣсколько звѣздочекъ; вода стальнаго цвѣта, со свѣтлымъ отливомъ на западѣ, съ темнымъ въ другой сторонѣ,—но тамъ и здѣсь одинаково неопредѣленнымъ, безжизненнымъ. Впечатлѣніе покоя, но безотраднаго; можно уноситься вдаль мыслями, можно не страдать, но за то ужъ никакъ и не радоваться, а скорѣе тупо и безучастно слѣдить за всѣмъ. Горный берегъ теряетъ свою дневную физіономію; про окраску, колоритъ цвѣтовъ и говорить нечего; теперь это одинъ скелетъ, схема недавно видѣннаго живаго существа. Сколько ни сидишь на палубѣ, сколько ни всматриваешься, новой мысли не набѣжитъ, и только утомишься въ однообразномъ хожденіи вокругъ одного и того же самому тебѣ неяснаго образа.

V.

На Камѣ.

Камскій пейзажъ.—Царство плотовъ.—Камскія ночи.—Сравненіе Камы съ Волгою.—Обоготвореніе Камы.

Въ Казань пароходъ приходитъ, когда вы еще спите и уходитъ настолько рано, что мѣшаетъ посѣтить городъ. Вы должны удовольствоваться издалека красивой панорамой Казанскихъ башенъ, колоколенъ и бѣлыхъ зданій, открывающихся взору по отходѣ парохода, да еще ждать впереди мѣста сліянія Камы съ Волгою. О послѣднемъ, впрочемъ, говорятъ больше, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Въ іюнѣ вода значительно спала, берега обнажились, «безбрежнаго» пространства уже нѣтъ, и вы не только безъ сожалѣнія поворачиваетесь въ сторону Камы, но и съ нетерпѣніемъ ждете начала пла-

ванія по ея водамъ, увѣренные заранѣе, что «многоводная» рѣка не обманетъ васъ въ ожиданіяхъ.

Первое впечатлѣніе, какое дѣлаетъ Кама, когда въѣзжаешь въ нее изъ Волги—это ея ширь и многоводіе, низкій нагорный берегъ выдѣляетъ еще болѣе ея ширину, а быстрое теченіе, почти полное отсутствіе мелей дѣлаетъ рѣку особенно плавною. Горизонтъ здѣсь шире, тѣмъ болѣе, что и сама рѣка не рѣдко разливается направо и налѣво. Чѣмъ дальше вверхъ, тѣмъ нагорный берегъ выступаетъ все яснѣе, становится выше, круче и ...диче. За Елабугой онъ одѣвается въ свою суровую одежду — темнозеленый лѣсъ. И сколько тутъ чуднаго и мощнаго!.. Пароходъ идетъ саженяхъ въ пяти отъ берега, передъ кручей, которая, подобно гигантской стѣнѣ, выпрямилась, вся темная и мрачная, грозная и непривѣтная. Господствуетъ сосна, до парохода доносится тонкій ароматъ смолы; низъ горы отороченъ дубнякомъ. Тамъ густо и темно; солнце на закатѣ и сейчасъ ушло за верхушки деревьевъ. Въ лѣсу темнѣетъ совсѣмъ. Здѣсь такъ умѣстно отсутствіе человѣка, и вотъ почему непріятно поражаетъ въ одномъ мѣстѣ куча нарубленныхъ дровъ и голая поляна, гдѣ отъ прежняго лѣса остались одни безобразные корни.—Пароходъ отходитъ вправо, ближе къ серединѣ рѣки, и весь этотъ лѣсъ-стѣна до мельчайшихъ подробностей отражается на стальной поверхности воды. И вѣдь цѣлыми нескончаемыми верстами плывешь вдоль такихъ береговъ!.. Мѣстами Кама дѣлаетъ крутые завороты; одинъ изъ такихъ загибовъ—при впаденіи Вятки, устье которой, запруженное плотами разной величины, такъ прямо и смотритъ на насъ. Издали, совсѣмъ въ сторонѣ, бѣлѣется деревенская церковь, а часъ спустя пароходъ идетъ уже мимо нея. Берега въ этомъ мѣстѣ изрыты лощинами, голыми, безъ лѣса, частью песчаниковыми, частью глинистыми; на полуденномъ солнцѣ глина такъ и горитъ; одна только рѣдкая зелень, едва-едва прикрывающая склоны горъ, одна она въ соединеніи съ воздушною дымкой смягчаетъ ея блескъ и изъ яркокрасной дѣлаетъ какъ бы желтоватой...

Пустынный край, царство лѣса и дикаго звѣря—вотъ что приходитъ чаще и чаще на мысль, съ каждой новой верстой, которую пробѣгаетъ пароходъ, съ каждымъ новымъ поворотомъ рѣки. Отъ Твери до Костромы весь берегъ Волги усѣянъ сплошь селеніями: проѣхалъ 3—4 версты и ужъ новая деревня. Отъ Костромы онѣ становятся рѣже; за Нижнимъ до

Казани чередуются приблизительно верстъ черезъ 10, 15; для Волги ниже Казани этотъ интервалъ увеличивается до 15—20 верстъ. А по Камѣ и 30, и 40, а то и больше верстъ ѣхать, не встрѣчая деревень, вполнѣ обычное дѣло. Да и пароходы здѣсь рѣже, и свистки не такъ часты, какъ на Волгѣ.

За то Кама съ ея притоками — это царство плотовъ, бѣлянъ, коломенокъ и т. п.; и всѣ они идутъ на встрѣчу, туда, откуда пришли вы. Здѣсь воочію передъ вами приложеніе политикоэкономическаго закона обмѣна продуктовъ. Всѣ эти плоты, которые на якорѣ, которые идутъ, но такъ тихо, что и тѣ, и другіе кажутся точно застывшими на мѣстѣ. И движенія-то на нихъ точно нѣтъ: кто спитъ, кто чинитъ рубаху, кто замеръ въ высматривающей позѣ; нѣсколько человѣкъ тянутъ шкворень, но такъ медленно-однообразно... Ни вѣтерка, ничего... Быстро проходитъ мимо нихъ пароходъ и, точно заколдованный мірокъ, промелькнетъ мимо васъ этотъ плотъ съ застывшей группой людей. Яркое солнце яркими красками врѣжетъ на память эту картину. За то по ночамъ, когда издали совсѣмъ не видать этихъ молчаливыхъ путниковъ, по рѣкѣ то и дѣло мелькаютъ огонекъ за огонькомъ.

Кстати, объ этихъ ночахъ. Онѣ совсѣмъ иныя, чѣмъ на Волгѣ.

Небо отчетливо чистое, ровное, ни крошки облака, разница развѣ въ тонахъ; свѣтлѣе, гдѣ западъ, темнѣй, гдѣ востокъ... Тихо, тихо... На верху одно только легкое движеніе воздуха; да и то оттого, что его разсѣкаетъ пароходъ. Поверхность воды зеркальная, и что это за зеркало! Ясное, чистое!... Такъ и хочется ему довѣриться, ступить и пройтись по немъ. Береговыя деревья отражаются въ водѣ и хотя они далеко, но кажутся такъ близко... Казалось бы, сдѣлать нѣсколько глиссадъ и схватить ихъ. Ширина рѣки увеличивается низостью береговъ, ровностью водной поверхности. Теряясь въ отдаленіи, сближаясь съ горизонтомъ, берега даютъ еще болѣе простора для глаза и въ полумракѣ лѣтней ночи не только не ограничиваютъ, а, наоборотъ, скорѣе какъ бы расширяютъ кругозоръ. Мѣстами рѣка дѣлаетъ такіе глубокіе заливы, такіе причудливые размахи, что, кажется, точно плывешь по-

среди озера. Въ этой массѣ воды, безраздѣльно повсюду царящей, есть что-то величественное.

Тихо и покойно! Чувствуется, какъ природа заснула, какъ беззвучно глядятъ въ ея зеркало берега и какъ на встрѣчу парохода выступаютъ одинъ за другимъ острова. Заблудшій огонекъ на берегу или крикъ дергача въ перемежку съ соловьиными переливами только еще сильнѣе вызываютъ впечатлѣніе покоя, пустынности. Жутко было бы среди этого заколдованнаго міра, если-бъ неожиданно очутиться въ лодченкѣ посреди рѣки...

Вотъ темная масса въ сторонѣ: сразу и не отличишь, точно островокъ; мигаетъ вверху свѣтлая точка—это плотъ, совсѣмъ застывшій на застывшемъ зеркалѣ рѣки. Немного дальше—расшива; ее тоже скорѣе угадываешь, чѣмъ различаешь; тихо, тихо на ней до мертвенности. Работа кончена, якорь брошенъ, снасти и крючья убраны, просохнувшая рубаха уложена на мѣсто; рабочій людъ, завернувшись въ зипуны, улегся въ свою избушку. Онъ спитъ, и что ему снится? Снится ли ему сонная рѣка, что̀ несетъ его на своихъ плечахъ, ея помертвѣлые берега? Или видитъ онъ свою глухую деревнюшку и ребятъ у дыряваго забора? Снится ли ему веселый гомонъ деревенскаго праздника? Или—что́ лучше и вѣроятнѣе—ничего ему не снится и спитъ онъ какъ убитый, чтобъ завтра рано на зарѣ подняться, и снова начать свой тяжелый трудовой день, на зарѣ, когда мы, убаюканные подъ монотонный плескъ воды объ окна нашихъ каютъ и подъ мѣрное движеніе парохода, пойдемъ спать сномъ сибарита, чтобъ и во снѣ продолжать свои грезы и мечты!..

А расшива давно ужь осталась позади насъ; ночная Кама несетъ намъ новыя картины, будитъ новыя мысли. Вонъ сейчасъ на крутомъ поворотѣ темнѣетъ какое-то село. Его церковь уже не бѣлѣется, какъ днемъ, а только вырисовывается на свѣтломъ фонѣ западной стороны неба. И въ деревнѣ тотъ же сонъ и покой. Ни звука. Одинъ блудящій огонекъ гдѣ-то боязливо и таинственно мигаетъ. Церковь на самомъ выступѣ, у самой кручи берега. Среди домовъ она вмѣстѣ съ ними такъ и отражается въ водѣ. Среди темной безформенной массы зданій отчетливо выдѣляется широкое основаніе и на немъ справа цилиндрическая форма, короткая и тяжелая съ куполомъ вверху, а лѣвѣе тонкая четырехсторонняя призма—колокольня. Креста нельзя различить, онъ слился въ одну сплош-

ную тонкую и узкую линію. Что-то необычайное, таинственное слышится въ этой колокольнѣ. Не то часовой, чутко прислушивающійся къ спящему поселенію, не то какое-то memento mori. Людмила Жуковскаго непремѣнно такую церковь видѣла во снѣ. Безформенная масса домовъ легко кажется кладбищемъ.

Но пароходъ идетъ впередъ, и по-прежнему передъ вами тишь и гладь, да водный просторъ Камской ночи.

Но хороша, оригинально хороша Кама и днемъ. Ее невольно сравниваешь съ Волгой, образъ которой при этомъ сравненіи выступаетъ совсѣмъ въ иныхъ очертаніяхъ, чѣмъ прежде. Теперь это — граціозный юноша, взлелѣянный на лонѣ матери, готовый въ недалекомъ будущемъ показать свою мощь и силу, но пока еще забавляющійся въ своемъ саду, гдѣ онъ окруженъ пестрыми цвѣтами, звономъ ручьевъ и трелями соловья. Ему хорошо здѣсь на солнечномъ припекѣ, и его молодое, красивое лицо свѣтится яркой улыбкою. Ни заботъ, ни горя, ни понятія даже о какомъ-либо страданіи или неудовольствіи. Только кой-гдѣ чувствуете вы, что это не надолго, что время возьметъ свое, и беззаботность юноши смѣнится тяжелымъ трудомъ мужчины, гдѣ вмѣсто розъ одни шипы, вмѣсто трелей—вой вѣтра и дождь, гдѣ вмѣсто нѣги—усталость и заботы. Но, повторяю, это только мѣстами; общее же впечатлѣніе—радужная молодость.

Не то Кама. Это мощный титанъ, спокойный въ сознаніи собственнаго величія. Какъ невозмутимо текутъ эти воды, какъ широко раздвинулись онѣ! Здѣсь нѣтъ мѣста ни изяществу, ни улыбкѣ, ни красѣ; эта декорація не гармонировала бы съ основнымъ характеромъ картины, а только опошлила бы ее. Въ рукахъ этого гиганта смѣшно видѣть душистыя розы, смѣшно слышать изъ устъ его звонкую трель. Его нарядъ строгій и суровый: безоблачное, темносинее или сѣрое, мрачное небо, низкіе берега, если же высокіе, то крутыми обвалами, гордые и прямые; поля, теряющіяся вдали; лѣса, которыхъ не замѣчаешь вблизи этой водной массы; одинокія чайки, мизерная лодка, пугливо прячущаяся въ извилинахъ рѣки—и надо всѣмъ этимъ молчаливый, внушающій страхъ и уваженіе, пустынный размахъ водянаго царя...

Становится понятнымъ, почему необразованный, перво-

бытный умъ язычника-финна боготворилъ эту рѣку. Ужь и такъ-то во всемъ причудливомъ, непонятномъ видѣлъ онъ таинственную, божественную силу: его поражалъ и развѣсистый исполинскій дубъ, и цвѣтокъ съ яркими красками, и родникъ воды, невѣдомо откуда несущій свою вѣчно чистую влагу... Все, что было выше его пониманія, выше его способностей—все это были боги. Съ трепетомъ вступалъ онъ въ темный, мрачный лѣсъ или въ необъятную ширь сѣверныхъ полей, робко слѣдилъ онъ за зигзагами молніи и отдаленными раскатами грома; невѣдомую силу видѣлъ онъ въ огромномъ камнѣ, на половину вросшемъ въ землю и покрытомъ мхомъ. Гудѣлъ-ли вѣтеръ въ ближайшей рощѣ, слышался-ли во тьмѣ крикъ ночной птицы, вспоминалось-ли, какъ въ сосѣднемъ болотѣ завязъ и погибъ какой-то прохожій—все это было, по мнѣнію суевѣрнаго финна, дѣломъ страшнаго, могучаго бога. Невѣжественный и беззащитный, не довѣряя своимъ силамъ и постоянно трепеща за свою жизнь, онъ воображалъ себя отовсюду окруженнымъ ужасными силами, которыя во всемъ ему вредятъ и отъ которыхъ ему невозможно спастись.

А тутъ еще эта царственная Кама съ весеннимъ половодьемъ, съ широкимъ разливомъ, настоящимъ безбрежнымъ моремъ. Что за присутствіе силы! Разливаясь на цѣлыя версты, этотъ богъ заливаетъ не только луга, но и лѣса, подтачиваетъ высокіе отлоги, все разрушаетъ и гонитъ на своемъ пути. Какъ не поклониться ему! Но этотъ же богъ питаетъ и тучную землю, въ его водахъ купаются вѣтви, его водой омываются корни этихъ дремучихъ лѣсовъ, которыми живетъ туземецъ, строя себѣ и домъ, и лодку, и дровни, и лукъ; а въ этихъ лѣсахъ живетъ звѣрь и птица; рыбу даритъ тотъ же богъ. Ему, этому богу, поклоненіе и хвала!

VI.

Вверхъ по Камѣ—къ Уралу.

Вечеръ въ Гольянахъ.—Верхняя Кама.—Кама въ области исторіи.—Русскій Selfhelp.—Сонная Пермь.—Послѣднее прости.

Начинало смеркаться, когда пароходъ подошелъ къ бѣдной деревушкѣ—селу Гольянамъ. Я вышелъ на некрутой бе-

регъ, на которомъ расположилось селеніе. Было воскресенье, и оно сказывалось въ массѣ бабъ и дѣвокъ, столпившихся на конторкѣ въ цвѣтныхъ яркихъ ситцахъ; сказывалось и въ мужикахъ, изъ толпы которыхъ шла болѣе чѣмъ обыкновенно шумная рѣчь. Нѣсколько шаговъ — и передъ вами громадная площадь, скорѣе какой-то плацъ, весь въ травѣ: съ одной стороны рядъ подозрительныхъ домовъ съ подозрительно полинявшей желтой—и такой неприглядной желтой—краской (казенный складъ оружія изъ сосѣдняго Ижевскаго завода); съ другой — сѣрыя избы и между ними волостное правленіе, о чемъ гласила надъ крыльцомъ сломанная доска съ стертою надписью. Направой сторонѣ площади помѣстилась церковь; за нею небольшой рядъ улицъ—вотъ и все село. Передъ церковными воротами валялись въ безпорядкѣ доски, стояли разобранныя деревянныя палатки; одна только изъ нихъ, крытая холстомъ, еще уцѣлѣла. Земля была сплошь усыпана скорлупой орѣховъ, подсолнечнаго сѣмени: сегодня утромъ послѣ обѣдни здѣсь былъ торгъ. Сбоку—лавка, гдѣ сосредоточено все отъ вонючей кожи до плохаго одеколона включительно; широкая дверь подъ низкимъ навѣсомъ предлагаетъ вамъ туда войти. А нѣсколько дальше, въ указанномъ закономъ разстояніи, произведенія водочнаго завода Бодалева, манятъ подъ свой пріютъ податливыхъ обывателей. Какихъ-нибудь пять—десять минутъ, и вы уже вполнѣ оріентировались въ Гольянахъ.

Вечерѣло; сѣрыя тѣни ложились повсюду; темныя облака сплошь облегли все небо, вода послѣ недавняго дождя была темносиняя; противоположный лѣвый—пологій—берегъ тоскливо глядѣлъ своимъ низкорослымъ кустарникомъ. Обширная, но безлюдная площадь, пьяные голоса, заколоченный домъ неподалеку, конецъ селенія, сразу виднѣющійся... такъ и пахнуло деревней, той захолустной, обиженной деревней, какихъ сплошь и рядомъ на бѣлой Руси. Чѣмъ-то хищнымъ и раззореннымъ вѣяло повсюду. Не смотря на пѣсни бабъ и «говоръ пьяныхъ мужичковъ», звонъ колокольчиковъ, дожидающихся отвезти пассажировъ съ парохода, чувствовалось, что часъ-другой,—и полная мертвенность воцарится въ Гольянахъ. Уйдетъ пароходъ, умолкнутъ пѣсни, разъѣдутся пассажиры, заснутъ и безъ того сонныя улицы, а громадная площадь потонетъ въ безмолвномъ мракѣ. Вотъ гдѣ мѣсто для ссылки, невольно подумалось мнѣ!

Это чувство не ослабѣло, а только усилилось при видѣ беззащитно-бѣдной заброшенной церкви. Когда-то штукатуренная, она вся теперь облѣзла, и штукатурка обвалилась; кажется, мѣста живаго на ней не найдешь: ямистые кирпичи тысячами глазъ глядѣли вамъ въ лицо. Каменная ограда была не въ лучшемъ видѣ; внутри ея все поросло густою травой; ни тропинки, ни слѣда недавно проходившихъ здѣсь ногъ. Въ сѣрой дымкѣ наступавшей ночи Божій домъ казался еще болѣе покинутымъ. Вѣтвистыя березы заглядывали въ выцвѣтшія окна храма и оплакивали его руины и пустоту. Одни только голуби да грачи свили себѣ гнѣзда на церковной колокольнѣ и съ шумомъ летѣли туда на ночлегъ...

Я долго смотрѣлъ на южныя двери. Рядъ ступеней велъ подъ навѣсъ, поддерживаемый двумя дорическими колоннами; надъ нимъ гнѣздилась восьмиугольная башенка съ куполомъ. И мысль какъ-то сама собой перенеслась въ далекій южный край, подъ ясное небо Эллады, гдѣ гордо воздымались царственные храмы, гдѣ граждане тщеславились видѣть имена свои увѣковѣченными на стѣнахъ этихъ храмовъ, гдѣ...—и горькая усмѣшка невольно скользнула на губахъ. Боже мой! Куда не занесетъ иногда мысль! Да и по праву-ли?..

Пароходъ далъ свистокъ, и когда черезъ пять минутъ мы отчалили, мнѣ стало какъ-то легче на душѣ.

За Сарапуломъ Кама становится замѣтно у́же; нѣтъ болѣе «озеръ», лѣвый берегъ понижается, мѣняется характеръ и праваго нагорнаго: линія дѣлается болѣе волнистою, горбины образуютъ впадины, большія лощины. Рядомъ съ лѣсистымъ берегомъ идетъ голая холмистая покатость, одинъ склонъ которой вспаханъ и засѣянъ. Менѣе правильности, но болѣе разнообразія.

Въ этомъ разнообразіи, надо думать, сказывается вліяніе Уральскаго хребта. Уже передъ Осой его отроги начинаютъ мѣстами набѣгать къ лѣвому берегу, а выше этого города такъ и къ правому. Ломанные, блѣдносиневатые, покрытые краснымъ лѣсомъ и кой-гдѣ вспаханные, уральскіе холмы и вѣтви появляются то тутъ, то тамъ. Теперь не только правый, но и лѣвый берегъ иногда становится нагорнымъ: очевидно, рѣка въ этихъ мѣстахъ искала себѣ дороги и прорубала ее тамъ, гдѣ было удобнѣе, бросаясь изъ стороны въ

сторону, омывая горныя подножія и съ востока, и съ запада. Чѣмъ выше, тѣмъ Кама диче и, пожалуй, еще величественнѣе, но ея красота становится уже утомительной.

За то вечера неизмѣнно прекрасны. Та же зеркальность, тотъ же покой и такъ же смотрятся въ воду берега и деревья. Только еще глуше и отчужденнѣе, еще меньше плотовъ и огоньковъ на берегу. Лѣвый берегъ, сплошь окутанный темной одеждой, высокой стѣною далеко вытянулся впередъ, завернулъ влѣво и затѣмъ пропалъ изъ глазъ, постепенно понижаясь. Рѣзко ограниченная съ этой стороны, подъ флеромъ вечерняго сумрака, Кама точно влилась въ глубокій водоемъ, въ глубокую длинную чашку и застыла въ ней. Покой, какимъ дышетъ въ эту минуту вся природа, невольно передается и вамъ, унося далеко въ безпредѣльное пространство и вызывая цѣлый рой воспоминаній.

Если Волга съ нерусскимъ именемъ стала великою русской рѣкой, то что мѣшало сдѣлаться такою же и пермяцкой Камѣ? Вѣдь русскій человѣкъ узналъ ее не со вчерашняго дня! Многихъ влекла сюда богатая нажива: край изобиловалъ солью, мѣхами, «закамскимъ» серебромъ. Еще во времена Болгаръ посѣщали купцы баснословно богатую Біармію; еще Несторъ слышалъ разсказы Гюряты Роговича о посѣщеніяхъ русскими Югры, Печеры. Сперва Новгородъ, потомъ Москва высылали въ Пермскій край колонистовъ. Масса безвѣстныхъ именъ сложила здѣсь голову въ борьбѣ съ природой и врагомъ—туземцемъ; а кто возвращался, отягченный обильной добычей,—открывалъ дорогу новымъ искателямъ. И тѣ, кому особенно тѣсно жилось у себя дома—въ силу-ли ига татарскаго, въ силу-ли ярма воеводскаго, или просто отъ избытка молодыхъ силъ,—тѣ первые слѣдовали ихъ примѣру. А многихъ влекли сюда иные мотивы: уйти отъ міра и его соблазновъ и въ глуши лѣсныхъ дебрей, въ сообществѣ немногихъ сподвижниковъ или въ полномъ уединеніи схорониться отъ мірскаго зла. Общеизвѣстный фактъ—для того, чтобы стоило о немъ распространяться—какую роль въ исторіи колонизаціи играли наши монастыри.

За ушкуйникомъ, купцомъ и монахомъ шла административная власть, и край мало по малу входилъ въ составъ

Русской земли. Если въ 1174 г. новгородскіе повольники основали Хлыновъ, нынѣшнюю Вятку, то, конечно, не позже показались ихъ ладьи и въ сосѣдней Камѣ. Въ XIV столѣтіи святитель Стефанъ является апостоломъ Пермскаго края. Въ 1472 г. Біармія становится московской волостью. Чердынь и Соликамскъ, древнѣйшіе города, основываются еще въ XV вѣкѣ. Выварной соли московскіе люди стали заниматься еще до Ивана III. Едва завоевана была Казань и сталъ доступенъ прямой путь изъ Москвы на сѣверо-востокъ, какъ не проходитъ и шести лѣтъ, а именитые люди Строгоновы выхлопатываютъ себѣ грамоту на владѣнье обширнымъ пустопорожнимъ кускомъ земли, по обѣ стороны Камы отъ Лысвы и Пыскора до Чусовой: «а всего деи того пустаго мѣста 146 верстъ», гласитъ царскій указъ. Спасаясь отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ, Ермакъ со своими удальцами, очевидно, зналъ, куда шелъ и, вѣроятно, предвидѣлъ, какое широкое поприще благодатный край открываетъ его энергіи и неспокойной силѣ. Безъ Камы не было бы для насъ и Сибири; безъ Камы не занять бы намъ такъ быстро, въ какія-нибудь 20 лѣтъ, всей западной полосы этой необъятной равнины и не основать бы цѣлаго ряда городовъ: Пелыма, Тобольска, Березова, Тары, Томска и др. Уже при сынѣ Грознаго открываютъ прямую дорогу въ 250 верстъ отъ Соликамска до Верхотурья, создавая административное, торговое и военное звено и залогъ между Русью Европейскою и Русью Азіатскою... Кто только не проходилъ по этой Камѣ, по этой столбовой, широкой дорогѣ?! Манило-ли кого золото Алтайскихъ и Даурскихъ горъ, на черноземныхъ ли поляхъ Сибири надѣялся кто найти свою благодатную ниву, искалъ ли кто соли и металловъ въ Уральскихъ горахъ—никто не обходилъ многоводной рѣки.

Такъ почему-жъ она, точно кладъ заколдованный, не дается намъ въ руки? Прошли столѣтія, а измѣнилось-ли что въ ея жизни? Правда, не ходятъ больше по ней удалые повольники и не наводятъ страха на мирныхъ дикарей; здѣсь нѣтъ больше мѣста сподвижникамъ Ермака; пермяцкая Кама стала русскимъ владѣніемъ, но пустынной осталась она попрежнему. По-прежнему на цѣлыя версты ни кола, ни двора, по-прежнему одно ея дикое, нетронутое величіе, по-прежнему густы и угрюмы ея крутые берега, покрытые темною елью.

Въ этихъ мѣстахъ и теперь, какъ тогда, охватываетъ жуткое чувство одиночества; и теперь чувствуешь повсюду присутствіе какой-то стихійной, всегда опасной для тебя силы... Пустынная рѣка! Прошли столѣтія, какъ мы овладѣли тобою, но владѣемъ номинально; мы чужды твоихъ богатствъ, мы не умѣемъ ими пользоваться. Въ рукахъ американца и даже западноевропейца Кама представляла бы совсѣмъ иное... Отчего?..

Не подскажетъ-ли намъ отвѣта та же исторія? Перенесемся за 300—400 лѣтъ назадъ. Москва, центръ государства, правительственная машина, далеко отсюда; неуютнымъ и безсильнымъ чувствуетъ себя въ этихъ краяхъ русскій человѣкъ; онъ не знаетъ, какъ попалъ сюда, вѣдая одно, что ему нужно тутъ остаться: онъ завелъ свое хозяйство и, какъ оно ни бѣдно, но оно ему дорого; чувство осѣдлости тоже привязываетъ къ насиженному мѣсту; а тутъ и царскіе люди, приказные да воеводы, требуютъ, чтобъ онъ остался на мѣстѣ, платилъ подать, несъ царскую службу. Одному, безъ чужой помощи, ему не прожить: государь защититъ его отъ черемиса, дастъ земли и зеренъ на посѣвъ; государь пошлетъ торговыхъ людей привести ему товаръ, какого здѣсь нѣтъ, пошлетъ воеводу, своего человѣка, для суда и расправы; государь спасетъ его отъ голода и бѣды, и всякой напасти, какая угрожаетъ ему здѣсь на каждомъ шагу; государь защититъ его отъ этого самого воеводы, отъ его притѣсненій, кривды и взяточничества —словомъ, государь, вездѣ государь.

Въ другихъ земляхъ, гдѣ пространства были меньше, а сообщенія ближе, скорѣе и приспособленнѣе, гдѣ населеніе было гуще, гдѣ обмѣнъ товаровъ, произведеній страны и самыхъ мыслей былъ гораздо удобнѣе,—тамъ, въ этихъ странахъ, человѣкъ чувствовалъ себя сильнѣе и безопаснѣе, ему легче было образовывать общества, кружки и во взаимодѣйствіи этихъ обществъ находить оплотъ для себя противъ опасности. Въ правительствѣ не было такой нужды. Оттого-то тамъ, въ этихъ земляхъ, въ Западной Европѣ и развилась привычка къ самодѣятельности, къ тому, что́ англичане называютъ selfhelp. У насъ не то: безъ царя не было обезпеченія, русскій человѣкъ во всемъ полагался на него, жилъ царскимъ захребетникомъ, царскою думою, и мысль отъ дол-

гаго бездѣйствія оказалась неспособной къ самостоятельному мышленію. Мы, какъ маленькія дѣти, привыкли, чтобъ насъ водили на помочахъ, сдали на руки нянькѣ; вотъ почему и Кама наша до сихъ поръ пустынна, вотъ почему мы скорѣе, какъ ребята, только портимъ ея богатства, зарываемъ ихъ въ землю, скорѣе сжигаемъ, чѣмъ благоразумно ими пользуемся...

Плаваніе, наконецъ, приходитъ къ концу, и мы пріѣзжаемъ въ сонную Пермь. Да, сонную; другого эпитета ей не приберешь. Какой это характерный типъ далекаго губернскаго захолустья, этотъ городъ! Кажется, за послѣдніе 15—20 лѣтъ, какъ приходилось его видѣть, онъ ни въ чемъ не измѣнился. Высоко стоитъ яркое солнце надъ городомъ, расположившимся на высокомъ лѣвомъ берегу Камы; снизу, отъ пароходной пристани, поднимаются въ гору, въ городъ. Широкія, спокойныя улицы; сонные извощики на перекресткахъ дремлятъ въ сладкомъ far niente; кой-гдѣ пробѣжитъ мальчуга, лѣниво пройдетъ туземецъ-чиновникъ; улицы поросли травою; немощеныя, усыпанныя мягкимъ пескомъ, онѣ скрадываютъ всякій шумъ и шопотъ; тянутся деревянные троттуары по бокамъ домовъ, кой-гдѣ они провалились и прогнили; пѣшеходовъ на нихъ немного, за то, очевидно, козлы и коровы прогуливаются по нимъ, оставляя воспоминанія о своемъ пребываніи. Молчаливо и безмолвно стоятъ большіе оштукатуренные на-бѣло дома; въ открытыя окна видно то же безмолвіе; неуклюжій гостиный дворъ, гдѣ открыта одна лавка черезъ пятую; «Сибирскій проспектъ»—главная улица: присутственныя мѣста, магазины. Въ послѣднихъ я легко нашелъ по части съѣдобной, но для умственной пищи съ грѣхомъ пополамъ отыскалъ разрозненныя и неоконченныя произведенія мѣстной печати. Кой-гдѣ пустыя будки, отвалившаяся штукатурка—и полная тишина кругомъ... Мертвечина да и только! Что хорошо здѣсь, такъ это большіе густые сады частныхъ владѣльцевъ. Но эти навѣсы зеленыхъ кущъ, гдѣ такъ привольно и вѣетъ нѣгой и прохладой, еще только полнѣе гармонируютъ съ общимъ сномъ и неподвижностью!

Пожалуй, скажутъ: что-жъ тутъ дурнаго? Тихо, уютно и спокойно! Нѣтъ гвалта, не чувствуешь себя на юру?!. Двумъ

любящимъ сердцамъ такъ хорошо укрыться въ этомъ уголкѣ?!. Культурному человѣку вдали отъ «шума свѣта» никто не помѣшаетъ работать?!.

О, не говорите! Живо припоминается мнѣ другой далекій городъ, который я видѣлъ такъ же мелькомъ—и какая разница! Этотъ городъ—Мюнхенъ. Вотъ ужь гдѣ, дѣйствительно, тепло, уютно и привольно! Но за то полонъ онъ и жизни!.. Жить тамъ для воспитанія дѣтей или на старости лѣтъ—да я лучшаго уголка и не знаю. Городъ небольшой, чистый, нѣтъ шума и толкотни; но есть все, что можетъ дать и громадный центръ. Здѣшняя Пермь предлагаетъ вамъ мужскую и женскую гимназіи, реальное училище, общественный садъ, называемый загономъ и представляющій жалкую пародію чего-то на что-то; со дня на день отмѣняемые концерты заѣзжихъ музыкантовъ, этихъ непризнанныхъ талантовъ, какіе-то «испанскіе (?) кегли»—вотъ и все, кажется.

Нѣтъ, прощай, Пермь; намъ съ тобой не ужиться... Свиститъ паровозъ, звенитъ звонокъ, пассажиры садятся въ вагоны. Пора ѣхать дальше.

Но здѣсь, на Пермскомъ вокзалѣ, я распрощусь съ тобою, мой благосклонный читатель. Чувствую всю неделикатность, покидая человѣка въ незнакомомъ городѣ. Но смотри: тотъ же пароходъ, что́ привезъ насъ сюда, завтра утромъ повезетъ тебя обратно, и въ трое, пятеро сутокъ ты будешь снова дома. Я не рѣшаюсь—по крайней мѣрѣ сейчасъ—совершить дальнѣйшій путь въ сообществѣ съ тобою. Причина простая: боюсь за тебя. Мысленно пробѣгая свершенный нами путь, я ужаснулся, подумавъ, какую тоску, какое taedium vitae должны были нагнать на тебя мои монотонныя страницы. Сельскій ландшафтъ живописной рѣки я вдвинулъ въ сѣрую рамку томящаго вечера; яркое солнце пышно-убранной Волги я охолодилъ картинами разрушенья; радостное чувство, какое испытываешь, вырываясь изъ душнаго города, я отравилъ тебѣ разъѣдающей рефлексіей; суровую мощь водянаго великана обезсилилъ тревогой наболѣвшаго сердца... На каждомъ шагу я бередилъ твой душевный покой. Какъ ты еще не бросилъ меня на половинѣ дороги! Поэтому, разстанемся съ тобою здѣсь. Позволь мнѣ—на этотъ разъ въ

полномъ одиночествѣ—углубиться въ нѣдра Уральскихъ горъ, прорѣзать ихъ хребетъ и пройтись, согрѣтому яркимъ солнцемъ, по безбрежнымъ равнинамъ, по тѣмъ степямъ, гдѣ подаютъ другъ другу руки двѣ сестры, Европа и Азія. Быть можетъ, отдохнувъ, ты охотнѣе послѣдуешь за мною. Я буду готовъ къ твоимъ услугамъ. И такъ по выбору, прощай иль до свиданья!

Евгеній Шмурло.

GAYLAMOUNT
PAMPHLET BINDER
Manufactured by
GAYLORD BROS. Inc.
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

YD
U. C. BE
CO

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed. Renewals only: Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days priod to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

Calif. St. College
Bakersfield

INTER-LIBRARY
LOAN

OCT 11 1972

INTERLIBRARY LOAN

MAY 22 1989

UNIV. OF CALIF., BERK.

A LIBRARY

LD21A-60m-8,'70
(N8837s10)476—A-32

General Library
University of California
Berkeley